

Арабские женщины

Генри Харрис Джессап

The Women of the Arabs

Henry Harris Jessup et al.

Электронная книга проекта Гутенберга о арабских женщинах

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Арабские женщины

Автор: Генри Харрис Джессап

Редактор: Айзек Райли

Чарльз С. Робинсон

Дата выхода: 11 декабря 2005 г. [Электронная книга № 17278]

Последнее обновление: 13 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Мэрилинда Фрейзер-Канлифф, Стейси Браун Телленд и команда онлайн-корректоров на <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан с использованием сканов произведений, находящихся в общественном достоянии, из электронных библиотек Мичиганского университета.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "АРАБСКИЕ ЖЕНЩИНЫ" ***

АРАБСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

С ГЛАВОЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ.

Преподобный Генри ХАРРИС ДЖЕССАП, доктор медицинских наук,

Семнадцать лет американский миссионер в Сирии.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ преподобного К. С. РОБИНСОНА, доктора медицинских наук, И преподобного АЙЗЕКА РАЙЛИ.

"Порог плачет сорок дней, когда рождается девочка".

—Притча о горе Ливан.

НЬЮ-ЙОРК:

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДОДД И МИД".

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1873 году компанией DODD & MEAD в офисе библиотекаря Конгресса в Вашингтоне.

ЭТА КНИГА ПОСВЯЩАЕТСЯ ХРИСТИАНКАМ АМЕРИКИ.

Бейрут, Сирия, июль 1873 года.

Ввиду невозможности моего личного участия в редактировании этого тома, я попросил моих старых друзей, преподобного К. С. Робинсона, доктора медицинских наук, и преподобного Исаака Райли, из Нью-Йорка, руководить работой и был бы благодарен за их добрую и бескорыстную помощь, охотно предложенную с немалой потерей времени.

Х. Х. ДЖЕССАП.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Восток - родина пророчеств. До пришествия нашего Господа сам воздух Востока был наполнен "бессознательными пророчествами язычества". Люди ожидали великих перемен на земле. Когда Мухаммед восстал, он не только утверждал, что является передателем послания, вдохновленного Аллахом, но и предсказывал события будущего. Он заявил, что приближение последнего дня можно отличить по безошибочным признакам, среди которых были два наиболее примечательных.

Перед последним днем *солнце взойдет на Западе*, и Бог пошлет холодный благоухающий ветер, дующий из *сирийского Дамаска*, который *унесет души всех верующих и сам Коран*. То, что мир ислама воспринимает в буквальном смысле, мы можем воспринять в более глубоком духовном значении. Разве это не правда, что далеко на Западе много лет назад начало всходить евангельское солнце и проливать свои лучи на Сирию, и что в наши дни этот холодный благоухающий ветер истины и жизни, благоухающий любовью Иисуса и любовью к человеку, начинает дуть из Сирии Дамасской по всему Восточному миру! Церковь и школа, печатный станок и переведенная Библия, периодические издания и увесистые тома, свидетельства живых свидетелей истины и мучеников, погибших в ее защиту, - все это объединяется, чтобы смести системы заблуждений, будь то христианские, мусульманские или языческие.

Замечательное восстание женщин-христианок в христианских странах, вызванное новым интересом к благополучию женщин в языческих и мусульманских странах, является одним из величайших событий нынешнего столетия. Эта книга задумана как мемориал первых тружеников Сирии, почти все из которых ушли из жизни. Он также задуман как отчет о работе, проделанной для женщин и девочек арабской расы; показать некоторые из достигнутых замечательных результатов и стимулировать к новому рвению и усилиям в их интересах.

Проследивая историю этой работы, казалось необходимым описать положение женщины в Сирии, когда миссионеры впервые прибыли туда, и изучить различные религиозные системы, которые повлияли на ее положение.

При подготовке главы об арабах доисламского периода я нашел ценные материалы в "Харири" Ченери, "Коране" Салеса и Родуэлла и "Арабских пословицах" Фрейтага.

Чтобы узнать больше о религии друзов, я проконсультировался с полковником Дж. Работы Черчилля, гора Ливан и несколько арабских рукописей в библиотеке миссии в Бейруте.

Интересная книга преподобного С. Лайда под названием "Тайна Азии" дала мне основные сведения о религии Нусайрийе. Это подтверждает заявления Сулеймана Эфенди, чей трактат "Раскрывающий секреты веры Нусайрийе" был напечатан много лет назад в издательстве Mission Press в Бейруте и переведен этим выдающимся арабским ученым профессором Э. Солсбери из Нью-Хейвена. Кровавые Нусайрийе так и не простили Сулеймана за то, что он раскрыл их тайны; и, пригласив его на праздник в деревню недалеко от Аданы в 1871 году, жестоко похоронили его заживо в навозной куче!

Историческими справками, содержащимися в этом томе, я обязан архивам "Миссионерского вестника", Ежегодным отчетам Сирийской миссии, архивам миссии в Бейруте, мемуарам миссис Сары Л. Смит и частным письмам миссис Уайтинг, миссис Де Форест и различные друзья-миссионеры и местные жители.

Информацию об общей работе Сирийской миссии можно найти в книге доктора Андерсона "Миссии в восточных церквях", книге преподобного Исаака Берда "Библейская работа в библейских землях" и набросках к брошюре преподобных Т. Лори и Джеймса С. Денниса.

Образцы поэзии древних арабских поэтов были собраны из печатных и рукописных томов, а также из уст людей.

Некоторые рассказы о жизни детей в Сирии, а также образцы восточных историй и детских стишков были собраны в "Детскую главу". Они имеют более высокую ценность, чем простое развлечение, поскольку демонстрируют многие аспекты арабской домашней жизни. Иллюстрации тома состоят из рисунков по фотографиям Бергхайма из Иерусалима и Бонфилса из Бейрута.

Страницы на арабском были напечатаны на машинке в Бейруте мистером Сэмюэлем Халлоком, опытным руководителем американской прессы.

Я посылаю этот отчет о работе, проделанной в Сирии, с глубокой благодарностью за все, что сделал Господь, и с горячим желанием, чтобы он стал средством более ярко представить это

великое поприще в умах христиан, пробудить более теплую преданность делу миссионерства и, таким образом, ускорить время, когда каждая арабская женщина будет пользоваться честью и будет достойна возвышения, которое приходит с верой в Того, Кто был впервые предсказан как семя женщины.

ГЕНРИ ХАРРИС ДЖЕССАП.

Бейрут, Сирия, 28 ноября 1872г.

Содержание.

ГЛАВА I.

Положение женщин среди арабов Джахилии, или "Времена невежества". 1

ГЛАВА II.

Положение женщин в мусульманском мире. 7

ГЛАВА III.

Религия друзов и друзские женщины. 20

ГЛАВА IV.

Нусайрийе. 35

ГЛАВА V.

Хроника женского труда с 1820 по 1872 год. 45

ГЛАВА VI.

Школа миссис Уайтинг. 57

ГЛАВА VII.

Работа доктора Де Фореста в Бейруте. 73

ГЛАВА VIII.

Повторное открытие школы в Бейруте. 97

ГЛАВА IX.

Люция Шеккур. 114

ГЛАВА X.

Рахиль. 120

ГЛАВА XI.

Хумс. 140

ГЛАВА XII.

Мириам Алеппинка. 151

ГЛАВА XIII.

Современные сирийские взгляды на женское образование. 158

ГЛАВА XIV.	
<i>Арабы-бедавины.</i>	180
ГЛАВА XV.	
<i>Женщина между варварством и цивилизацией.</i>	191
ГЛАВА XVI.	
<i>Мнения сирийских протестантов относительно работы американских женщин в Сирии.</i>	200
ГЛАВА XVII.	
<i>Другие подвиги женщин и девочек на этом поприще.</i>	204
ГЛАВА XVIII.	
<i>Объем библейских наставлений, даваемых в школах при миссии.</i>	215
ГЛАВА XIX.	
<i>Глава о детях.</i>	233

Женщины арабов.

ГЛАВА I.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН Среди АРАБОВ ДЖАХИЛИИ, ИЛИ "ВРЕМЕНА НЕВЕЖЕСТВА".

В этой красноречивой суре Корана, называемой Эттековир, (lxxxi.) сказано: "Когда девушку похоронят заживо, спросят, за какой грех она была убита". Этот отрывок, без сомнения, относится к жестокой практике, которая еще во времена Мухаммеда сохранялась среди племени Темим и которая впоследствии была искоренена под влиянием ислама.

Происхождение этой практики приписывается суеверному обряду принесения в жертву детей, распространенному в отдаленные времена у всех семитов и соблюдавшемуся евреями вплоть до Плена, как мы узнаем из обличений Иеремии. Но в более поздние времена дочерей хоронили заживо в целях экономии домашнего хозяйства из-за бедности многих племен и их страха бесчестия, поскольку женщин часто похищали их враги во время набегов и делали рабынями и наложницами чужеземцев.

Так что на свадьбе пожелание, выраженное в поздравлениях молодоженам, звучало так: "с согласием и сыновьями" или "с согласием и постоянством; с сыновьями и без дочерей". Такое же приветствие сейчас повсеместно звучит в Сирии. Главное пожелание, которое женщины высказывают невесте, - "пусть Бог даст тебе ареса", *то есть сына-жениха*.

В Коране, сура XIV, Мухаммед выступает против арабов из Кинане, которые говорили, что ангелы были дочерьми Бога. "Они (богохульно) приписывают дочерей Богу; однако они *не желают их для себя*. Когда одному из них объявляют о рождении ребенка женского пола, его лицо темнеет, и кажется, что он вот-вот задохнется".

Старые арабские пословицы показывают, что погребение заживо детей женского пола считалось похвальным.

"Отправлять женщин на тот свет раньше - это благо".

"Лучший зять - это могила".

В Коране также говорится, что некоторые мужчины, услышав о рождении дочери, прячутся "от людей из-за дурных вестей; пусть он сохранит их с позором или закопает в прах". (Sura xvi.)

Говорят, что единственный случай, когда Осман пролил слезу, был, когда его маленькая дочь, которую он хоронил заживо, вытерла могильную пыль с его бороды!

До седьмого века от этой практики, по-видимому, постепенно отказались, но дольше всего она сохранялась в племени Темим. Наман, царь Хиры, во время набега захватил в плен дочь Кайса, вождя Темима, которая влюбилась в одного из своих похитителей и отказалась возвращаться в свое племя, после чего ее отец поклялся похоронить заживо всех своих будущих детей женского пола, что он и сделал, в количестве десяти.

После этого богатые мужчины покупали жизни девушек, обреченных на погребение, и Са Саах таким образом спас многих, в одном случае отдав двух дойных верблюдиц, чтобы выкупить жизнь новорожденной девочки, и его прозвали "Воскрешающим заживо погребенных дев".

Следующие арабские пословицы, относящиеся к женщинам и девочкам, *лучше, чем тома исторических рассуждений, проиллюстрируют* древние арабские представления об их характере и положении:

"В послушании женщинам придется покаяться".

"Мужчина может вынести все, что угодно, только не упоминание о своих женщинах".

"Сердце женщины отдано безрассудству".

"Не оставляй без охраны ни девушку, ни зеленое пастбище".

"Какое отношение девушка имеет к советам нации?"

"Если хочешь жениться на красавице, заплати ей приданое".

"Не бойся хвалить мужчину, жены которого ему верны".

"Женщина жиреет от того, что она слышит". (лесть)

"Женщины - это плети сатаны".

"Если вы хотите жениться на девушке, поинтересуйтесь чертами характера ее матери".

"Не доверяй ни королю, ни коню, ни женщине. Ибо король привередлив, лошадь склонна убегать, а женщина вероломна".

"Мой отец сражается, а моя мать говорит об этом".

"Наша мать запрещает нам заблуждаться и мы впадаем в ошибку".

"Горе народу, которым правит женщина!"

Положение женщины среди арабов до времен Мухаммеда можно легко вывести из того, что предшествовало. Но у этой картины есть и другая сторона. Несмотря на презрение и жестокое обращение, женщина часто отстаивала свое достоинство и свои права не только с помощью физической силы, но и за счет интеллектуального превосходства. Арабские поэтессы многочисленны, и некоторые из них занимают высокое положение. Их поэзия была экспромтом, страстной и в основном элегического и эротического типа. Способность к импровизации культивировалась даже у самых варварских племен, и хотя та их поэзия, которая сохранилась, в основном представляет собой рифмованную прозу, в ней часто содержатся поразительные и красивые мысли. Они называли импровизированную поэзию "дочерью часа".

Королевой арабских поэтесс является Эль Хунса, которая процветала во времена Мухаммеда. Элегии, посвященные ее двум братьям-воинам Сахру и Муавии, являются одними из жемчужин древней арабской поэзии. Она не была тем, кого в наше время назвали бы утонченной или деликатной леди, поскольку даже арабы ее возраста считали ее гордой и мужественной по характеру. На восьмой год Хиджры ее сын Аббас привел тысячу воинов, чтобы присоединиться к силам Пророка. Она пришла с ним и читала Мухаммеду свои стихи. Она годами оплакивала своего брата. Она пела о Сахре:

"Его доброта известна по его братскому лицу,
Трижды благословленному как знак небесной благодати:
По его виду кротости и стыда можно подумать,
Что его гнев был вызван мыслью о его славе.
О редкая добродетель и прекрасная природная черта,
Которая никогда не изменится от смены сословия!
Когда он облачен в доспехи и готов к бою,
армия ликует и одерживает победу!"

Она снова посетовала на него следующим образом:

"Каждый великолепный восход солнца напоминает мне о Сахре,
я заново думаю о нем, когда заходит дневной свет;
И если бы я не видел слепого горя
многих скорбящих о похищенных братьях,
я убил бы себя от глубокого и мрачного отчаяния".

Поэтесса Набигах соорудила для нее красную кожаную палатку на ярмарке Оказ в знак почета и на конкурсе поэзии отдала ей самое высокое место над всеми, кроме Маймун, сказав ей: "Если бы я не слышала его, я бы сказала, что ты превзошла всех в поэзии. Признаюсь, вы превосходите всех женщин". На что она высокомерно ответила: "Тем не менее я превосхождлю всех мужчин".

Ниже приведены известные строки Эль Хунсы, которые дали ей титул принцессы арабских поэтесс. Перевод я сделал совершенно дословный.

"Ах, у времени есть свои чудеса; его изменения поражают,
Оно оставляет нам хвост, в то время как оно убивает голову;
Оно оставляет нас низшими, в то время как высшее приходит в упадок;
Оно оставляет безвестных, презираемых и рабов,
Но уважаемых и любимых, истинных и храбрых
Оно оставляет нас оплакивать безвременную могилу.
Два новых творения, день и ночь,
Хотя и непрестанно изменяющиеся, чисты, как свет:
Но человек меняется к заблуждению, порче и упадку".

Предполагается, что самая древняя арабская поэтесса Зарифех жила еще во Втором веке, во времена прорыва знаменитой дамбы Мареб, которая опустошила землю Саба. Другая поэтесса, Ракаш, сестра царя Хиры, была выдана царем замуж в состоянии алкогольного опьянения за человека по имени Ади.

Увы, в наши дни арабы-мусульмане не ждут, пока ослепнут от вина, чтобы выдавать своих дочерей замуж за незнакомцев. Однажды я подслушал, как в магазине встретились два молодых мусульманина, один из которых собирался жениться. Его спутница спросила его: "Ты слышал что-нибудь о внешности твоей нареченной?" - Ничего особенного, - ответил он, - только я уверен, что онабелая.

В книге, написанной Мирай ибн Юсеф эль Ханбали, приведены имена двадцати арабских женщин, которые импровизировали на стихи. Среди них Лейла, Лейла эль-Ахьялия, Лубна, Зейнаб, Афра, Хинд, Мэй, Дженоуб, Хубайш, Зарифех, Джемиле, Ремле, Лотифе и другие. Большинство стихов, приписываемых им, представляют собой эротическую поэзию любовного характера, полную самых экстравагантных выражений преданности, на какие только способен язык, и все же большая ее часть с трудом поддается переводу. Это поразительно напоминает Песнь Песней Соломона, полную страстного красноречия. И все же в поэзии Эль Хунсы и других, носящей элегический характер, есть отрывки, полные нравоучительных высказываний и мудрости пословиц.

ГЛАВА II.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ.

Наши знания о положении женщин среди мусульман почерпнуты из Корана, мусульманских традиций и мусульманской практики.

I. Во-первых, Коран не учит, что у женщин нет души. Мохаммед не только был слишком многим обязан своей богатой жене Хадидже, чтобы осмеливаться на подобное утверждение, но и фактически учил в Коране бессмертию и моральной ответственности женщин. Одна из его жен пожаловалась ему, что Бог часто хвалит мужчин, но не женщин, бежавших из страны ради веры, и он немедленно выдал следующее откровение:

"Я не допущу, чтобы работа того из вас, кто трудится, была потеряна, будь то мужчина или женщина". (Сура iii.)

В суре iv. сказано:

"Всякий, кто творит добрые дела и является истинно верующим, будь то мужчина или женщина, будет принят в Рай".

В суре xxxiii:

"Воистину, мусульмане и мусульманство, (фем.)
Верующие мужчины и верующие женщины,
благочестивые мужчины и набожные женщины,
Правдивые мужчины и правдивые женщины,
Терпеливые мужчины и терпеливые женщины,
смирненные мужчины и смирненные женщины,
милосердные мужчины и милосердные женщины,
Постящиеся мужчины и постящиеся женщины,
Целомудренные мужчины и целомудренные женщины,
И мужчины и женщины, которые часто вспоминают Бога;
Для них Бог приготовил
Прощение и богатое вознаграждение".

II. Таким образом, мусульмане не могут и не отрицают, что у женщин есть душа, но их жестокое обращение с женщинами естественным образом привело к такому мнению. Халиф Омар сказал, что "женщины - никчемные существа и портят репутацию мужчин". В суре iv. написано:

"Мужчины превосходят женщин из-за качеств,
которыми Бог одарил их друг над другом,
И из-за затрат, которые они делают из своего имущества для них.
Добродетельные женщины послушны
Но ругайте тех, за чью непокорность
У Вас есть причины опасаться ... *и бичевать их.*

Поскольку толкование этого последнего предписания оставлено на усмотрение отдельного верующего, оно выполняется с ужасающей строгостью. Бичевание и избиение жен - одна из худших черт мусульманской семейной жизни. Это приниженная практика, и, имея санкцию Корана, ей будут потворствовать без упреков до тех пор, пока в мире господствует исламизм как система и вера. К счастью для бедных женщин, мужья обычно не бьют их, подвергая опасности их жизни, если поблизости проживают их собственные родственники, чтобы мучительные крики страдалиц не достигли ушей ее родителей и не навлекли позора на мужа. Но там, где нет страха вмешательства или разоблачения, удары и пинки наносятся самым безжалостным и варварским образом. Таким образом убивают женщин, и никто посторонний не знает причины. Один из моих соседей-мусульман однажды забил до смерти одну из своих жен. Я слышал ее крики день за днем, и, наконец, однажды ночью, когда все стихло, я услышал ужасный визг и удар за ударом обрушивались на ее спину и голову. Я слышал, как этот грубиян проклинал ее, избивая. Полиция не вмешивалась, и я не мог войти в дом. На следующий день в этом доме

были похороны, и ее увезли и похоронили самым поспешным и бесчувственным образом. Иногда случается, что женщина достаточно сильна, чтобы защитить себя, и добивается мира; но обычно, когда вы слышите крик в мусульманском квартале города и спрашиваете причину, вам скажут, равнодушно пожимая плечами: "Это всего лишь какой-то мужчина избивает свою жену".

Этот тридцать восьмой стих четвертой суры является одним из многих доказательств того, что Коран не является книгой Бога, потому что он нарушает закон любви. "Мужья любят своих жен" - это заповедь Евангелия, а не Корана. И все же печальным фактом является то, что номинальные христиане этой темной страны в этом отношении ненамного лучше своих мусульманских соседей. Греки, марониты и папские греки бьют своих жен по малейшему поводу. В более просвещенных городах этот обычай "выходит из моды", хотя к нему все еще часто прибегают в припадках страсти.....Иногда родственники жены мужского пола принимают ответные меры, если муж бьет ее. В деревне Швайре в Ливане мужчина жестоко избил свою жену, и она убежала в дом своего брата. Брат воспользовался удобным случаем; подстерег мужа-обидчика и отомстил за раны своей сестры, жестоко выпоров его. На Востоке Турции миссионер в одном из городов заметил, что ни одна женщина не посещала церковь по воскресеньям. Он возразил протестантам и призвал их убедить своих жен сопровождать их. В следующее воскресенье все женщины присутствовали, настолько кроткие и тихие, насколько можно было пожелать. Миссионер был в восторге и спросил одного из мужчин, как они убедили их прийти? Он ответил: "Мы все жестоко избивали своих жен, пока они не соглашались приехать!" Этот обычай избияния жен, очевидно, был заимствован христианскими сектами у своих мусульманских правителей и угнетателей, и ничто, кроме чистого христианства, не может заставить их отказаться от него.

III. Некоторые предполагали, что в Мусульманском раю не будет места женщинам, поскольку их место займут семьдесят две ясноглазые гурии, или райские девицы. Мухаммед однажды сказал, что, когда он взглянул на Рай, он увидел, что большинство его обитателей - бедняки, а когда он посмотрел вниз, в ад, он увидел, что *большую часть* несчастных, заключенных там, составляют *женщины!* И все же он определенно пообещал своим последователям, что у самого ничтожного в Раю будет восемьдесят тысяч слуг, семьдесят две жены-гурии, *помимо жен, которые были у него в этом мире.* Обещания Гурий можно найти почти исключительно в Сурах, написанных в то время, когда у Мухаммеда была только одна шестидесятилетняя жена, и за все десять лет, последовавших за Хиджрой, женщины упоминаются только дважды в качестве награды верующим. И это при том, что в четырех Сурах говорится о настоящих женах правоверных, сопровождающих своих мужей в сады блаженства.

"Они и их жены в тот день
будут отдыхать в тенистых рощах". (Сура 36.)

"Войдите вы и ваши жены в Рай довольными". (Сура 43.)

"Сады Эдема, в которые они войдут
Вместе с праведниками своих отцов и своих жен". (Сура 13.)

Однажды пожилая женщина попросила Мухаммеда ходатайствовать перед Богом о том, чтобы ее допустили в Рай, и он сказал ей, что ни одна пожилая женщина не войдет в это место. Она разразилась громкими рыданиями, когда он объяснил это тем, что тогда Бог снова сделает ее молодой.

Однажды я был попутчиком в дамасском дилижансе с мусульманским паломником, направлявшимся в Мекку через Бейрут и Египет в сопровождении своей жены. Я спросил его, получит ли его жена какое-нибудь место в Раю, когда он получит свою норму в семьдесят две Гурии. "Да, - сказал он, глядя на свою жену, чья вуаль мешала нам видеть ее, хотя она могла видеть нас, - если она будет повиноваться мне во всех отношениях, будет верной женой и отправится в Мекку, она станет прекраснее всех гурий Рая". Таким образом, рай преподносится женщинам как награда за послушание своим мужьям, и это примерно то, что большинство мусульманских женщин знают о религии.

Женщинам никогда не разрешается молиться с мужчинами публично, поскольку они вынуждены совершать свои обряды дома, а если они и посещают мечети, то только в то время, когда там нет мужчин, поскольку мусульмане придерживаются мнения, что присутствие женщин вызывает набожность иного рода, нежели та, которая желательна в месте, отведенном для поклонения Богу.

Мусульманское представление о женщине мерзко и деградировало. Отсутствующий дома мусульманин никогда не адресует письмо своей жене, а только своему сыну, или брату, или какому-либо родственнику мужского пола. Спрашивать мусульманина о здоровье его жены считается тяжким оскорблением. Если вам приходится упоминать женщину в разговоре, вы должны использовать слова "аджеллак Аллах", "Да возвысит вас Бог" над осквернением этой темы! Можно было бы ожидать, что вы используете одно и то же выражение по отношению к ослу, собаке, ботинку, свинье или чему-либо еще мерзкому. Это чем-то похоже на ирландское выражение "Оставляю вас при себе, сэр", когда речь заходит о неприятной теме.

Греческий христианин (?) из Триполи пришел к американскому врачу-миссионеру и сказал: "Здесь есть женщина по имени аджель шанак Аллах, которая больна. Прошу прощения, что затронул столь мерзкую тему привашем превосходительстве. - И кто же это может быть? - спросил доктор. "Аджеллак, это моя жена!"

Я помню, как однажды встретил мусульманского муфтия Бейрута в кабинете доктора Ван Дейка за печатным станком. Жена муфтия (по крайней мере, *одна* из них) была больна, и он хотел получить медицинскую консультацию, но не мог оскорбить Врача, упомянув женщину в его присутствии. Итак, после бесчисленных приветствий он начал повторять "доброе утро" и "пусть ваш день будет счастливым", пока не смог благопристойно приступить к делу. "Ваше превосходительство, должно быть, знает, что у меня в доме больной человек. Дай Бог вам здоровья! Поистине, мир вашей голове. Иншулла, это всего лишь легкий приступ!" "У него боли в спине, головная боль, и он не хочет есть". "У него нет температуры?" "Немного". "Я приду повидать ее сегодня днем". "Пусть Бог умножит ваше благо. Доброе утро, сэр!"

Мусульманские законы, касающиеся многоженства, наследования и развода, являются решительным шагом вперед по сравнению с арабами-язычниками "Невежества".

Арабам-язычникам разрешалось иметь любое количество жен. Коран допускает *только четыре* для любого верующего, сам пророк имеет особые привилегии в этом отношении.

Современная практика мусульман брать себе десяток или более жен прямо противоречит Корану. Арабы-язычники не допускали, чтобы женщина получала какую-либо часть наследства мужа или отца на том основании, что никто не должен был получать наследство из тех, кто не мог пойти на войну, и вдовами распоряжались как частью имущества их мужа. В Коране сказано (сура iv): "Женщинам следует иметь часть того, что оставляют их родители". Мужчина должен иметь в два раза больше, чем женщина. Но родители мужчины, а также его братья и сестры должны иметь равные доли независимо от пола. "Бог повелевает тебе отдать мужчине долю двух женщин. Если она единственная дочь, ей достанется половина. Вашим женам достанется четвертая часть того, что вы оставите, если у вас не будет потомства".

У арабов-язычников развод был простым капризом. В Коране сказано (сура ii): "Вы можете дважды развестись со своими женами (и снова забрать их обратно). Но если муж разведется с ней в третий раз, он не вправе жениться на ней снова, пока она не выйдет замуж за другого мужа, а затем не разведется с ним. " Я знаю случаи, когда муж в порыве страсти разводился со своей женой в третий раз и, чтобы вернуть ее обратно, *нанимал другого мужчину*, чтобы тот женился на ней, а затем развелся с ней. Богатый эфенди развелся со своей женой в третий раз и, желая повторно жениться на ней, нанял бедняка, чтобы тот женился на ней за вознаграждение в семь сотен пиастров. Он забрал жену и деньги, а на следующий день отказался отдать ее менее чем за пять тысяч пиастров, которые эфенди был обязан заплатить, поскольку женщина стала законной женой бедняка.

Ни один мусульманин никогда не гуляет со своей женой по улице, а в мусульманских городах очень немногие мужчины других сект, если вообще кто-либо из них, желают показываться на публике в компании женщины. Женщины плотно прикрыты вуалью, и если мужчине и его жене приходится идти куда-либо вместе, он идет впереди, а она на большом расстоянии позади него. Нофель Эфенди, один из самых образованных протестантов Сирии, однажды объяснил мне свое отвращение к публичным прогулкам с женщинами в более удовлетворительной манере, чем я когда-либо слышал раньше. Он сказал: "Вы, франки, можете гулять со своими женами на людях, потому что их лица открыты, *известно, что это ваши жены*, но наши женщины так плотно закрывают лицо вуалью, что, если бы я пошел со своей женой по улице, никто бы не узнал, иду ли я со своей женой или с женой другого мужчины! Вы не можете ожидать, что респектабельный человек поставит себя в такое неловкое положение! Ни одна мусульманка не осмелилась бы выйти на улицу без чадры из-за страха личного наказания со стороны мужа и отца, а греческие, маронитские и другие номинальные христианки в Сирии избегают обнажать свои лица из-за страха оскорбления со стороны мусульман.

Когда европейские женщины, будь то местные жители или путешественницы, проходят через мусульманские кварталы этих городов Сирии и Палестины с открытыми лицами, они становятся предметом самых возмутительных и оскорбительных комментариев со стороны мусульманского населения. Хорошо для чувств большинства этих достойных христианок, что они не понимают арабского языка. Турецкий губернатор Триполи был вынужден пресечь оскорбительные эпитеты мусульман в адрес европейских дам, когда они впервые начали там проживать, путем проведения бастинадо.

В 1857 году преподобный мистер Лайонс из Триполи нанял шейха Овада, мусульманского фанатика, обучить его арабской грамматике. Он был самодовольным грубияном, хорошо разбиравшимся в арабской грамматике, но более несведущим в географии, арифметике и

хорошем воспитании, чем ребенок. Однажды миссис Лайонс проходила через комнату, где он обучал мистера Л., и он отвернул от нее голову и плюнул в ее сторону с выражением невыразимого презрения. Это был последний раз, когда он делал это, и теперь он стал настолько цивилизованным, что может пожелать доброго утра жене миссионера и даже согласиться преподавать священный, чистый и незапятнанный арабский женщине! Я полагаю, что он еще не дал своего согласия с тем фактом, что земля вращается вокруг своей оси, но он узнал, что в мире есть женщины, которые знают больше, чем шейх Овад.

В древние времена мусульманских женщин время от времени учили читать Коран, а среди более богатых и аристократических классов замужних женщин теперь иногда учат читать, но основная масса мусульманских мужчин категорически против обучения женщин. Когда мужчина решает научить свою жену читать, обычный план состоит в том, чтобы нанять слепого мусульманского шейха, который знает Коран наизусть. Он сидит в одном конце комнаты, а она - в другом, присутствует какая-то пожилая женщина, то ли ее мать, то ли свекровь. Слепые шейхи обладают замечательной памятью и острым слухом и могут обнаружить малейшую ошибку в произношении или передаче, поэтому их используют в большинстве мусульманских школ. Большинство мусульман панически боятся доверить умение читать и писать своим женам и дочерям, чтобы те не злоупотребили им, написав тайные письма неподобающим лицам. "Научи девочку читать и писать!" — сказал мне муфтий-мусульманин в Триполи. "Да ведь она будет *писать письма*, сэр, - да, *действительно писать письма*! об этом нельзя думать ни на минуту". Я ответил: "Эффендум, ты наступаешь женщинам на шею, а потом обвиняешь их в том, что они не встают. Воспитывайте своих девочек и приучайте их к уму и добродетели, и тогда их ручки будут писать только то, что должно быть написано. Тренируйте руку держать ручку, не тренируя разум направлять ее, и результатом может стать только вред". "*Сахия, сахия*", "Совершенно верно, совершенно верно, - сказал он, - Но как это можно сделать?"

Это начало делаться в Сирии. Со времен миссис Сары Л. Смит и по настоящее время мусульманских девочек учили читать, писать и шить, и сейчас многие из них учатся в различных американских, британских и прусских школах. Но пройдет много времени, прежде чем какое-либо истинное представление о достоинстве женщины войдет в униженные умы арабских мусульман. Простой факт заключается в том, что среди мужчин нет моральной чистоты или возвышенности, и как этого можно ожидать от женщин. Мусульманское представление о женщине бесконечно ниже старого еврейского представления. Женщина во времена Христа пользовалась большим почетом. Верующие женщины следовали за Христом по всей Галилее и Иудее, и хотя враги стояли и смотрели со всех сторон с ненавистью, в их адрес никогда не было произнесено ни единого намека. Тот печально впечатляющий факт, что для человека, живущего в Сирии в наши дни, свобода и уважение, которые были позволены женщине во времена нашего Спасителя, теперь были бы абсолютно невозможны. В чисто греческих, маронитских или армянских деревнях женщины пользуются гораздо большей свободой, чем там, где в населении есть мусульманский элемент. И заслуживает внимания и благодарного признания тот факт, что, хотя христианство на Востоке опустилось по внешней морали почти до уровня исламских и полуязыческих сект, существует разительная разница между низшей номинальной христианской общиной и высшей мусульманской в отношении уважения к женщине. Какими бы невежественными и угнетенными ни были греческие и маронитские женщины, входя в их дома, вы чувствуете, что унижительное ярмо мусульманской жестокости не лежит на их шеях. Их мужья могут быть грубыми, невежественными и безжалостными, избивать своих жен и презирать своих дочерей, оплакивать рождение дочери и жениться на ней без ее согласия, и все же есть более

низкие уровни грубости и брутальности, безжалостности и скотства, которые встречаются только среди мусульман. Однажды я предложил мусульманину из Триполи, чтобы он отправил своих дочерей в нашу школу для девочек, где тогда преподавала мисс Сада Грегори, учительница-уроженка, получившая образование в семье миссис Уайтингу, и он посмотрел на меня со смешанным выражением жалости и презрения, сказав: "Воспитывай *девочку*! С таким же успехом ты мог бы попытаться обучить *кошку*!"

Не прошло и двух месяцев с тех пор, как я беседовал с несколькими аристократами-мусульманами Бейрута, присутствовавшими на открытии Бейрутского протестантского медицинского колледжа. Была затронута тема образования девочек, и одна из них сказала: "Мы начинаем обучать наших девочек в ваших протестантских школах, и, поверите ли, я слышала, как одна из них читала на днях (вероятно, его собственная дочь), и она действительно задала вопрос о конструкции существительного, перед которым стоит предлог! Я никогда не слышал ничего подобного. В конце концов, твари различают и понимают то, что они читают! Остальные ответили: "*Машаллах! Машаллах!*" Да свершится воля Аллаха!"

Около десяти лет назад влиятельный мусульманский шейх из Бейрута, который был личным другом мистера Арамана, мужа Лулу, привел свою дочь Вахиди (единственную) в семинарию для обучения при условии, что ни один мужчина никогда не увидит ее лица. Поскольку сам мистер Араман был одним из учителей, а я привык постоянно бывать в школе, ей приходилось носить легкую вуаль, которую она ловко натягивала на лицо всякий раз, когда открывалась дверь. Это продолжалось месяцами и годами, пока, наконец, во время декламации она не откинула вуаль в сторону. Затем она слушала публичные выступления в школе без чадры и, наконец, в июне 1867 года она прочитала на сцене сочинение на тему "Ценность образования для женщин и девочек Сирии", на котором присутствовал ее отец, шейх Саид эль Гур, с несколькими своими друзьями-мусульманами.

ГЛАВА III.

РЕЛИГИЯ ДРУЗОВ И ДРУЗСКИЕ ЖЕНЩИНЫ.

The Великим толкователем и защитником религии друзов является Хамзе, "Вселенский разум", единственный Посредник между Богом и человеком и посредник в сотворении всего сущего. Этот Хамзе был проникательным, способным и беспринципным человеком. В своих трудах он не только защищает мерзости Хакема, но и излагает полный кодекс учения друзов и их долга.

Многие считают, и среди друзов это ортодоксальная точка зрения, что их система как таковая должна просуществовать ровно 900 лунных лет. Датой эры друзов является 408 год хиджры, или 1020 год н. э. Нынешний 1872 год соответствует 1289 году Хиджры, так что *через девятнадцать лунных лет* системе начнет приходить конец по ее собственному летоисчислению, и через 1000 лет она прекратит свое существование. Другие определили нынешний год как год великого катаклизма, но толкователи настолько скрытны и сдержанны в своих утверждениях, что только по случайным замечаниям мы можем составить какое-либо представление об их истинной вере.

Ложь неверным - это настолько достойный поступок, что вы не можете полагаться ни на одно слово, которое они говорят о себе или своих доктринах. Их секретные книги, которые были найдены во время гражданских войн 1841 и 1845 годов, были переведены и опубликованы Де Саси, и у нас есть некоторые из них в оригинальных арабских рукописях в библиотеке Миссии в Бейруте. Из главы одной из них, озаглавленной "Метхак эн Нисса", или "Обязанности женщин", я перевел следующие отрывки, чтобы показать религиозное положение женщин как имеющее отношение к моей цели при описании положения сирийских женщин.

"Верующие бывают как мужчинами, так и женщинами. Благодаря наставлениям женщины переходят от невежества к знанию и становятся ангелами, подобными Пяти Служителям, несущим Трон: *то есть* Доктрине Единства. Все верующие мужчины и женщины должны быть свободны от всякой нечистоты, позора и бесчестия. Верующие женщины должны избегать лжи (по отношению к братьям), неверности и похоти, а также проявления зла и демонстрировать превосходство своей работы над всеми женщинами-приверженцами Троицы, избегая любых подозрений и порочности, которые могут навлечь зло на их братьев, и избегая уделять внимание тому, что противоречит Божественному Единству.

"Мы написали это послание для прочтения всем верующим женщинам, которые придерживаются Единства Хакема, которые знают Его Вечность и повинуются своим мужьям. Но не позволяйте ни Дай, ни Мазуну читать это женщине, пока он не будет полностью уверен в ее вере и вероисповедании, и она письменно не заявит о своей вере. Он не должен читать это ни одной женщине наедине, ни в доме, где есть только одна женщина, даже если он достоин всякого доверия, чтобы не пробудить подозрений и не развязать язык клеветы. Пусть соберутся вместе по крайней мере три женщины, и пусть они сядут за занавеской или ширмой, чтобы их не было видно. Каждую женщину должен сопровождать ее муж, или отец, или брат, или сын, если он унитариец. Читающий должен не отрывать глаз от своей книги, не поворачиваться в сторону места, где находятся женщины, не бросать на нее взгляда и не слушать их. Более того, женщина не должна произносить ни слова во время чтения, и независимо от того, испытывает ли она прилив радости или внушает уважение и страх, она должна тщательно воздерживаться от проявления своих чувств ни улыбкой, ни слезами. Ибо улыбки, слезы и слова женщины могут разжечь страсть мужчины. Пусть она полностью сосредоточится на чтении, примет его в свое сердце и применит все способности своего ума, чтобы понять его значение, чтобы ясно представить истинное значение того, что она слушает. Если она найдет какой-либо отрывок неясным, пусть спросит Дай (проповедника), и он ответит, если сможет, а если нет, пообещает спросить у тех, кто более образован, и когда он получит решение, он должен сообщить ей, если она будет сочтена достойной.

"Высший долг женщин-приверженцев унитаризма - знать нашего Мулаха Хакема и Каима Хамзе. Если они последуют за Ним, пусть они знают, что Он полностью освободил их от соблюдения Семи Произвольных Столпов Закона (ислама), которые являются (1) Молитвой, (2) Постом, (3) Паломничеством, (4) Утверждением, что нет Бога, кроме Бога, и Мухаммед - Пророк Божий, (5) Подачей десятины, (6) Войной с неверными, (7) Подчинением власти. Но, с другой стороны, все верующие женщины должны выполнять Семь религиозных обязанностей: первая и величайшая - это Истина в ваших словах (*т.е.* обращенных к братьям и сестрам); вторая - взаимно следить за безопасностью братьев; третья - полностью отречься от любой религии, которую вы, возможно, исповедовали ранее; четвертая - держаться обособленно, ясно и обособленно от всех, кто пребывает в заблуждении; пятая - признавать существование Единства нашего

Господа во все века; шестая - быть удовлетворенными с Его волей и Его делами, какими бы они ни были; Седьмое - Отказаться от всех Его распоряжений и смириться с ними, будь то в благополучии или в невзгодах. Вы должны соблюдать эти Семь Заповедей и хранить их в строгом секрете от всех, кто придерживается другой религии. Если дружские женщины сделают все это и выполнят свои обязанности, они действительно окажутся среди добрых и получат свою награду среди 159 Ангелов Присутствия и среди Пророков, которые были Апостолами, и будут спасены из сетей проклятого Иблиса (Дьявола). Хвала Господу нашему Хакиму, хвала благодарных! Он - моя надежда и победа!"

Чего вы можете ожидать от женщин, если учителя настолько искажены лицемерием и фальшью. Они принимают вас вежливо. Доктор Де Форест говорил, что в дружской нации нет ни одного хама. Но сама их вежливость ставит вас в тупик. Старые дружские женщины - мастера благочестивой религиозной фразеологии. "Мы все грешники". "Да будет воля Господня". "Хвала имени Его". "Только Он может повелевать". "Да будет милостив к нам Господь". "Он повелевает всем", и все же они будут лгать и обманывать, и если не принадлежат к классу посвященных, то будут ругаться самым страшным образом. Оккалы не могут ругаться матом, курить или пить, но они рассказывают историю о деревне, где все жители были оккалами, и когда возбуждение достигло высшей точки, они послали за телом Джехала или непосвященных, чтобы те пришли и поклялись по этому поводу, чтобы их чистые умы могли получить облегчение! Когда они говорят в самой наигранно благочестивой манере и действительно превосходят вас в религиозном чувстве, вы едва ли знаете, что делать. Скажите им, что Бог знает сердце. Они отвечают: "Он один - Всезнающий, Исследующий сердца людей". Вы боитесь сказать им прямым текстом, что они лицемеры и лжецы. Вы можете рассказать им о *личной любви* к личному Спасителю, и эта простая история повлияет на умы некоторых из них больше, чем любая логика и красноречивое опровержение их туманной и таинственной доктринальной системы.

Они уважают нас и вежливо обращаются с нами по политическим причинам. Во время массовых убийств 1860 года я ехал из Абейха в Бейрут посреди горящих деревень, и вооруженные отряды друзов проезжали мимо нас, выкрикивая военную песню "Ма хала йа ма хала котал ан Носара", "Как сладко, о, как сладко убивать христиан", и все же, проезжая мимо нас, они останавливались и очень вежливо приветствовали нас, говоря: "Нахаркум Сайед", "Да будет благословен ваш день", "Аллах яхтикум эль афия", "Дай вам Бог здоровья!"

Когда дружский шейх желает жениться, он спрашивает согласия отца, не увидев дочь. Если отец соглашается, он сообщает ей, и если она соглашается, жених посылает своей невесте подарки в виде одежды и драгоценностей, которые остаются в ее руках в качестве залога его верности. Она представляется ему образцом красоты и совершенства, но ему никогда не разрешается видеть ее, говорить с ней или писать ей, если она умеет писать. Его мать или тетя могут видеться с ней или приносить отчеты, но он не видит ее до тех пор, пока не будет подписан свадебный контракт и невесту не привезут в его дом.

Ниже приводится брачная церемония друзов. Его читает кади или шейх, и в соответствии с доктриной друзов о том, что они должны внешне соответствовать религии правящей власти, это чисто мусульманское постановление.

"Хвала Аллаху, изначальному Создателю всего сущего; Милостивому во всех Его дарах и запретах; который издал указ и установил закон о браке; пусть Аллах помолится за (благословит) нашего Пророка Мухаммеда и его четырех преемников! Теперь, после этого, мы говорим, что

брак - это один из законов, данных пророками, и одно из установлений благочестивых для защиты от порока; дар от Господа земли и небес. Хвала Тому, кто этим приблизил дальних и сделал чужеземца родственником и другом! Мы собрались здесь, чтобы заняться делом, предначертанным Аллахом, начало, середину и конец которого он связал с самыми счастливыми и благоприятными обстоятельствами. Этот вопрос - благословенный брачный завет. Иншуллах, пусть он будет завершен и усовершенствован, и хвала Аллаху, Великому Завершителю! Аминь!

"Во имя Бога, Милосердного, Сострадательного. Он - моя доля и достаточность. Пусть Аллах молится за своего непорочного пророка!"

Это брачный контракт между человеком по имени А., сыном... из деревни... в округе ... в Ливане, и его невестой по имени Б., дочерью ... из деревни ... она является девушкой совершеннолетнего возраста, способной к браку, и у нее нет юридических препятствий для вступления в брак. (Пусть Аллах защитит ее покрывало и смируется над ее родственниками и друзьями!)

Ввиду милости Аллаха и его пророка Мухаммеда, они выплачивают пятьдесят пиастров (2,00 доллара) полного и законного количества, веса и меры императорского монетного двора нашего Мулаха султана (да дарует ему победу возвышенный и милосердный!) и нового белого серебра. Представителем мужа является ... и жены является....

Абсолютный и непреложный долг мужа - обеспечить одежду для тела своей жены и корону для ее головы, а жены - оказывать ему должные почести и права и выполнять его работу, и Аллах будет с теми, кто боится Его, и не допустит, чтобы те, кто поступает хорошо, лишились своей награды.

Подпись шейха - (печать)

печать

Свидетелей с

печатью

Целая неделя отведена празднествам до ее прибытия, и свита невесты верхом на прекрасных лошадях сопровождает ее под ружейную пальбу, *зилагхит* визги женщин и всеобщее ликование до дома жениха. Полковник . Черчилль описывает следующее: "Тем временем невесту, после того как она получила ласки и поздравления от своих ближайших родственников, отводят в отдельную комнату и укладывают на диван, перед ней ставят большой поднос со сладостями и кондитерскими изделиями, после чего все женщины удаляются, и она остается одна, с массивной вуалью из муслина с золотом, наброшенной на голову и закрывающей лицо, грудь и плечи до талии. Какие мысли и ощущения, должно быть, теснятся в голове девушки в этом уединении! пусть их беспокоит только тот, кто вскоре придет, чтобы получить в этой комнате свои первые впечатления о ее прелестях и привлекательности! Вскоре она слышит шаги у двери; она тихо открывается; бесшумно и без присмотра к ней подходит ее возлюбленный, снимает вуаль с ее лица, бросает один взгляд, надевает ее и уходит".

Затем он возвращается в большую приемную и занимает свое место во главе дивана среди толпы шейхов и других приглашенных гостей. Он сохраняет невозмутимое молчание, предполагается, что его ум поглощен одним всепоглощающим объектом. Это может быть восторг. Это может быть горькое разочарование. Обычно уже за полночь вечеринка заканчивается и семья расходится по домам.

Наличие нескольких жен категорически запрещено. Если друг хочет развестись со своей женой, он должен просто сказать: "Тебе лучше вернуться к своему отцу", или она, женщина, хочет уйти от своего мужа, она говорит: "Я хочу вернуться к своему отцу", и если ее муж говорит: "Очень хорошо, уходи", развод в любом случае остается в силе, и расставание является бесповоротным. Обе стороны могут вступить в повторный брак. Бездетность - распространенная причина разводов.

Рождение сына - это повод для большой радости и подарков семье. Но рождение дочери считается несчастьем, и, конечно, на столь неблагоприятное событие не обращают ни малейшего внимания. Это справедливо для всех сект и народов Сирии, и ничто, кроме христианского воспитания и привития чистых принципов евангельской морали, не может устранить этот глубоко укоренившийся предрассудок. Люди говорят, что причина их нелюбви к дочерям в том, что в то время как сын строит дом, приводит жену извне и увековечивает фамилию, дочь сносит дом, теряет свое имя и теряется для семьи.

Более богатые и аристократичные друзские ситты или дамы обучаются чтению у факиха или учителя, но основная масса женщин пребывает в грубом невежестве. Вы входите в дом друзов. Женщина прислуживает вам и приносит кофе, но вы видите только *один глаз*, остальная часть головы и лица плотно закрыта вуалью. В аристократическом доме вам никогда не разрешат увидаться с леди, а если она и выходит за границу, то только ночью, и со слугами со всех сторон, чтобы уберечься от нечестивых взглядов незнакомцев. Если врача вызывают для оказания помощи больной друзской женщине, он не может видеть ни ее лица, ни ее языка, если только она не решит просунуть его через дырку в своей вуали. Во многих случаях они позволяют женщине умереть раньше, чем врач увидит ее лицо.

Друзы женятся только на одной жене за раз, и все же разводы настолько распространены и так бесцеремненно практикуются мужчинами, что бедные женщины живут в постоянном страхе быть изгнанными из своих домов.

Однажды вечером в Абейхе мы были поражены криком: "Пробудите в себе чувство собственного достоинства! Придите и помогите нам!" Была темная дождливая ночь, и земляная крыша дома друзов обрушилась, похоронив молодого человека, его жену и мать под массой земли, камней и бревен. Все они избежали смерти, но были серьезно ранены, бедная молодая жена пострадала больше всех: она упала левой рукой на слой горящих углей и была вынуждена лежать там полчаса, так что, когда ее вытащили, ее рука сгорела дотла! В течение нескольких дней муж отказывался посылать за врачом, но в конце концов его жену Халу отправили в госпиталь колледжа (прусских рыцарей Святого Иоанна) в Бейруте, где доктор Пост ампутировал руку ниже локтя.

Естественно было бы предположить, что такое бедствие, в котором оба так чудом избежали смерти, связало бы мужа и жену крепчайшими узами привязанности и сочувствия. Но в данном случае все не так. Бедной молодой жене теперь грозит развод, потому что она больше не

приносит никакой пользы своему мужу, и у нее отнимут двух маленьких детей! Она лежит на своей кровати в больнице, воплощение стоической покорности. У нее не вырывается ни стоны, ни жалобы.

Однажды она сказала: "О, как я рада, что это произошло, потому что это сняло все мои грехи, и мне больше никогда не придется страдать ни в этом мире, ни в следующем!" Такова доктрина друзей, и, какой бы холодной и фальшивой она ни была, она сделала ее своей опорой и опорой.

Доктор Пост и миссис Блисс указали ей на Агнца Божьего, "который понес наши грехи в Своем собственном теле на древе", и ей, кажется, интересно услышать и узнать больше.

Ее младшая сестра учится в Бейрутской семинарии. Пусть этот бедный страдалец найдет покой там, где его можно найти, в вере в Господа Иисуса Христа, чья кровь очищает от всякого греха!

Жестокость ее мужа, санкционированная религиозным кодексом друзей, может быть средством открыть ей глаза на ложность этой бессердечной системы, лишенной Христа, и привести ее к подножию Креста!

Христиане, читающие эти строки, молитесь за Халу Абейхскую!

SITT ABLA.

Более двадцати лет назад в маленькой друзской деревушке Айтат в Ливане, примерно в семи милях от Бейрута, жила семья друзских шейхов из племени Телхук. Это племя делилось на великих шейхов и малых шейхов, и среди последних был шейх Хоттар. Близость этой деревни к Бейруту, ее возвышенное положение, прохладный воздух и прекрасный фонтан с водой сделали ее любимым летним убежищем миссионеров от изнуряющей жары равнины. Шейх Хоттар и его жена Ситт, оба умершие, их сын-сирота Селим и дочь Абла, по имени Ситт (или леди) Абла, были переданы на попечение других членов семьи Телхук. Миссионеры открыли школу для мальчиков, и Селим посещал ее. Доктор и миссис Ван Дейк в то время жили в Айтате, и молодая друзская девушка Абла, которая была помолвлена с друзским шейхом, очень привязалась к миссис Ван Дейк и почти постоянно навещала ее. Свет лучшей веры и истина чистого Евангелия постепенно озаряли ее разум, пока ее любовь к миссис Ван Дейк не переросла в любовь к Спасителю грешников. Шейх, с которым она была помолвлена, был сильно разгневан ее поведением в гостях у христианки и, встретив ее однажды, когда она возвращалась домой, напал на нее самым жестоким образом и жестоко избил. Она сбежала и нашла убежище в доме миссис Ван Дейк, которая научила ее читать и дала ей Библию. Вскоре после этого несколько ее двоюродных братьев схватили ее и подвергли самым жестоким побоям, и против нее и ее брата Селима было возбуждено жестокое преследование. Она ежедневно и ежечасно ожидала, что ее убьют родственники мужского пола, поскольку в друзской нации никогда не слышали о том, чтобы молодая девушка осмелилась стать христианкой, и мистер Уайтинг, миссионер в Абейхе, прислал молодого протестантского юношу по имени Салех, который ночью благополучно добрался на Ситт-Абле по неровной горной дороге в Абейх. Но даже здесь она не была в безопасности. Друзы Ливана в то время находились на пике своего феодального могущества. Среди них были убиты девочки и женщины без малейшего предупреждения со стороны правительства гор. Абла была как пленница в доме миссионера, не решаясь выйти за дверь, и, чтобы обрести покой, она отправилась со своим братом в Бейрут, где с тех пор и проживает. Селим присоединился к Церкви, но впоследствии был отстранен от причастия за неподобающее поведение и присоединился к иезуитам, так что Абле пришлось пережить

двойное преследование со стороны ее дружеских родственников и брата-иезуита. После переезда в Бейрут она была лишена наследства и своей небольшой части отцовского имущества, и ее жизнь была постоянной борьбой с преследованиями, бедностью и нуждой. И все же, несмотря ни на что, она стояла твердо, как скала, никогда не отклоняясь от истины и не выказывая ни малейшего желания вернуться к своим старым друзьям. Временами она страдала от крайних лишений, и миссионеры и местные протестанты узнавали об этом только от тех, кто случайно встречался с ней. С момента присоединения к Церкви в 1849 году она жила христианской жизнью. В недавнем разговоре она сказала: "Я считаю все, кроме потери, превосходством познания Христа Иисуса, моего Господа, *ради которого я претерпела потерю всего ...* и я все еще продолжаю, по милости Его Возвышенного и благодаря заслугам Иисуса Христа, моего Спасителя, ожидать счастливой смерти и вечного покоя".

ХОЗМА.

Ее христианский опыт похож на опыт Хозмы Ата. Она единственная женщина-член протестантской церкви в Сирии из числа друзей, за исключением Ситт Аблы. Она родилась в Бейруте в дружеской семье Витват, и когда была совсем ребенком, ее забрал доктор Бидл, затем мисс Тилден, жившая одно время в Алеппо, затем в Иерусалиме, и, наконец, поселилась в семье доктора Де Фореста, где она оставалась до его отъезда в Америку в 1854 году. В течение нескольких лет она была инвалидом и не часто могла выходить из дома, даже чтобы сходить в церковь. Две ее маленькие дочери учатся в Женской семинарии. В 1861 году она преподавала в дневной школе для девочек в Бейруте и помогала доктору Де Форесту в его работе в Бейрутской семинарии. Я зашел к ней несколько дней назад, и она вручила мне свиток арабской рукописи, который, по ее словам, она переводила с английского. Это серия рассказов для детей, которые она подготовила для публикации в нашем ежемесячном журнале для сирийских детей. Журнал называется "кукаб эс Субах", или "Утренняя звезда". Часть лета она была прикована к постели, и когда она отдала мне рукопись, то извинилась за почерк на том основании, что большую часть текста написала сидя или лежа на своей кровати. Она не забыла пример и наставления доктора имиссис Де Форест и говорит о них с энтузиазмом. Ее муж несколько лет назад потерпел крах в бизнесе, и она постоянно борется с нуждой, но ее старые друзья и любящие сестры, Рахиль и Лулу, которые являются одними из ее ближайших соседок, неустанно проявляют к ней свое доброе внимание.

Какая разница между верным христианским воспитанием, которое ее маленькие дети получают дома, и тем, что хуже, чем полное отсутствие воспитания, которое получают дети ее родственников-друзей в Рас-Бейруте, которые все еще находятся в тени своих старых суеверий. Она никогда не проклинает своих детей и не навлекает на них гнев Божий. Ее муж никогда не бьет, не оплевывает, не подвергает пыткам и не угрожает смертью. Спасти хозму и аблу от деградации дружеских суеверий - дорогого стоит! Эти две добрые женщины, вместе с Абдуллой в Бейруте и Хассаном, Хассейном, Асадом и Али в Ливане, являются одними из живых свидетелей драгоценности любви Христа, которые вышли из дружеской общины. Они были гонимы и, возможно, будут снова, но они твердо стоят во Христе. Немало дружеских девушек учатся в наших школах в Бейруте, Ливан, и окрестностях Хермона, а также в других школах Дамаска, Хасбейи и в других местах, и некоторые из их молодых людей получают христианское образование.

ГЛАВА IV.

НУСАЙРИЯ.

К Северу от горы Ливан и вдоль невысокого горного хребта, простирающегося от Антиохии до Триполи и от Средиземного моря на западе до Хумса на Востоке, живет странная, дикая, кровожадная раса, называемая нусайрийе, насчитывающая около 200 000 душ, и теперь впервые в своей истории попавшая в сферу миссионерских усилий.

Друзы допускают женщин в аккал, или класс посвященных, но не в Нусайрийе. Великая тайна Таинства совершается в уединенном месте, женщины запираются в доме или держатся подалеже от мистерий. На этих собраниях шейх читает молитвы, а затем все вместе проклинают Абубекра, Омара, Османа, шейха эт-Туркмена, христиан и других. Затем он дает по ложечке вина сначала присутствующим шейхам, а затем всем остальным. Затем они едят фрукты, возносят другие молитвы, и собрание расходится. Обряды посвящения чрезвычайно ужасны, сопровождаются угрозами, проклятиями и богохульными клятвами, объявляющими, что они будут лишены жизни, если раскроют секреты ордена.

Они используют определенные знаки и вопросы, которыми приветствуют друг друга и выясняют, является ли незнакомец одним из них или нет. В своих книгах они используют двойной переплетающийся треугольник, или печать Соломона. Они называют друг друга братьями и призывают к любви и правдивости, но *только к братьям*. В этом они похожи на друзов. Они так мало ценят всех, кто находится за пределами их собственной секты, что *молят Бога вырвать из сердец всех, кроме них самих, тот небольшой свет знания и уверенности, которым они могут обладать!* Эффект этой тайной, исключительной и эгоистичной системы проявляется в поведении нусайрийе, грабящих и убивающих мусульман и христиан без угрызений совести.

Как уже было сказано, женщины племени Нусайрийе полностью отстранены от любого участия в религиозных церемониях и молитвах, а также от любого религиозного учения. Приведенная причина двояка; первая заключается в том, что женщинам нельзя доверять в хранении секрета, а вторая в том, что Нусайрийе считают их чем-то нечистым. Они верят, что душа нечестивого человека может после смерти превратиться в животное, или он может быть наказан за свои грехи в этой жизни, родившись в женском обличье в следующем поколении. Итак, если женщина живет в добродетели и послушании, есть надежда на то, что она снова родится в *мире мужчиной* и станет одной из иллюминатов и обладательницей секрета. Бедняжкам приходится долго ждать, но для их мужей это удобная награда за то, что они выстояли перед ними.

Однако женщины по своей природе настолько религиозны, что у них будет какой-нибудь объект поклонения, и пока их мужья, отцы и сыновья разговаривают и молятся о небесных иерархиях и непостижимых тайнах, жены, матери и дочери будут собираться толпами у "зеярехов", или святых мест для посещения, на вершинах холмов и среди зеленых рощ, чтобы умиловить благосклонность предполагаемых святых древних дней. Предполагается, что эти святыни обладают чудодейственной силой, но пятница - это день, когда пророки особенно "дома", чтобы принимать посетителей. В другие дни они могут быть "в путешествии" или спать. Всякий раз,

когда женщина из Нусайрии испытывает горе, беду или страх, она идет к зейре и жалобно кричит: "Зейре, услышь меня!"

Их женщины не носят паранджу, и, следовательно, среди них больше свободы, чем среди мусульман и друзов, и на их больших праздниках мужчины и женщины танцуют все вместе.

Когда молодой человек видит девушку, которая ему нравится, он заключает сделку с ее отцом, соглашаясь заплатить от двадцати долларов до двухсот, в зависимости от достоинства ее семьи; из этой суммы она получает всего четыре доллара, если только ее отец не решит подарить ей красную свадебную шкатулку и постельное белье для ее наряда. Она торжественно подъезжает к дому жениха под ружейную пальбу и крики женщин, и, спешившись, жених преподносит ей подарок в размере от одного до трех долларов, называемый "деньгами на спешивание".

Для развода нужна только воля мужчины, а полигамия - обычное дело. Лейн говорит, говоря о Египте: "Можно легко представить себе порочные последствия этой свободы развода для обоих полов. В этой стране ест много мужчин, которые в течение десяти лет женились на двадцати, тридцати или более женах; и женщины не слишком преклонного возраста, которые были женами дюжины или более мужчин подряд".

Женщины Нусайрийе курят, ругаются матом и используют самые мерзкие и нечистые выражения, и даже превосходят мужчин в этом отношении. Ругань и ложь распространены не только среди нусайри, но и среди большинства сирийцев. Вы никогда не получите прямого ответа от нусайри. Он ответит на ваш вопрос, задав другой, чтобы, по возможности, выяснить цель вашего вопроса и скрыть истинное положение дел. Их соседи-мусульмане и номинальные христиане ненамного лучше. Все они лгут, и клянутся, и обманывают. мистер Лайд иллюстрирует невежество греческого духовенства в Латакии следующим инцидентом. Пахарь, который кое-что знал из Библии, услышал, как греческий священник проклинал отцамаленького ребенка. Он сказал: "Отец мой, правильно ли проклинать?" "О, - сказал он, - это было только из моих уст". "Но разве псалмопевец не говорит: "Сохрани дверь уст моих"? "Это, - ответил священник, - есть только в английской Библии".

Уолпол говорит о женщинах нусайрийе: "в молодости они красивы, часто белокуры, со светлыми волосами и черными как смоль глазами; или более редкой красотой светлых глаз и угольно-черных волос или бровей".

Когда между племенами происходит битва, женщины, подобно женщинам друзов, проникаются духом этого с демонической яростью. Во время битвы они приносят кувшины с водой, кричат, поют и подбадривают бойцов, а в конце уносят добычу, такую как горшки, сковородки, цыплят, одеяла, деревянные двери, подносы и т.д. Во время друзской войны 1860 года я видел, как друзские женщины бежали вместе с мужчинами через Айтатх, направляясь к месту боевых действий в Метне. Женщины-бедавины также помогают своим мужьям в ведении войны с кочевниками.

Преподобный мистер Лайд был первым, кто предпринял непосредственную миссионерскую деятельность среди Нусайрийе, и его работа была продолжена Реформированной пресвитерианской миссией в Латакии. Преподобный Дж. Битти присылает мне следующие факты относительно работы, проводимой в настоящее время среди женщин и девочек.

Первым обращенным под руководством мистера Лайда был Хаммуд из деревни Мердж, молодой человек тонкого ума и прекраснейшего характера, который обещал принести большую пользу. После того, как он стал христианином, его мать, обнаружив, что ни одна девушка из Нусайри не выйдет замуж за христианина, решила найти молодую девушку и дать ей образование для Хаммуда. Поэтому она заплатила четыре турецких фунта за маленькую девочку-нусайри по имени Захара или Венера, овдовевшую мать которой перевезли в ее деревню. Эта выплата соответствовала обычаям Нусайри и составляла приданое девушки. После помолвки в 1863 году Хаммуд отправил ее в Латакию, где ее приняли в семью покойного доктора Доддса для обучения. Она с радостью приняла истину, и Хаммуд усердно трудился над ее просветлением. Все казалось ярким и многообещающим, пока внезапно все их земные надежды не были разрушены ранней смертью Хаммуда в декабре 1864 года. Он умер во время торжества христианской веры, и с этого времени она отдала себя Господу. В августе 1865 года она вместе с несколькими другими приняла крещение и причащение Церкви. По ее собственной просьбе она была крещена как Мириам.

В 1866 году она вышла замуж за Юсефа Джедиды и жила с ним в нескольких деревнях среди Нусайрийе, где он занимался преподаванием. В конце концов, в 1870 году ее муж переехал в Бахлулийе, и перед ними открылась широкая дверь полезности. С ней были ее маленькие дочери Лулу и Хелани, и были все шансы, что она сможет многое сделать для Христа среди своих невежественных сестер. Но та же самая болезнь, чахотка, которая повергла Хаммуда ниц, теперь свела ее с ума. Вероятно, это было вызвано неосторожным обращением с ее здоровьем, когда она легла на влажную землю и заснула непокрытой, как это обычно делают уроженцы горных деревень. Миссионеры из Латакии постоянно навещали ее, и доктор Метени делился с ней своими медицинскими знаниями, но все напрасно. Она любила беседовать о небесных вещах, слушать Священные Писания и молитвы. Но когда миссионеры вернулись в город, она была ошеломлена упреками и беспощадными упреками феллахов, у которых нет сочувствия к больным, инвалидам и умирающим. Ее уши были полны проклятий и горечи, и неудивительно, что она умоляла миссионеров покинуть ее. Она сказала мистеру Битти, что не боится умереть, потому что верит в Иисуса Христа, но ей тяжело оставаться среди таких грубых и несимпатичных людей. Наконец ее привезли в Латакию, где она, казалось, чувствовала себя более как дома. Временами она переживала серьезные духовные конфликты и говорила, что борется с искушителем, который пытался заставить ее богохульствовать. Одно время она была в большом волнении, но когда был прочитан 34-й псалом, она стала полностью собранной и спокойной и, в свою очередь, начала повторять 23-й псалом до конца. Она послала за всеми своими друзьями и попросила у них прощения, поручила своих детей заботам мисс Кроуфорд и попросила мистера Битти снова помолиться вместе с ней. Теперь ее телесные страдания усилились, когда внезапно она воскликнула: "Да прославится Господь! Богу воздай славу!" Вскоре после этого она мягко "уснула в Иисусе". Так умерла первая женщина, насколько нам известно, когда-либо по-настоящему обращенная из числа язычниц Нусайрийе. Ее обращение открыло путь для той работы по моральному, религиозному и интеллектуальному возвышению женщин нусайри, которая с тех пор ведется в Латакии и окрестностях.

Первой женщиной-христианкой, взявшей на себя непосредственную задачу обучения и возвышения женщин племени Нусайрийе, была мисс Кроуфорд. Она начала свою работу в 1869 году. Миссия обнаружила, что в Школе-интернате для мальчиков обучается группа молодых людей, которые не смогли найти среди десятков тысяч семей в их родных горах ни одной девочки, которая могла бы стать спутницей жизни. Женщинами повсюду пренебрегали, и мисс

Кроуфорд приехала в Сирию как раз в момент наибольшей нужды. Осенью 1869 года под опекой и руководством Миссии она открыла школу-интернат для девочек в Латакии. Поначалу удалось убедить прийти лишь немногих учениц. Только двое посещали занятия в течение первого года. Их звали Сада и Наиуф, сестра Захары. На следующий год Сада ушла, и в школу пришли десять новых учеников: Мари, Хова, Найсе, Шехла, Талье, (сноу,) Тумра, (фрут,) Газелла, Хусна, Бурейб'хан и Харба. Всем им было от двенадцати до четырнадцати лет, и они остались там на всю зиму, но в начале сбора урожая пшеницы друзья заставили их вернуться в свои дома на лето. Они добились заметных успехов как в учебе, так и в поведении, и перед отъездом по домам сдали достойный экзамен как по учебе, так и по рукоделию. Таким образом, к удивлению жителей Латакии, был установлен факт, что девочки Нусайрийе по интеллекту и мастерству в рукоделии не уступали самым способным городским девушкам. Осенью 1871 года были опасения, что родители девочек-язычники воспрепятствуют их возвращению в школу, но, к большому удовольствию миссионеров, все десять вернулись, приведя с собой еще девять человек; Хамаме (голубь) Генире, Эльмаза, (бриллиант,) Диба, (волчица,) Александра, Зейнаб, Лулу, (жемчужина,) Хаува (Ева) и Нааме (грейс).

В течение года ученики приносили новую радость в сердца своих учителей. Мало того, что их число значительно увеличилось, но и все старшие девочки, казалось, по возвращении в школу находились под влиянием глубоких религиозных впечатлений. Хотя они провели лето среди диких феллахов и были вынуждены выслушивать богохульство, нечистоту и проклятия со всех сторон, они смогли с помощью Духа Божьего отличать добро от зла и противопоставлять незаконную порочность феллахов святым заповедям Библии. Обнаружив, что они не в состоянии соответствовать требованиям чистого и святого закона Божьего, они вернулись в серьезном душевном смятении, спрашивая, что им следует делать, чтобы спастись? У тех из них, кто мог это сделать, была привычка собираться вместе летом для молитвы и повторения десяти заповедей и других отрывков из Священного Писания, с которыми они были знакомы. Друзья угрожали им и избивали их из-за их религиозных взглядов, но они оставались непоколебимыми. Детская простота веры некоторых из них была поразительной. Однажды Мари была наказана своим отцом за то, что посетила миссионерское служение в Бхамре в субботу. Он запретил ей есть на целый день, и она молилась, чтобы Бог дал ей хлеба. Вскоре после этого, направляясь к деревенскому фонтану, она нашла на обочине часть меркука, буханки хлеба, которую подобрала и съела с большой благодарностью, расценив это как прямой ответ на свою молитву. Еще одна Гузале была жестоко избита за то, что не стала ругаться и богохульствовать, всем угрожали и оскорбляли за то, что они не будут работать в воскресенье.

В ноябре 1871 года семь из этих девушек по их собственному заявлению были приняты в члены Церкви. Было интересным зрелищем наблюдать, как группа языческих девушек из Нусайрии встала, чтобы принять таинство христианского крещения. Весной 1872 года к списку добавилась еще одна. Все эти дети Христа до сих пор проявляли себя верующими. Летом их отправили обратно по домам, и некоторым, если не большинству, из них может быть запрещено возвращаться в школу. Кто-то может сказать, зачем позволять им возвращаться домой? Политика поощрения детей убегать от своих родителей и связывать себя с иностранными миссионерами и миссионерскими учреждениями приведет к тому, что язычники возненавидят само название христианства и обвинят его в том, что оно является врагом всего социального и семейного порядка, а в целом, благодаря полезности в миссионерской деятельности девочки могут принести гораздо больше пользы в своих собственных домах, чем где-либо еще.

ГЛАВА V.

ХРОНИКА ЖЕНСКОГО ТРУДА С 1820 По 1872 ГОД.

Из сказанного на предыдущей странице относительно благоприятного положения, занимаемого женщинами номинальных христианских сект Сирии по сравнению с мусульманками, не следует делать вывод, что первые миссионеры обнаружили, что греческие и маронитские женщины и девочки, говорящие на арабском языке, стремятся или даже желают получать наставления. Отнюдь. Последствия мусульманского господства, длившегося двенадцать столетий, привели к деградации и угнетению всех сект и национальностей, которые подчиняются исламу. Не только не было обнаружено женщин и девочек, которые учились бы читать, но и огромная масса мужчин христианских сект не умела ни читать, ни писать. Многие видные арабские купцы в Бейруте сегодня не умеют ни читать, ни писать. Я говорю об арабских купцах, и все же очень немногие из арабов Греческой церкви имеют в своих жилах нечто большее, чем просто каплю арабской крови. Называть их сирийцами значило бы смешивать их с "сирийской" или "якобитской" сектой, которые встречаются только в окрестностях Хумса, Хамата и Мардина. То же самое и с маронитами. У них в основном более темный цвет лица, чем у греческих арабов, и предполагается, что они произошли из Месопотамии. Тем не менее, все эти секты и расы говорят на общем арабском языке, и поэтому будет удобно называть их арабами, хотя я знаю, что, хотя многие современные сирийцы гордятся именем "Улад эль Араб", многие другие относятся к нему с неприязнью.

Более того, сирийское христианство, на которое так часто ссылаются в истории Сирийской миссии, является низшим типом религии греческой и римской церковей. Поклонение Святым и изображениям универсально. Невежественное духовенство и суеверный народ, отсутствие Библий и чтецов, способных их читать, отсутствие школ и учителей, способных вести их, молитвы на неизвестных языках и горькое чувство партийности во всех сектах, всеобщая вера в действенность постов и обетов, паломничества и подношения к святыням предполагаемых святых, церкви без проповедуемого Евангелия и молитвы, исполняемые как долг, без поклонения сердца, всеобщее Мариолатрия, суббота, оскверняемая как священниками, так и людьми, имя Божье повсюду оскверняется людьми, женщины и дети и правдивость слов почти абсолютно неизвестны; женщины и девочки, униженные и угнетенные, оставленные на милость коррумпированного духовенства из-за позора конфессии; все эти обычаи и многие другие, которые место запрещает нам упоминать, в сочетании с социальным рабством, налагаемым на женщину грубым кодексом ислама, сделали женщин номинальных христианских сект Сирии почти такими же безнадежными объектами миссионерского труда, какими были их менее привилегированные друзские и мусульманские сестры.

Чтобы представить основные факты из истории миссионерской работы среди сирийских женщин, я предлагаю дать краткий обзор основных моментов в порядке времени, поскольку я смогла почерпнуть их из миссионерских документов, находящихся в моем распоряжении.

Первым протестантским миссионером в Сирии со времен Апостолов был преподобный Леви Парсонс, который прибыл в Иерусалим 16 января 1821 года и умер в Александрии 10 февраля 1822 года. В 1823 году преподобный Плиний Фиск и доктор Джонас Кинг прибыли в Иерусалим,

чтобы занять его место, а 10 июля прибыли в Бейрут. Доктор Кинг провел лето в Дейр-эль-Камре, а мистер Фиск - в здании, которое сейчас занимает иезуитский колледж в Айнтуре.

16 ноября 1823 года господа Дж. Гуделл и Берд добрались до Бейрута и 6 декабря 1824 года написали следующее: "Преподаватель арабского языка мистера Кинга от души смеется над тем, что дамам из нашей компании подают первыми за столом. Он сказал, что если кто-то придет к нему домой и *первым* заговорит с его женой, он должен быть оскорблен. Он сказал, что у английских леди есть некоторое понимание, у арабских женщин его нет. По обычаю этой страны, женщину никогда нельзя видеть ни за едой, ни на прогулке, ни в компании своего мужа. Когда она выходит за границу, она должна заворачиваться в большую белую простыню и выглядеть как привидение, а дома с ней должны обращаться скорее как с рабыней, чем с партнером. Действительно, женщины считаются настолько незначительными, что спрашивать мужчину о здоровье его жены - это вопрос, которому, как говорят, никогда не найдется места в общественном общении этой страны".

24 января 1825 года доктор Гуделл писал: "Некоторые взрослые женщины время от времени приходят учиться к миссис Берд или миссис Гуделл, и хотя их посещение очень нерегулярно, а *их недостатки очень велики*, поскольку у них *нет арабских книг*, и их друзья высмеивают их усилия, все же они добиваются некоторого улучшения. Один из них, который две недели назад не знал ни одной буквы алфавита, теперь может прочесть один стих из Библии".

1 июля 1825 г., господа. Гуделл и Берд рассказывают о первых девочках, которых научили читать в Сирии в миссионерских школах. "В нашей школе учатся от восьмидесяти до девяноста учеников, и все они мальчики, *кроме двух*. Одна - жена учителя, ей около пятнадцати лет, а другая - маленькая девочка лет десяти. Этим учителем был Таннус эль-Хаддад, который умер несколько лет назад, почитаемый и любимый всеми сектами и классами людей, много лет проработавший дьяконом церкви Бейрута, а его жена Им Бешара все еще жива в интересной семье.

21 декабря 1825 года доктор Кинг написал следующее: "Я провел около месяца в Тире и предпринял некоторые усилия по созданию школы для тирских женщин и был очень близок к успеху, когда один из главных священников поднялся и сказал: "Ни в коем случае не целесообразно учить женщин читать слово Божье. Для них лучше оставаться в неведении, чем уметь читать и писать. Им и так достаточно того немногого, что они сейчас знают. Научи их читать и писать, и *с ними не было бы никакой жизни!*" Этот тирский священник пятидесятилетней давности был прекрасным образцом своих братьев в черных одеждах по всей Сирии с того времени и по сей день. Было несколько достойных исключений, но сирийское духовенство из всех сект, взятых как класс, является признанным врагом образования и возвышения своего народа. Некоторые исключения из этого правила будут упомянуты на последующих страницах этого тома.

В 1826 году в миссионерских школах в окрестностях Бейрута обучалось триста детей.

В 1827 году в 13 школах насчитывалось 600 учеников, из которых *сто двадцать были девочками!* Учитывая политическое, социальное и религиозное состояние Сирии в то время, это заявление является более примечательным, чем почти любой факт в истории Сирийской миссии. Это показывает, что миссис Берд и миссис Гуделл, должно быть, трудились с благой целью, убеждая своих невежественных сирийских сестер отправить своих дочерей в школу, и

этим двум христианкам принадлежит заслуга в том, что они начали Женскую работу для женщин в Сирии в наше время. В том же году жены епископа Дионисия Карабета и Грегори Уортабета были приняты к причастию Церкви в Бейруте, что стало первыми духовными плодами Женской работы для женщин современной Сирии.

В 1828 и 1829 годах миссионеры временно удалились на Мальту. В 1833 году доктор Томсон и доктор Додж прибыли в Бейрут. Теперь Миссия состояла из господ Дж. Берд, Уайтинг, Эли Смит, доктора. Томсон и Додж. В письме, написанном в то время господами. Берд, Смит и Томсон говорят: "Из самок ни одна не умеет ни читать, ни писать, или исключения настолько малочисленны, что не заслуживают рассмотрения. Женским образованием не просто пренебрегают, но и не поощряют его и противодействуют ему". Они также заявили, что "общее количество местных детей в школах Миссии с самого начала составляло 650 человек; 500 до перерыва в 1828 году и 150 после". "Женское образование как таковое еще почти не опробовано".

В течение того же года миссис Томсон и миссис Додж открыли школу для девочек в Бейруте. Доктор Эли Смит говорит об этой школе следующим образом в Воспоминаниях миссис С. Л. Смит: "Несколько девочек ранее были найдены в некоторых государственных школах, поддерживаемых Миссией, и некоторые жили в семьях Миссии. Но эти дамы хотели более непосредственно привлечь их к миссионерскому влиянию и даровать им преимущества системы обучения, адаптированной для женщин. Соответственно, было положено начало урокам для тех маленьких девочек, которых можно было нерегулярно собирать на час или два в день в миссионерском доме; такое неформальное начало было не только единственным, на что у дам было время, но и считалось желательным, поскольку с меньшей вероятностью могло вызвать ревность и противодействие. Ибо к проекту приступали с большим трепетом и опасением. Пришлось столкнуться не просто с безразличием к женскому образованию, но и с сильным предубеждением против него, существовавшим в общественном сознании с незапамятных времен. Восточное предубеждение против нововведений с любой стороны, и особенно со стороны иностранцев, угрожало сопротивлению. На пути стояла замкнутость женщин в пределах их собственного ближайшего круга общения, изначально восточного, но усиленного мусульманским влиянием. И более того, религиозная ревность, рассматривающая миссионеров как опасных еретиков, а их влияние - как осквернение, казалось, недвусмысленно предупреждала о том, что попытка может оказаться бесплодной. Но миссионеры не подозревали о том, какое влияние они приобрели на общественное доверие. Это событие доказало в этой, как и во многих других миссионерских попытках, что сильная вера - лучший принцип для распространения Евангелия, чем осторожный расчет. Даже вплоть до настоящего времени (1840 г.) неизвестно, чтобы против школы, которая была тогда открыта, было произнесено хоть слово протеста.

"По прибытии миссис С. Л. Смит в Бейрут в январе 1834 года она обнаружила, что шесть или восемь девочек собираются каждый день в комнате миссис Томсон в доме Миссии, где их обучали шитью и чтению. Один из них был достаточно продвинут, чтобы помогать в преподавании, и вдова Грегори Уортабета иногда помогала ему. После переезда миссис Томсон и миссис Додж в Иерусалим все заботы о школе перешли к миссис Смит, которой помогала миссис Уортабет. Особое внимание уделялось чтению, шитью, вязанию и хорошему поведению. В ноябре 1835 года мисс Ребекка Уильямс прибыла в Бейрут в качестве помощницы миссис Смит. Затем школа расширилась, и весной 1836 года был проведен экзамен, на котором

присутствовали матери детей и некоторые другие подруги. Всего ученых было более сорока человек; комната была хорошо заполнена ", представляя собой сцену, которая порадовала бы сердце многих друзей миссий. Классы проверяли чтение, правописание, географию, первые уроки арифметики, вопросы из Священных Писаний, английский язык и духовную музыку, и все это завершилось кратким обращением миссис Додж. Затем матери вышли вперед по собственной воле и в приятной форме выразили свою благодарность дамам за то, что они сделали для своих дочерей ". Из учеников этой школы большую часть составляли арабы греческой церкви; две были еврейки; и некоторые были друзьями; иногда там было восемь или десять мусульман.

В то же время была основана субботняя школа с пятью учителями и тридцатью ученицами, большинство учеников которой составляли девочки. В это время также началось молитвенное собрание местных женщин, которое вели три женщины-миссионерки и две местные протестантки. Иногда присутствовало до двадцати человек, и на этом первом женском молитвенном собрании в Сирии в наше время присутствовали явные знаки Божественного благословения.

Как уже говорилось, уединение восточных женщин делает практически невозможным посещение их миссионером-мужчиной или проведение религиозных собраний исключительно для женщин. Это должно быть сделано, если это вообще возможно, женой миссионера или христианками, особенно преданными этой работе. Это было верно в 1834 году, и это почти в равной степени верно в 1873 году. У арабов есть пословица: "Дерево срубается не само по себе"; *то есть* рукоять топора сделана из дерева. Таким образом, никто не может достучаться до женщин Сирии, кроме женщин. Римская церковь понимает это и направляет множество французских, итальянских и испанских монахинь для работы с девочками и женщинами Сирии, а женщины Сирийской миссии, замужние и незамужние, в прошлом проделали благородную работу по возвышению и образованию своих сирийских сестер. И в этой связи следует отметить, что *непременным* условием эффективной работы среди женщин Сирии является то, что работающие на них христианки должны знать арабский язык. Незнание языка рассматривается людьми как свидетельство отсутствия симпатии к ним и является почти непреодолимым препятствием для истинного духовного влияния. Великая работа, которую предстоит проделать женщинам мира в будущем, должна выполняться на их родном языке, и было бы хорошо, если бы все женские семинарии в зарубежных странах были настолько хорошо обеспечены преподавателями, чтобы те, кто лучше всего знаком с родным языком, могли свободно посвящать часть своего времени трудам среди местных женщин в своих домах.

В 1834 и 1835 годах миссис Додж руководила школой для дружеских девочек в Алейхе, Ливан. Эта школа в Алейхе, деревне на высоте около 2300 футов над уровнем моря, однажды внезапно закрылась. Ни одна девочка не пришла на утреннее занятие. По деревне распространился слух, что английский флот поднялся по горе Ливан из Бейрута и приближается к Алейху, чтобы увезти всех девушек в Англию! Паника, однако, улеглась, и девочки вернулись в школу. В 1836 году миссис Хебард и миссис Додж продолжили работу, которую так любила миссис Смит и которая была лишь временно прервана ее смертью.

В 1837 году миссис Уайтинг и мисс Тилден открыли интересную школу для девочек-мусульман в Иерусалиме, а в семье миссис Уайтинг было несколько местных девочек.

В ответ на некоторые вопросы, содержащиеся в записке, которую я адресовал мисс Т., она пишет: "Я прибыл в Бейрут 16 июня 1835 г. Мистер и миссис Уайтинг в Иерусалиме пожелали, чтобы я ходила в маленькую школу для девочек-мусульман, которую организовала миссис Уайтинг. В ее семье были две девочки из Бейрута, Саломея (миссис Проф. Вортабет) и Ханна (миссис Райхардт). В школе было от 12 до 20 или более учеников, все мусульмане. Удалось убедить посещать только одну девочку-христианку. Я думаю, что стимулом, побудившим их послать своих дочерей, было бесплатное для них обучение шитью и вязанию. Миссис Уайтинг обучала тех же самых ученых по субботам. Священным Писанием, использовавшимся в их наставлениях как в будние дни, так и во время Субботнегокупания, были Псалмы. Через полтора года я поехала в Бейрут и помогала в школе для девочек, которая была несколько больше и перспективнее. Мисс Уильямс стала миссис Хебард, а мисс Бэджер с Мальты в то время преподавала. Рахиль, воспитанница пансиона миссис Смит, была с миссис Хебард. Я полагаю, что женское образование в семье было начато в Сирии мистером Бердом, который учил девушку, вышедшую замуж за Деметрия. (Мисс Т., вероятно, хотела сказать "доктор Томсон", поскольку Мария, дочь Якоба Аги, впервые была принята в его семью своим отцом в 1834 году.) Девочками, преподававшими в семьях разных миссионеров, были Рахиль, Саломея, Ханна, Хозма, Лулу, Кефа и Сьюзан Хаддад. В горах преподавали в школах, женщинам давались наставления, и по мере сил и возможности женщины проводили с ними встречи в своих разных летних резиденциях. Дневным ученикам преподавали на арабском, а ученикам интерната - на арабском и английском. Я научил их арифметике Колберна. Я также преподавал письменную арифметику, чтение и так далее в школе для мальчиков".

В 1841 году началась война между друзьями и маронитами, и девять школ Миссии, включая Мужскую семинарию на 31 ученика, школу для девочек на 25 учениц и Друзскую среднюю школу в Дейр-эль-Камре, были распущены.

В 1842 году школы были возобновлены. В двенадцати школах было 279 учеников, из которых 52 были девочками, и двенадцать молодых девушек жили в качестве пансионеров в семьях миссионеров.

В 1843 году насчитывалось тринадцать школ с 438 учениками и одиннадцатью маленькими девочками в семьях миссионеров.

В течение 1844 года 186 человек были публично признаны протестантами в Хасбейе. Пятнадцать женщин посетили ежедневное послеобеденное молитвенное собрание и выразили огромное удивление и восторг при мысли о том, что религия - это то, в чем женщины принимают участие! Против протестантов было начато ожесточенное преследование, все они бежали в Абейх в Ливане. По возвращении на улицах на них напали и забросали камнями, а дьякон Фуаз был тяжело ранен.

В 1845 году Ливан снова был опустошен гражданской войной, работа школ была приостановлена, а обучение 182 девочек и 424 мальчиков на время прервано.

ГЛАВА VI.

ШКОЛА МИССИС УАЙТИНГ.

В 1846 году миссис Уайтинг открыла дневную школу для девочек в своей семье в Абейхе, а в Бейруте было четыре школы для мальчиков и девочек вместе и одна школа только для девочек. В 18 миссионерских школах обучалось 144 девочки и 384 мальчика. В этой школе для девочек в Абейхе в 1846 году преподавали Саломея (миссис Уортабет) и Ханна (миссис Райхардт), две старшие девочки в семье мистера Уайтинга. Открыть школу раньше 1 августа было невозможно, так как дома в деревне, которые были сожжены во время войны предыдущего года, не были восстановлены, и найти подходящее жилье было нелегко. Летом здесь было двенадцать учеников, а осенью - двадцать пять, из друзов, маронитов, греко-католиков и греческих сект, и наибольшая свобода использовалась при обучении Библии и Катехизисам Ассамблеи и Уоттса. Часть каждого дня проводилась в особом религиозном обучении, а в субботу часть учеников собиралась в Субботней школе. Осенью на территории Миссии было построено помещение для школы для девочек за 100 долларов.

Следующее письмо от миссис Уайтинг не нуждается в представлении. Это вызывает меланхолический интерес из-за того факта, что любимый писатель умер вскоре после этого, в Ньюарке, штат Нью-Джерси, 18 мая 1873 года.

"Меня впервые познакомила с женщинами Сирии миссис Берд, мать преподобного У. М. Берда и миссис Ван Леннеп. Тогда она была в окружении своей маленькой семьи из четырех детей. Я ежедневно находил ее в детской в окружении местных женщин, которые приходили к ней в большом количестве, часто со своими больными детьми. Их всегда принимали с величайшей добротой и заботились о них. Можно было видеть, как она принимала теплую ванну для больного ребенка или ждала и наблюдала за действием других лекарств. Матерям из соседних деревень Ливана разрешили привезти своих больных детей и оставаться в течение нескольких дней в ее доме, пока не будет получена помощь. Вскоре она стала известна по всему Бейруту и этим деревням как друг страждущих, и я всегда думал, что своими христианскими самоотверженными трудами она многое сделала для завоевания доверия людей. И кто скажет, что, пока добрый отец Берд находился в своей учебной библиотеке среди "пап и отцов церкви", готовя свой противоречивый труд "Тринадцать писем", эта дорогая сестра своими усилиями не прокладывала путь к сердцам этих людей для принятия евангельской истины, которая с тех пор так успешно проповедуется в соседних деревнях Ливана?

Осенью 1834 года мистера Уайтинга перевели на Иерусалимский вокзал. Я обнаружил, что женщины доступны и готовы навещать меня и приглашать к себе домой, но не желают отдавать своих девочек в мое подчинение. Все мои усилия в течение некоторого времени не давали результатов. Под датой 22 августа я нахожу эту запись в дневнике мистера Уайтинга: "На прошлой неделе три маленькие мусульманские девочки были отданы под опеку миссис Уайтинг. Инstrukция Уайтинга с целью обучения чтению и шитью. Они, кажется, очень довольны своей новой работой, а их родители, уважаемые мусульмане, выражают большое удовлетворение перспективой их обучения. Они говорят в восточном стиле, что дети больше не их, а наши, и что они останутся с нами и научатся всему, чему мы сочтем нужным их научить. Это событие вызвало много разговоров в городе, особенно среди мусульманских матерей. Число ученых, в основном мусульманских девушек, увеличилось до двадцати пяти-тридцати".

Позже, в январе 1836 года, "одна из девушек в доме миссис В школу Уайтинга поступила жалоба на еврейку, которая пыталась отпугнуть ее от школы, сказав ей и ее дяде (ее опекуну), что ее учительница определенно имела какой-то злой умысел и, без сомнения, намеревалась отобрать самых лучших девочек и отослать их паше, и что так даже написано в книгах, которые она учила читать детей. Был ли еврей подстроен другими, чтобы рассказывать людям эту абсурдную чушь, я не могу сказать, но, безусловно, для евреев в новинку выступать с каким-либо сопротивлением или проявлять какую-либо враждебность по отношению к нам. И это очень похоже на дурное влияние, которое пытались оказать в другом квартале".

"7 марта. Вчера миссис У. открыла воскресную школу для учеников своей дневной школы. Они были в большом восторге. Они начали изучать Нагорную проповедь".

"Сентябрь. 7. Посетил двух шейхов мечети Давида. Один из них спросил, особенно уважая миссис Школа Уайтинга для мусульманских девочек, и пожелал узнать, чему она учит их читать. Я показал ему маленькую орфографическую книжечку, которой мы пользуемся, чем он остался очень доволен и попросил меня одолжить ее ему. Я дал ему один из них с экземпляром Псалмов, который он хотел сравнить с Псалмами Давида в том виде, в каком они есть у мусульман. Он настойчиво приглашал меня навестить его и привезти миссис Уайтинг повидаться с его семьей".

Работа школы продолжалась с небольшими перерывами до 3 октября, когда прибыла мисс Тилден, которая руководила школой почти два года. По состоянию слабого здоровья я уехал с мистером Уайтингом в Соединенные Штаты, где мы провели более одного года. Мисс Тилден во время нашего отсутствия преподавала в школе для мальчиков в Бейруте. По моему возвращению мусульманская школа не была возобновлена, и вскоре после этого мистера Уайтинга снова перевели на станцию Абейх.

Моя работа в семейной школе началась в октябре 1835 года, когда родители отдали Саломею Карабет и Ханну Вортабет в нашу семейную школу. Впоследствии мы добавили к этому числу Мелиту Карабет и двух девочек-сирот Сада и Руфку Грегори. Эти двое попали к нам по воле провидения. Они были детьми Якоба Грегори, уважаемого армянина, хорошо известного в Бейруте.

У него было двое детей, и когда они были совсем маленькими, он ушел от жены, и с тех пор о нем ничего не было слышно. Вскоре после этого мать умерла и оставила детей на попечение Американской миссии и армянского епископа. Пожилая бабушка, находившаяся в Алеппо, узнав о ее смерти, вскоре вернулась в Бейрут, чтобы присматривать за детьми. Ей разрешили навестить их в семье епископа, где о них заботились, и однажды она тайком отвезла Сада в город и передала ее в руки еврея на борту местного судна, направлявшегося в Яффу. Я полагаю, Саде было тогда около шести лет. Они отплыли. Девочка горько заплакала, обнаружив, что ее бабушки нет на борту, как она и обещала. На борту яхты находился армянин, хорошо знакомый с ее отцом, который поинтересовался у нее причиной. Услышав ее рассказ, он возразил еврею, который сказал, что она была передана в его руки ее бабушкой для отправки в Иерусалим. По прибытии в Яффо об этом стало известно мистеру Мураду, американскому консулу. Он послал за евреем, взял ребенка у него из рук и отпустил его, а затем написал мистеру Уайтингу в Иерусалим отчет о случившемся и получил от него указание прислать ребенка к нам. Вскоре после этого ее бабушка приехала в Иерусалим с Руфкой. Она пыталась заинтересовать армянский монастырь в ее интересах. Здесь я нахожу выдержку из дневника мистера Уайтинга,

которая заинтересует вас по этому вопросу. "Пробыв вне дома большую часть утра, я вернулся и застал бабушку маленькой Сада, которая привела свою младшую сестру Руфку, чтобы оставить ее с нами. У нее был ссор с монастырем, и она бежала к нам в поисках убежища. Мы не можем не быть благодарны за то, что оба этих маленьких сироты наконец-то спокойно отданы под нашу опеку и обучение".

Родители трех девочек в нашей семье, будучи протестантками, всегда одобряли наш метод их обучения. Епископ Карабет также помогал нам всем, что было в его силах, и всегда казался очень благодарным за то, что я делал для его дочерей. Во время его последней болезни, когда он ослабел с возрастом, я часто навещал его. Однажды, войдя в свою комнату, он, как обычно, сел на свой турецкий ковер. Один из членов семьи поднялся, чтобы предложить мне стул, я сказал: "Позвольте мне сесть рядом с вами на вашем коврике, чтобы я мог поговорить с вами". С большим волнением он ответил: *"Иншуллах тукоди дженб иль Мессия фе мелакут - сема!"* "Дай Бог, чтобы вы могли сидеть рядом с Христом в царстве Небесном!"

Время от времени нас ободряли признаки работы Божьего Духа в их сердцах. Мелита Карабет была первой, кто возродил надежду во Христе и объединился с церковью в Абейхе. Саломея Юнайтед в Бейруте; Ханна в Хасбейе, где ее брат, преподобный Джон Уортабет, был пастором. Сада была принята мистером Калхуном в Абейхе вскоре после смерти мистера Уайтинга, а Руфка в последующие годы присоединилась к Объединенной пресвитерианской церкви в Александрии, Египет. Я всегда думала, что эти девушки были в большом долгу перед Американскими Церквями и Американской миссией, которые на протяжении стольких лет поддерживали и наставляли их, и я всегда пыталась внушить им чувство их обязанности передавать другим женщинам из своей страны то, что они получили. Я полагаю, что еще в 1836 году они начали помогать мне в мусульманской школе для девочек в Иерусалиме, в которой они продолжали помогать мисс Тилден, пока школу не закрыли.

Вскоре после нашего переезда в Абейх, в октябре 1844 года, мы открыли дневную школу для девочек в деревне на территории Миссии, которой полностью руководили Саломея и Ханна под моим руководством. Когда была создана Резидентура в Мосуле, Миссия назначила Саломею помогать миссис Уильямс в ее работе среди женщин, и эту работу она продолжала до своего замужества с преподобным Джоном Уортабетом. Впоследствии Миссия назначила Мелиту на станцию в Алеппо помогать миссис Эдди и миссис Форд в работе, и таким образом, они были наняты на разных станциях для преподавания, пока я не покинул Миссию. Я поддерживал с ними постоянную переписку и, к своей радости, узнал от других, что они выполняют работу, для которой я их обучал".

Приведенное выше глубоко интересное письмо от миссис Самого по себе Уайтинга достаточно, чтобы показать, сколько терпеливого христианского труда было затрачено на протяжении многих лет на воспитание пяти юных сирийских дев, которые по промыслу Божьему были вверены ее попечению. Я лично знаком с четырьмя из них в течение семнадцати лет и могу засвидетельствовать, как и многие другие, о том, как хорошо они использовали свои большие возможности. То количество добра, которого они достигли в качестве учителей в Абейхе, Иерусалиме, Дейр-эль-Комре, Хасбейе, Триполи, Алеппо, Мосуле, Александрии, Каире, Мельбурне (Австралия), а также в Миссионерской женской семинарии и Институте прусских диаконисс в Бейруте, никогда не будет известно, пока не откроется все. Я получил письма от нескольких из них, которые я приведу на их родном языке, поскольку они написаны по-

английски. Первое от Саломеи, ныне жены преподобного профессора. Джон Уортабет, доктор медицины Сирийского протестантского колледжа в Бейруте.

"Я не считаю, что моя история заслуживает того, чтобы ее записывать, и это только из уважения к миссис Уайтинг за труд, которым она одарила нас, что я вынужден взяться за перо, чтобы выполнить вашу просьбу. Меня забрала миссис Уайтинг, когда ей было всего шесть лет, вместе с Ханни Уортабет, которой было пять лет, воспитывалась в своей семье, поскольку у нее не было своих детей. Отчасти из-за характера религиозного наставления, которое мы получали, а отчасти из-за моей собственной робкой чувствительной натуры, я время от времени в течение многих лет испытывал глубокий духовный ужас, но без какого-либо спасительного результата. Когда мне было около шестнадцати, произошло возрождение религии, под влияние которой попал и я. мистер Калхун был моим духовным наставником, и хотя мой разум блуждал в темноте и граничил с отчаянием в течение многих недель, я надеюсь, что тогда меня побудили довериться Иисусу, и если я когда-нибудь буду спасен, моя единственная надежда сейчас заключается и всегда будет заключаться в заслугах крови Иисуса и Его обещаниях".

Следующее письмо от Мелиты Карает, дочери армянского епископа Дионисия Караета, который стал протестантом в 1823 году. Она пишет следующее:

"Ничто не могло бы доставить мне большего удовольствия, чем выполнить вашу просьбу и тем самым вспомнить некоторые счастливые дни и происшествия моего детства и юности, проведенные под крышей моих благочестивых учителей, мистера и миссис Уайтинг. Я должен помнить их еще со времен крещения в купели, потому что впоследствии я слышал, что они оба присутствовали на этом мероприятии, которое состоялось на Мальте, где я родился. Но поскольку моя память не уносит меня так далеко назад, я должен датировать свои воспоминания тем временем, когда мне было пять лет, когда я переехал жить в их семью. Я отчетливо помню первые тексты Священного Писания и куплеты гимнов, которые дорогая миссис Уайтинг научила мои юные губы повторять, и свою маленькую молитву, которую я обычно произносил у нее на коленях, ложась спать, я повторяю и по сей день: "Теперь я укладываю себя" и т. Д. Один случай, произошедший примерно год спустя, так глубоко запечатлелся в моей памяти и оказал на меня такое влияние в то время, что я должен упомянуть о нем. Это был такой случай. Миссис Уайтинг дал нам, девочкам (нас было пятеро: моя сестра Саломея, Ханни, сестра доктора Уортабет, Сада и Руфка Грегори), немного изюма для приготовления торта. Через некоторое время я улучил возможность сунуть в карман около дюжины таких изюминок. Никто не видел, как я это сделал, но с того момента, как я это сделал, я начал чувствовать себя очень несчастным и раскаялся в содеянном. Мои товарищи вышли поиграть, но я не мог присоединиться к их развлечениям. На сердце у меня было слишком тяжело. Я сидел, оплакивая свой грех, и не мог ужинать, и не мог успокоиться, пока полностью не исповедался миссис Уайтинг перед сном. Она молилась и плакала надо мной, и каким-то образом я утешился и лег в свою маленькую кроватку гораздо более счастливым.

"Я больше ничего не помню до гораздо более позднего периода, когда мне было около двенадцати лет. Примерно в это время среди молодых девушек в некоторых семьях Миссии произошло великое пробуждение. Молитвы и советы мистера Калхуна были очень востребованы, когда они направляли молодых вопрошающих и молились вместе с ними. Однажды в воскресенье, когда я читал небольшой трактат "Жена кузнеца" (который я храню по сей день), Я почувствовал огромную тяжесть и ощущение греха. Я связываю свое обращение с

чтением этого трактата. Вскоре я обрел покой. С тех пор я часто тосковал по тем дням и часам сладостного общения с моим Спасителем. Вскоре после этого я присоединился к Церкви, и в столь раннем возрасте мне поручили вести библейский класс в Абейхе.

"Теперь я должен пропустить еще несколько лет, когда я поехал в Хасбейю, чтобы провести немного времени со своей сестрой Саломеей, ныне женой доктора Джона Уортабета, который был назначен пастором тамошней маленькой протестантской церкви. Я провела здесь один год своей жизни, в течение которого руководила небольшой дневной школой для девочек в доме моей сестры. Ханни, сестра доктора Уортабет, открыла эту школу за несколько лет до моего приезда. Я не помню количества учениц, но там было пять маленьких мусульманских принцесс, внуков великого эмира "Саад-эд-Дина", которого несколько лет спустя вызвали в Константинополь для наказания за неуважительные высказывания о королеве Виктории. Эти маленькие принцессы были постоянными посетительницами школы, учились читать Новый Завет и изучали Катехизис Уоттса вместе с остальными детьми-христианами. Я также руководила библейским классом для женщин, которые раньше собирались раз в неделю в протестантской церкви. Это было до резни 1860 года. Остаток моей жизни прошел в преподавании в Бейруте. После массовых убийств я обучаю сирот в Прусской школе, где я в настоящее время проживаю. Действительно, это был мой дом с тех пор, как я взялся за эту работу, которую я очень люблю и которую, я надеюсь, буду продолжать до тех пор, пока Господь сочтет нужным и даст мне силы трудиться для Него".

Мне позволено привести следующую выдержку из письма, написанного Мелитой миссис Уайтинг в феврале 1868 года. Я привожу точный язык, так как письмо написано по-английски:

Прусский институт, Бейрут, 23 февраля 1868 г.

Моя дорогая миссис Уайтинг—

Сегодня утром так холодно, что я с трудом держу ручку. Месяц был очень холодным и ненастным, и, похоже, хорошей погоды пока не предвидится. Снега на горах так же мало, как и на самых низких холмах, и мне жаль бедных созданий, которые, должно быть, страдают из-за этого. Дж. очень наслаждается погодой; на самом деле, он кажется таким воодушевленным, что можно почти пожелать, чтобы это длилось из-за него, но я должен сказать, что хотел бы, чтобы это поскорее закончилось и теплые солнечные лучи снова пролили свои добрые лучи на холодную замерзшую землю.

Неприятности и горе в настоящее время являются настолько распространенными жалобами, что вы не удивитесь, услышав, как я рассказываю о своей доле из них. Я действительно получил свою долю сполна, и вы бы тоже так сказали, если бы видели, как я был занят во время каникул прошлым летом, заботясь о моем больном и страдающем брате. И если не считать моей усталости, поскольку я всегда был на ногах до двух-трех часов после полуночи, совершенно наедине с ним — просто быть свидетелем таких неопишуемых страданий, через которые он прошел, было больше, чем обычно выпадает на долю людей на земле. Некоторое время назад он был нездоров, и Врач посоветовал ему отправиться в горы, поэтому мистер Калхун любезно предложил ему место в семинарии, где он мог бы оставаться до тех пор, пока его здоровье не восстановится, а тем временем дать пару уроков английского языка в течение дня мальчикам из семинарии. Он поселился со студентами-богословами в маленькой комнатке над школой, но не

пробыл там и недели, как все его тело внезапно покрылось жгучей сыпью, которая все время распространялась и увеличивалась в размерах. Он не мог ни лежать, ни сидеть в любом возможном положении, и его мучили боли, которые, казалось, временами почти сводили его с ума. Я трепетал за его разум и был так потрясен этим зрелищем, что мне грозила опасность потерять и свой тоже. Никто не хотел подходить к нему близко, а миссис Калхоун любезно попросила меня приехать и провести с ними каникулы, так что на мою долю выпал нянчиться с ним и заботиться о нем. Я обычно приходил к нему утром, как только вставал, и сидел (или вставал) с ним до двух-трех часов ночи, перевязывая его раны; лишь изредка сбегал вниз поесть и со своим маленьким фонариком спускался глубокой ночью, совсем один, чтобы положить свою усталую голову, ноющее сердце и конечности на кровать и немного отдохнуть. Но не для того, чтобы уснуть, потому что всякий раз, когда я закрывал глаза, передо мной вставала эта вечная картина страдания. Я не могла найти никого, кто был бы готов за любовь или деньги помочь мне или облегчить мое состояние на одну ночь или день. Болезнь была настолько отвратительной, что никто не мог оставаться в комнате. Одна из прусских "сестер", которая поднялась со мной наверх, иногда любезно помогала мне, пока не спустилась вниз. В таком состоянии Дж. нашел меня по возвращении из Англии. Его семья жила в Алейхе, и он время от времени приезжал навестить П. и прописать ему какое-нибудь новое лекарство, но его мастерство не позволяло справиться с этой ужасающей болезнью, и бедный П. оставался в этом мучительном состоянии страданий целых пять месяцев, не вставая с постели. Его привезли на носилках в Бейрут, где он и находится с тех пор. Он снял отдельную комнатку и дает уроки английского, пока ему не подвернется что-нибудь более состоятельное. Двадцатилетний опыт, казалось, прибавился к моей жизни за те три месяца тревог, которые я пережил прошлым летом; и какой картиной страданий и горя был я сам после этого. Неудивительно, что я чувствую себя полностью измотанным этой зимой и чувствую, что жить стоит огромных усилий.

Нет ни малейшей надежды на то, что я когда-либо получу обратно свое утраченное имущество от этого человека, поскольку он давно покинул страну и, как говорят, большой негодяй и очень бесчестный человек. Если бы это было не так, он никогда бы не рискнул заработком бедной девочки-сироты, попросив об этом накануне своего банкротства. Будь у меня мое имущество, я, возможно, бросил бы преподавание на некоторое время и уехал бы, чтобы немного измениться и отдохнуть, но Бог пожелал иного, без сомнения, с какой-то мудрой целью и к какому-то мудрому завершению, хотя в настоящее время это так трудно и непостижимо. Несомненно, все это для испытания моей веры и доверия к Нему. Тогда позволь мне довериться Ему! Да, хотя Он и убьет меня, позволь мне все же довериться Ему! Подводил ли Он меня когда-нибудь? Разве Он не доказал, что во все века был Отцом и Богом сироты и вдовы? Он должен видеть, что я нуждаюсь в этих заботах и горестях, иначе Он не послал бы их, потому что рука моего Отца никогда не вызвала бы у его ребенка ненужных слез. Надломленную трость Он не ломает, но утихомирит бурю до остриженного агнца; тогда я больше не буду унывать и падать духом, но буду смотреть ввысь и доверять моему Небесному Отцу, чувствуя уверенность, что в конце концов Он все исправит.

Мое письмо такое грустное и меланхоличное, что я не могу отпустить его без чего-нибудь более веселого, поэтому я добавлю строчку, чтобы немного скрасить и взбодрить его. Ибо в жизни, при всей горечи, которую она содержит, есть также много приятного и доставляющего много наслаждения; ибо человеческий разум обладает удивительной гибкостью, которая позволяет ему, будучи освященным божественной благодатью, противостоять нынешним невзгодам. Так что, несмотря на все мои горести и невзгоды, этой зимой я тоже иногда мог получать

удовольствие. Недавно я посетила два концерта: один здесь, данный Прусскими сестрами в пользу нового приюта "Талита Куми" в Иерусалиме, недавно построенного там прусскими сестрами, и один, данный "Сестрами милосердия" в пользу сирот и малоимущих этого города. Дауд-паша великодушно уступил большой зал в своем особняке по этому случаю, а также почтил его своим присутствием. Концерт в нашем Заведении был полностью музыкальным, вокальным и инструментальным. Пришли все миссионеры. Мы продали почти триста билетов по пять франков за штуку, так что в Сиротский фонд Иерусалима пополнилась приличная сумма.

Всегда твой любящий

Мелита.

Саада Грегори в разное время преподавал в Триполи, Алеппо, Хасбейе и Египте. Ее школа в Триполи была чрезвычайно успешной, а ее труды в Александрии отличались большой энергией и упорством. Она содержала большую школу, даже когда страдала от сильной физической боли. Сейчас она находится в Соединенных Штатах с ослабленным здоровьем.

Дом Американской миссии, Александрия, 8 ноября 1867 года.

Моя дорогая миссис Уайтинг,

Я знаю, что вы скоро будете ожидать от меня письма, частично в ответ на ваше, присланное миссис Ван Дейк, и особенно потому, что вы ожидаете, что в этот день все ваши дети вспомнят вас. Я никогда не забуду этот день, но на этот раз у меня есть особые причины запомнить его. Всякий раз, когда наступал этот день, я острее, чем в другие, ощущала, насколько я была совершенно одинока, потому что с тех пор, как у нас забрали дорогого мистера Уайтинга, казалось, что мы стали вдвойне сиротами, но на этот раз это было не так. Я думаю, что мне дали понять, что у меня есть любящий Небесный Отец, который любит меня, присматривает за мной и заботится обо мне больше, чем когда-либо делали вы или мистер Уайтинг. Теперь я действительно чувствую, что Бог дал мне друзей, так что этот день не был для меня таким печальным, как обычно. Еще одним источником благодарности сегодня является то, что я был поднят с ложа боли и страданий, с которого ни я, ни кто-либо из моих друзей не думали, что я когда-нибудь поднимусь. Томительные дни и ночи боли, когда двигаться было пыткой и почти невозможно лежать спокойно, и когда временами казалось, что смерть будет только облегчением, и все же я все еще жив, чтобы восхвалять Его за многие, многие милости. Мистер Пинкертон ухаживал за мной днем и ночью, часто лишая себя сна и отдохновения, чтобы сделать это, а когда наступало выздоровление и с беспокойством больного человека я воображала, что мне будет удобнее наверху, он носил меня вверх и вниз и удовлетворял все мои прихоти. В течение пяти недель я был прикован к постели, и еще много недель я был прикован к своей комнате и дому. Но самая большая причина для благодарности заключается в том, что Бог в Своей великой милости привел меня к познанию Самого Себя и моего собственного потерянного состояния виновного грешника. Именно лежа в те долгие утомительные дни на кровати, я осознал, что в течение десяти долгих лет обманывал себя. Вместо того чтобы быть христианином и быть готовым умереть, я все еще был во власти горечи и уз беззакония, и если бы Бог забрал меня во время этой болезни, это было бы с ложью в моей правой руке. Теперь, когда я оглядываюсь назад на те долгие годы, проведенные в грехе и самообмане, я удивляюсь любящей доброте и терпению Бога, который все еще щадит меня, чтобы проявить во мне Свою благодать и снисходительность. Поистине, это по Его милости я не был поглощен. Как часто я

учил других и говорил им о любви Христа, и все же у меня самого не было этой любви. Сколько раз я садился за Его стол с его детьми, и все же у меня не было ни доли, ни жребия в этом вопросе. Иногда, когда я думаю, насколько близок я был к разрушению, буквально в шаге от смерти, вечной смерти, и все же Бог воскресил меня, привел ко Христу и заставил полюбить Его, и с тех пор Он наблюдает за мной, давая мне ту меру комфорта и покоя, которыми я наслаждаюсь, и дает мне желание знать и любить Его больше, я удивляюсь своей собственной холодности, частоте, с которой я забываю о Нем. Как силен грех все еще во мне, как склонен я удаляться от Христа и забывать Его любовь, позволять греху становиться между мной и Им, и все же Он все еще следует за мной Своей любовью, все еще возвращает меня к Нему, доброму Пастырю. О, если бы я мог жить ближе ко Христу, если бы я мог осознать Его любовь и радоваться Ей. Теперь, когда я думаю, насколько я могу быть близок к вечному миру, что в любой момент может начаться сильный приступ боли, который унесет меня прочь, приятно сознавать, что мой Спаситель будет со мной; что Он мой, а я - Его. Нелегко спокойно смотреть смерти в лицо и знать, что дни мои сочтены, но могу ли я не участвовать в обещании, что Он Сам придет и заберет меня, чтобы я был с Ним там, где Он есть. Я хотел бы, чтобы мне позволили прожить дольше и привести души ко Христу, но я уверен, что Он сделает все возможное, и что Он не отзовет меня, пока у Него есть для меня здесь какая-либо работа. У меня такое чувство, что это будет мое последнее письмо к вам, и сейчас я пользуюсь возможностью поблагодарить вас за все, что вы сделали для меня, за всю ту заботу, которой вы меня одарили, за молитвы, которые вы возносили за меня, и за добрую заботу, которую вы все еще проявляете о моем благополучии. Для меня было бы утешением, если бы я мог увидеть вас и поговорить с вами еще раз, но я боюсь, что этого никогда не будет в этом мире, но разве мы не встретимся в присутствии нашего Спасителя, очищенные, оправданные и освященные Его кровью? С искренней любовью и благодарностью

Я остаюсь твоим,

Saada.

ГЛАВА VII.

РАБОТА ДОКТОРА ДЕ ФОРЕСТА В БЕЙРУТЕ.

В 1847 году доктор и миссис Де Форест начали свою работу по образованию женщин, приняв в свою семью двух молодых женщин. В 13 школах при Миссии обучалось 163 девочки и 462 мальчика. В течение 1847 года действовало шесть школ, связанных со станцией Бейрут. Одна в Месаитебе с 32 ученицами, из которых 10 девочек. Эта школа была многообещающей, и 15 учениц умели читать Библию. Другой был в Ашрафии с 50 ученицами, из которых 12 были девочками. Девятнадцать человек в этой школе умели читать Библию. Еще один был на территории Миссии с семьюдесятью ученицами. В другой школе, расположенной к югу от здания Миссии, обучалось 60 учениц, из которых 15 были девочками. В дополнение к ним была Женская школа с тридцатью девочками, которую преподавала Рахиль.

В 1848 году, при организации первой евангелической церкви, было принято девятнадцать членов, из которых четверо были женщинами. В семье доктора Де Фореста было семь местных девочек, а в других школах - пятьдесят пять девочек.

В 1849 году миссис Томсон и миссис Де Форест посетили Хасбейю, чтобы поработать среди женщин, которые приняли их с большим радушием. Школа для девочек того времени содержалась в исправном состоянии и хорошо посещалась. В семье доктора Де Фореста в Бейруте проживало тринадцать местных девочек, а у мистера Уайтинга - пять.

В Годовом отчете Бейрутской станции за 1850 год говорится, что "среди братьев и сестер преобладает более молитвенный дух. Одним из приятных свидетельств этого является недавнее учреждение еженедельных женских молитвенных собраний, на которых присутствуют все женщины-члены Церкви. И все же несколько примечательно, что в нашей маленькой Церкви так мало женщин. К сожалению, только один из наших коренных братьев благословлен благочестивой женой. Некоторые из них окружены родственниками и друзьями, влияние которых таково, что они скорее препятствуют, чем помогают им в их христианском пути и в религиозном воспитании их детей".

Эта трудность все еще существует во всех частях протестантского сообщества, не только в Сирии, но и по всей Турецкой империи и, вероятно, во всем миссионерском мире. Молодые люди протестантских церквей в настоящее время стараются избежать этого источника испытаний и смущения, вступая в брак только внутри протестантской общины, и быстрый рост женского образования в наши дни дает надежду на то, что близко время, когда матери в Сирии ни в чем не будут отставать от отцов ни в добродетели, ни в интеллекте. В настоящее время церковь Бейрута насчитывает 107 членов, из которых 57 мужчин и 50 женщин.

В 1851 году мисс Анна Л. Уиттлси прибыла в Бейрут в качестве ассистентки доктора и миссис Де Форест и умерла меньше чем через год, через день после своего приезда, всеми любимая и оплакиваемая. В июле того же года пять женщин в Хасбейе присоединились к Церкви.

В 1852 и 1853 годах Женская семинария в Бейруте достигла высокой степени процветания, а школы для девочек в разных частях страны посещались хорошо. Мисс Чейни прибыла из Америки, чтобы занять место мисс Уиттлси.

В 1854 году доктор Де Форест из-за ухудшения состояния здоровья был вынужден оставить свою работу и вернуться в Соединенные Штаты. Более благородного человека на свете не было. Как врач он был широко известен и всеми любим, а как учитель и проповедник он оказал длительное влияние. Добро, совершенное этим святым человеком в Сирии, никогда не будет полностью известно в этом мире. Прекрасные христианские семьи в Сирии, чьи матери прошли обучение у него и его жены, станут его памятниками для грядущих поколений. В Сирии принято говорить, что подавляющее большинство учеников доктора Де Фореста стали хорошими учениками.

Мне не удалось найти официальных отчетов о Женской семинарии доктора Де Фореста в Бейруте за 1847, 1848 и 1849 годы, но из отчетов, сделанных самим доктором Де Форестом за 1850, 1852 и 1853 годы, я делаю следующие выдержки:

В 1850 году Доктор пишет: "В настоящее время в семинарии семнадцать учеников, включая двоих, Хозму и Лулу, которые выступают в качестве учителей. Старшеклассники продолжали

изучать Священное Писание в качестве ежедневного урока и почти закончили читать Ветхий Завет. Они изучили краткий справочник по истории на арабском языке и продолжили изучать арифметику и английский. От них еженедельно требовали сочинений на арабском языке до прошлой осени, когда они начали писать попеременно на английском и арабском. Был начат краткий курс астрономии, иллюстрированный картами Мэттисона, которые дал Фишер Хоу, эсквайр, из Бруклина, штат Нью-Йорк

"В последнее время учеников приглашают проводить каждый второй субботний вечер с другими членами семьи в беседах о каком-либо миссионерском поприще, которое было определено ранее. В гостиной висит большая миссионерская карта, и всех по очереди просят сообщить какой-нибудь факт, касающийся данной области. Даже самые маленькие, которые еще не научились легко читать на своем родном языке, предоставляют свою лепту информации.

"Обучение в этой школе проводили доктор и миссис Де Форест при содействии родителей миссис Де Форест и двух старших учениц, которые оказывали такую эффективную помощь до сих пор. Ученики всех классов добились хороших успехов в своих различных исследованиях, и их поведение было удовлетворительным. Они обретают умственную дисциплину и интеллектуальное оснащение, а также приобрели много евангельских знаний. В разное время со стороны некоторых старших учеников наблюдалась глубокая серьезность, и они уделяют заметное и серьезное внимание проповедуемому слову.

"В наших трудах по переустройству общества здесь мы все больше и больше ощущаем абсолютную потребность в освященном и просвещенном женском влиянии; таком влиянии, которое так широко ощущается в Америке и благотворное действие которого проявляется в надлежащем воспитании детей и в изгнании тысячи суеверий из страны. Христианские школы кажутся наиболее очевидным средством достижения такой цели. Торговля и сношения с иностранцами и многие другие причины способствуют миссионерским усилиям по просвещению *мужчин* Бейрута и его окрестностей, но женщины, гораздо более изолированные, чем в Америке, едва ли затронуты какой-либо из этих причин, и они существенно препятствуют моральному возвышению другого пола. Часто человек, который за границей кажется полным ума, предприимчивости и расширения кругозора, дома оказывается всего лишь суеверным ребенком; пророчество, которому научила его мать, все еще является религией его дома, а языческие принципы и узкие предрассудки, которым его рано внушили, все еще правят в доме. Ищущий истину снова впадает в заблуждение из-за множества ловушек неосвященного и невежественного общения, а новообращенному, который добился успеха, мешает невежественное упрямство, к которому он неравномерно привязан.

"Оказывая это пагубное влияние на своих мужей и детей, женщины этой страны имеют лишь мало возможностей для личного совершенствования и являются не очень перспективными объектами миссионерского труда. Сильной должна быть вера того, кто может с надеждой трудиться ради обращения женщин, скоторыми обычаи общества запрещают свободу половых сношений, и у кого недостаточно знаний, чтобы прочесть книгу, или словарного запаса, чтобы понять проповедь, или умственной дисциплины, достаточной, чтобы следить за непрерывной беседой".

В отчете за 1852 год доктор Де Форест пишет: "На момент составления нашего последнего годового отчета мисс Уиттлси была в добром здравии, быстро овладевала арабским языком и ревностно выполняла выбранную работу, обладая хорошо тренированным интеллектом,

твердой целеустремленностью и живой надеждой. Но вскоре Бог отозвал ее, и она ушла в "надежде на вечную жизнь, которую Бог, который не может лгать, обещал еще до сотворения мира". Женская школа-интернат сильно пострадала от потери своего Директора, но обучение продолжалось по тому же курсу, что и раньше, хотя и с меньшей эффективностью. Одна из учениц-помощниц (Лулу), на которую во многом полагались в преподавании и надзоре за учеными, прошлой осенью вышла замуж за старшего преподавателя семинарии Абейха. В настоящее время в школе обучается пятнадцать учеников. Передача библейских и религиозных знаний была главной целью этой школы. Все ученики в качестве ежедневного урока изучают Краткий катехизис Ассамблеи, сначала на арабском с корректурными текстами, а затем на английском с пояснительными вопросами Бейкера и доказательствами из Священных Писаний, и им преподают краткий исторический катехизис Ветхого и Нового Заветов. Каждый день в первый из положенных школьных часов вся школа занимается изучением Священных Писаний. Послания к Евреям Римлянам были предметом этих уроков до осени, когда исправленное издание "Компаньона к Библии" мистера Кэлхуна было принято в качестве учебника, и в связи с этой работой изучался Ветхий Завет. Все ученики посещают службу в часовне Миссии и в перерывах между богослужениями проводят уроки, соответствующие субботе.

"Вечернее семейное богослужение проводится на арабском языке и представляет собой привычный библейский урок. Присутствуют все ученики, и нередко некоторые из их родственников и другие незнакомые люди. В дополнение к этому религиозному обучению в нескольких классах изучались арабский и английский языки, некоторые из них писали на обоих, географию и историю, арифметику для умственного развития и высшую, астрономию, а также некоторые простые работы по натурфилософии и физиологии. Сочинения требовались на арабском и английском языках. Уроки рисования, начатые мисс Уиттлси, были продолжены под руководством миссис Смит, и простой и причудливой вышивке обучались, как и прежде.

Тем, кто наблюдал рост интеллекта, а в некоторых случаях, мы надеемся, и рост благодати в этих немногих ученицах и в других ученицах—интернатчицах в некоторых миссионерских семьях, кто видел приятный контраст, который представляют сирийские женщины, украшенные по апостольской рекомендации добрыми делами и "кротким и тихим духом", с теми, кто украшает пустые головы жемчугом и наряжает неопрятных людей в дороженаряды, — кто радовался, видя, как устанавливается тот или иной семейный алтарь, где оба главы семьи и сердца обоих объединяются в признании Боже, эта отрасль наших трудов не нуждается в дополнительных аргументах для оправдания своего эффективного преследования.

"Библиотека семинарии состоит из 220 школьных учебников и 148 томов разных книг, в основном для молодежи. В школе есть 6 больших прекрасных карт, 5 миссионерских карт мистера Бидвелла и 16 астрономических карт Мэттисона. Эти карты были подарками миссис доктор Берджесс и Фишера Хоу, эсквайра. В школе есть пара глобусов, одна сезонная машина, один планетарий, пара газометров, спиртовка и подставка для реторт, устройство для определения центра тяжести, устройство для притяжения капилляров, гальванический желоб, круглая батарея, электромагнит, магнит для подковы, вращающийся магнит, проволоочная катушка и полусферические спирали, а также электрошокер".

Отчет Женской семинарии за 1853 год написан рукой миссис Де Форест из-за растущего ухудшения здоровья доктора Де Фореста, и этот отчет представляет печальный интерес, поскольку является последним, когда-либо продиктованным доктором Де Форестом.

"В маленькой дневной школе для девочек преподавала одна из учениц миссис Семья Уайтинга в течение зимы, и предполагается, что в дальнейшем школа будет продолжена в доме для девочек на территории Миссии под руководством выпускницы Женской семинарии. Спрос на такое обучение для девочек неуклонно растет.

"Преподавательский состав семинарии был увеличен прошлой весной с прибытием мисс Чейни, которая сразу приступила к выполнению своих должностных обязанностей, посвящая часть своего времени изучению арабского языка, а часть - проведению некоторых занятий на английском языке. Тем не менее, из-за повторяющихся болезней доктора Де Фореста прошлой осенью было сочтено нецелесообразным набирать новый класс. Единственными девочками, принятыми в течение года, были одна из миссис Де Форест. Ученики Уайтинга, которых перевели в семинарию на один год, одна из одноклассниц, окончившая ее два года назад и пожелавшая вернуться еще на год, и Сара, дочь мистера Бутруса Бистани. Эти трое были приняты в существующие классы, хотя в сложившихся обстоятельствах было сочтено нецелесообразным создавать еще один класс, состоящий из новых учеников.

"Курс обучения, библейского и прочего, был во многом таким же, как и тот, которому следовали до сих пор. Мисс Чейни начала "Уоттс в сознании" с некоторыми ученицами постарше на английском языке. Все ученики прошли знакомые уроки по истории церкви на арабском языке, а некоторые из них приступили к сокращенной работе по философии морали. Много усилий было потрачено на воспитание вкуса к чтению полезных книг, и несколько девочек полностью прочитали "Историю реформации Д'Обинье" и другую историю с миссис Де Форест на вечернем занятии, при этом атлас всегда был открыт перед ними. Миссис Смит обучила часть учеников азам рисования, а миссис Берд и миссис Калхун дали уроки вокала, к которым у некоторых учеников большой вкус.

"После завершения "Компаньона к Библии" на арабском языке вся школа ежедневно занималась Гармонией Евангелий, и другие библейские и религиозные занятия продолжались, как и прежде. Мы всегда помнили о необходимости не лишать этих арабских детей гражданства, и мы считаем, что этот желаемый результат был достигнут. Длительные шестинедельные каникулы весной и такие же осенью, начало всего обучения на арабском языке и преобладание изучения арабского языка в школе способствовали такому результату. Старшие ученицы достигли значительных знаний английского языка, что дает им доступ к книгам, подходящим для чтения девочками, и все же в школе говорят на арабском, а ученики по-прежнему являются сирийцами в одежде и манерах. Преимущества школы все больше и больше ценятся в городе и прилегающих горах. Прошлой осенью многие были чрезвычайно серьезны, предлагая своих дочерей, как протестанткам, так и другим, и некоторые, получив отказ в семинарии, умоляли семьи миссии принять их детей".

В течение следующего года школа была передана семье мистера и миссис Уилсон под опеку мисс Чейни. Класс из восьми человек окончил школу, и ученики пожертвовали на благотворительные цели плоды своего труда более 1200 пиастров, или около пятидесяти долларов.

В отчете об образовании, подготовленном Сирийской миссией в 1855 году, говорилось, что "не вдаваясь в подробности относительно проводимого курса обучения, мы рады сообщить, что

результаты семинарии доктора Де Фореста были очень приятными и доказали, если нужны доказательства, что в женском уме этой страны есть те же способности, что и в мужском, и что при надлежащем обучении и с благословения Божьего будет выдвинут класс умных, благочестивых и эффективных помощниц в великой работе евангелизации этого мира". сообщество".

Надежда, подразумеваемая в приведенном выше предложении относительно воспитания "класса умных, благочестивых и эффективных помощниц женского пола", полностью оправдалась. Список учениц доктора Де Форест - это в значительной степени список ведущих женщин-учителей и помощниц во всех различных отделах евангелической работы в Сирии.

Не имея доступа к архивам семинарии, поскольку они были утеряны, я получил от нескольких бывших учеников список членов различных классов с 1848 по 1852 год. Общее число учеников в тот период составляло двадцать три. Из них двое умерли в вере, явив веские доказательства благочестия. Из двадцати одного выжившего двенадцать являются членами Евангелической церкви, а девять сейчас или недавно занимались преподаванием, хотя с момента их окончания прошло почти двадцать лет. Двадцать один человек стоит во главе семей, их уважают в тех сообществах, в которых они проживают. Имена всего класса следующие:

Ферха Джиммал, ныне Коввар из Назарета.
Сара Хаддад, ныне Майерс из Бейрута.
Сада Сабунджи, ныне Баракат из Бейрута.
Сада Халеби из Бейрута.
Мириам Табет, ныне Табет из Бейрута.
Хушфе Медждедани, ныне мусульманин Бейрута.
Хурма Медждедани, ныне Эши из Хасбейи.
Мирта Табет, ныне Сулейби из Бхамдуна.
Фейфун Малуф из Арамуна.
Катрин Роза из Кефр-Шимы.
Мирта Сулеби, ныне Трабулли из Бейрута.
Сара Сулейби из Бейрута.
Эстир Насиф, ныне арестованный в Сук эль-Гурбе.
Хада Сулеби, ныне Шидуди из Бейрута.
Привет, Лун Зазуах, теперь Зураюк из Бейрута.
Хушфе Товиле, ныне мутр Бейрута.
Фетнех Сулейби, ныне Шибли из Сук-эль-Гурба.
Акабир Баракат, ныне Губрин из Бейрута.
Хамде Баракат, ныне Бу Рехан из Хасбейи.
Элиза Хашем, ныне Кхури из Бейрута.
Руфка Хаддад, (умершая).
Сара Бистани (скончалась).
Дурра Шемайл из Кефр-Шимы.

Двое из наиболее успешных из тех, кто занимается преподаванием, сейчас связаны с британско-сирийскими школами. Это Сада Баракат и Сада эль Халеби. Первая написала мне письмо на английском языке, касающееся ее собственной истории и религиозного опыта,

которое я беру на себя смелость дословно изложить здесь на ее родном языке. Она была одной из *наименее* религиозных учениц в школе, когда ее впервые приняли, но работа по убеждению и обращению была тщательной, и милость Божья позволила ей постоянно и наиболее эффективно свидетельствовать о реальности христианского опыта на ответственном посту, который она была призвана занимать в учреждении покойной миссис Томпсон.

Сук-эль-Гур, гора Ливан, 3 сентября 1872 года.

Дорогой сэръ— я с благодарностью сообщаю в ответ на ваш запрос, что меня не преследовали, когда я стала протестанткой, как других моих родных сестер, когда они стали протестантками, потому что я была очень молода. Мне было около четырех лет, когда умер мой отец, а год спустя моя мать вышла замуж за протестанта. Я переехал жить к своей матери в ее новый дом вместе с двумя моими братьями. Было очень тяжело потерять дорогого любящего отца, который любил своих детей так сильно, как говорит мне моя мать. Но Господь все делает правильно, потому что, если бы Господь не забрал у нас моего отца, я бы не узнала истинную религию. Я жила в доме моего отчима до двенадцати лет. Затем, в 1848 году, меня поместили в школу доктора Де Фореста. Я пробыл там четыре года. Я не был хорош в учебе, и особенно английский язык был для меня очень трудным. До сих пор я помню урок английского языка, который был для меня настолько тяжелым, что меня дважды наказали за это, и я не смог его выучить. Теперь мне будет смешно думать об этих нескольких словах, которые я не смог перевести на арабский: "Курица во дворе". Мой разум был больше занят игрой, чем изучением. Я была очень ловкой по хозяйству, наряжала кукол и всегда была лидером во всех играх. Из этого вы можете видеть, что в школе я была не очень хорошей девочкой. После двух первых лет обучения я начал думать, как хорошо было бы стать настоящим христианином, как мой дорогой учитель доктор Де Форест. Потом я обычно молился и читал, особенно "Путь пилигрима", и мой ум был так занят этим, что иногда я бросал урок и шел посидеть один в своей комнате. Никто не знал, что со мной было, но доктор Де Форест часто спрашивал меня, почему я не ходил в школу? Я сказал ему, что я очень обеспокоен, и он посоветовал мне очень искренне молиться Богу, чтобы он дал мне новое сердце. Я действительно молился, но тогда у меня не было ответа. Три или четыре раза за время учебы в школе у меня возникало желание стать христианином. Я молился и был очень обеспокоен. Я плакал и не хотел играть, а поскольку немедленного ответа не получил, я совсем перестал читать, а иногда и молиться. Все заметили, что я не очень люблю читать, особенно религиозные книги. Я почувствовал, что мое сердце стало тверже, чем до того, как я пожелал стать христианином. Самым большим испытанием было то, что у меня не было веры, и по этой причине я раньше не верил в молитву, но все же я страстно желал стать настоящим христианином. Я бросил школу в 1852 году и переехал жить домой к своей матери. Я заболел, и когда я был болен, я очень боялся смерти, потому что чувствовал, что Бог очень разгневан на меня.

Примерно через два года после окончания школы у меня вообще не было религии. Однажды вечером к нам домой пришел молодой человек из Абейха. Его зовут Джурджиус эль Хаддад, он теперь повар мистера Калхуна. Через некоторое время он начал говорить о религии и читать книгу "Маленький Генри и его подносчик". Мне было очень стыдно за то, что другие, у которых не было возможности узнать о религии, имели религию, а у меня, который так многому научился, ее не было. Это был благословенный вечер, когда я начал серьезно вопрошать о своем спасении. Я молился три месяца и не нашел ответа на свои молитвы. Друзья-христиане пытались привести меня ко Христу, но я не мог ухватиться за Него, пока Он Сам Не явился моей

душе во всей Своей красоте и превосходстве. До того, как я обрел покой, доктор Эли Смит и мистер Уайтинг хотели, чтобы я преподавал в их дневной школе. Это было примерно через три года после того, как я бросил учиться. "О, - подумал я, - как я могу учить других о Христе, когда сам Его не знаю?" Однако я начал школу с того, что открывал и закрывал ее молитвой, вообще без всякой веры. Итак, я начал с чтения первой главы Евангелия от Матфея, пока не дошел до 16-й главы. Когда я дошел до этой главы, я читал, как обычно, с закрытыми глазами; но когда я дошел до (13-го) тринадцатого стиха, а оттуда до семнадцатого, где говорится: "Благословен ты, Симон Барджона, ибо не плоть и кровь открыли это тебе, но Отец мой Небесный", я почувствовал, что это было сказано мне, и если бы эти слова прозвучали с небес, я не чувствовал бы себя счастливее. Насколько это верно, что никакая плоть не могла открыть мне то, что открыл Бог, потому что многие друзья-христиане пытались заставить меня поверить, но я не мог, я чувствовал, что все стало новым и прекрасным, потому что мой Небесный Отец создал их всех. Иногда я был с верой, а иногда сомневался, и благодаря этим переменам моя вера укрепилась. Через короткое время я попросил мистера Уайтинга позволить мне присоединиться к Церкви. Он спросил меня, вижу ли я какие-то перемены в себе, и я ответил: "Одно я знаю точно: раньше я недолблювал христиан, а теперь они мои лучшие друзья". Через короткое время мне разрешили присоединиться к Церкви. Затем я перестала преподавать в дневной школе, и меня попросили преподавать в школе-интернате вместе с мисс Чейни, в той же семинарии, где я выросла. Мы преподавали в этой школе всего шесть месяцев. Мисс Чейни вышла замуж, и я был помолвлен. Пока я была помолвлена, я ходила в школу мистера Берда для девочек в Дейр-эль-Камре и преподавала там больше года. Мистер Берд выдал меня замуж в его собственном доме за М. Юсеф Баракат, а затем мы отправились в Хасбейю. Я пробыла там семь месяцев, а затем отправилась в Бейрут, а оттуда в Дамаск со своим мужем, потому что он должен был там преподавать. Мне там нечего было делать, кроме как присматривать за своим домом, моим маленьким мальчиком и моим мужем.

Через некоторое время в Дамаске началась резня (9 июля 1860 г.), и мы вернулись как беженцы в Бейрут. Вскоре после этого мой муж заболел, а затем умер. В том же 1860 году дорогая миссис Боуэн Томпсон приехала в Бейрут. Она сочувствовала вдовам и сиротам, поскольку сама была вдовой. Она спросила меня, не хочу ли я приехать и преподавать в школе для вдов и сирот, на что я с благодарностью согласился. Мы открыли школу с пятью детьми и семью женщинами, и работа, с Божьей помощью, процветала, так что теперь вместо одной школы здесь двадцать две. До сих пор я продолжаю преподавать в этом Учебном заведении, и если бы я знал, что почти вся моя жизнь будет посвящена преподаванию, я бы постарался получить больше, когда был ребенком. Я могу забыть отца и мать, но никогда не смогу забыть тех, кто учил меня, особенно религии. Хотя некоторые из них мертвы, они все еще живут своим христианским примером, который они оставили позади. Вся моя жизнь будет полна благодарности этим дорогим друзьям-христианам, и я молюсь, чтобы сам Бог вознаградил их стократно.

С уважением,

Сада Баракат.

В 1851 году Миссионерское общество шитья Бейрутской женской семинарии услышало об интересном положении вещей в Айнтабе и о том, что женщины там очень хотели научиться читать. Миссионеры в Айнтабе наняли старика, который ходил от дома к дому и учил женщин

читать в их домах, но женщины так стремились учиться, что старик не смог удовлетворить их требование. Поэтому для оказания помощи были наняты дети. План сработал превосходно, и в 1851 году восемьдесят женщин получили наставления и смогли читать Слово Божье. Были созваны арабские девочки из школы миссис Де Форест, и было предложено, чтобы они шили и вышивали и направляли доходы от своей работы на оплату труда маленьких девочек-учителей в Айнтабе. Присутствовали Ферха, (джой) Сара, Саада Сабунджи, Мириам, Хушфе, Хурма, Мирта, (Марта) Фейфун, Катрина, Хада, Сада эль Халеби, Эстир, Хеллун, Фетни, Акабир, Хамди и Лиза. Иглы были быстро обработаны, и в назначенное время двести пятьдесят пиастров были собраны и отправлены в Айнтаб. Миссис Шнайдер написала в ответ, поблагодарив "дорогих арабских девушек". Приобретенные таким образом привычки к доброжелательности сохранились у большинства из этих девочек до настоящего времени. Большая часть из них в настоящее время являются членами церкви и главами семей.

В следующем письме, написанном миссис Де Форест в феврале 1852 года, дается некоторый отчет о Лулу Араман.

Бейрут, Сирия, *февраль* 1852 года.

Мои дорогие юные друзья из Тетфорда!

Присланное вами одеяло дошло в целости и сохранности, и я от всего сердца благодарю вас за всю заботу и хлопоты, которые вы приложили, чтобы сшить его для меня. Я сначала подумала оставить его себе, но потом мне пришло в голову, что, возможно, вам было бы приятнее и интереснее, если бы я подарила его Лулу, одной из моих дочерей, которая в этом году выходит замуж за мистера Майкла Арамана, одного из преподавателей семинарии Абейх. Таким образом, вы будете испытывать удовольствие от ощущения, что в каком-то смысле сделали что-то для школы, поскольку она является помощницей ученика или учительницей ученицы. Она работает со мной уже около восьми лет и выглядит почти как моя собственная дочь. Возможно, вам будет интересно узнать что-нибудь о ней.

Она родилась в приятной долине Вади-Шехрур, недалеко от Бейрута, известной своими прекрасными апельсинами, да и вообще почти всеми видами прекрасных фруктов. Она рано потеряла обоих родителей. Ее братья (вопреки обычаю здесь, где девочек не особо ценят и о них не заботятся) были очень добры к ней, и поскольку она была хрупким ребенком, они очень заботились о ней и часто приносили обеты какому-нибудь святому от ее имени. Когда-то, когда она была очень больна, они поклялись Мар Джурджису (поскольку они являются членами греческой церкви, а святой Георгий - один из любимых святых греков и, более того, всех здешних христианских сект, и они до сих пор показывают место, где, как говорят, он убил дракона), что, если она поправится, она должна отнести в одно из его святилищ две восковые свечи высотой с нее саму и предписанного веса. Пока она была еще слаба, они раздавали свечи, а поскольку она была слишком слаба, чтобы ходить, они отнесли ее и свечи в святое место и преподнесли их.

Когда ей было восемь лет, знакомый убедил их отдать ее в одну из миссионерских семей. Здесь ее обучали на ее родном языке, и особенно Священному Писанию. Однако ей разрешалось соблюдать праздники и поститься и посещать свою собственную церковь до тех пор, пока она не убедилась, что все это ее не спасет, и не пожелала отказаться от них. Однажды в праздничный день женщина, у которой она жила, дала ей немного шитья и велела сесть и

заняться своим делом. Она отказалась, сказав, что сегодня праздничный день и это незаконная работа. Через некоторое время она попросила разрешения навестить семью своего брата, но женщина сказала ей: "Нет, если работать незаконно, то и навещать тоже незаконно. Я не возражаю против того, чтобы вы соблюдали свои праздничные дни, но если вы это сделаете, вы должны соблюдать их как святое время". Поэтому она дала ей выучить отрывок из Священного Писания, и весь день ее держали очень тихой, как будто это была суббота, и этот день не был для нее таким приятным, как суббота, благодаря посещению церкви и субботней школы. Ей совсем не нравилось устраивать праздник таким образом, который сильно отличался от того, как соблюдается такой день или даже суббота в этой стране, и с тех пор она всегда была готова работать, когда ей прикажут это сделать. Когда ее братья увидели, что она начинает отказываться от своих тщетных церемоний, они загорелись желанием увезти ее отсюда, чтобы она не стала протестанткой; и однажды, когда она поехала домой, чтобы присутствовать на свадьбе одного из своих родственников, они отказались позволить ей вернуться, и только благодаря хорошему руководству подруги-туземки, которую послали за ней, и ее собственной решимости приехать, ей разрешили вернуться.

Мы надеемся, что она стала по-настоящему благочестивой шесть лет назад, в 1846 году, поскольку ее жизнь показывает, что она стремится жить в соответствии с заповедями Евангелия. Она никогда не осмеливалась снова вернуться домой, хотя для нее было большим испытанием оставаться вдали, потому что она знала, что обязана оставаться там и соблюдать идолопоклоннические обряды греческой церкви. Она помогала нам в Школе почти пять лет, помимо того, что в разное время преподавала в дневной школе, еще до открытия Школы-интерната, и нам будет очень жаль расставаться с ней. И все же мы надеемся, что она еще будет полезна своим соотечественницам и послужит им примером счастливого христианского дома, которых в настоящее время в этой стране так мало.

В нашей школе сейчас девятнадцать учеников, большинство из которых подающие надежды. Мы надеемся, что некоторые из них истинные христиане. На днях девочки открыли свою коробку и обнаружили, что у них осталось немного больше, чем в прошлом году, из их заработка. Некоторые друзья добавили немного, и теперь у них есть сорок долларов. Одну половину они отправляют в Китай, а другую половину отдают Здешней Церкви.

Надежда, выраженная миссис Де Форест в 1852 году относительно будущей полезности Лулу, не была обманута. Ее семья - образцовая христианская семья, дом благочестия и привязанности, центр чистого и священного влияния. Ее старшая дочь Кэти, названная в честь миссис Де Форест, сейчас преподает в Бейрутской женской семинарии, в которой ее отец был главным преподавателем Библии и высших арабских отделений в течение десятилет. В течение многих лет это учреждение существовало в доме Лулу, и она была Матроной, в то время как Руфка была Наставницей, и самим своим существованием оно обязано терпеливым и преданным трудам этих двух сирийских женщин-христианок. Если кто-нибудь, читающий эти строки, усомнится в полезности труда для девочек и женщин арабской расы, пусть он сначала посетит убогие, беспорядочные, безрадостные и лишенные Христа дома большинства арабских деревенских жителей Сирии, а затем войдет в веселый, опрятный, благоустроенный дом мистера и миссис Араман, когда семья будет на утренней молитве, послушает голос молитвы и хвалы и чтение слова Божьего. Вместо отца, мрачно сидящего в одиночестве за утренней трапезой, а мать и дети ждут, пока их господин закончит, а затем едят сами, как это обычно делают арабы, он увидел бы всю семью, сидящую вместе по-христиански, по-домашнему,

испрошенную Божественного благословения, и трапезу, проводимую пристойно. После завтрака отец и Кэти отправляются в семинарию на утренние уроки, Генри (названный в честь доктора Де Фореста) отправляется в колледж, в котором он учится на втором курсе, а младшие дети разъезжаются по своим разным школам. Место Лулу в церкви редко бывает свободным, и с тех пор, как этот "пережиток варварства" - *занавес*, отделявший мужчин от женщин, - был снят со здания, вся семья, отец, мать и дети сидят вместе и присоединяются к поклонению Богу. Ее брат и родственники из "Вади" находятся с ней в самых нежных отношениях, а ее старшая сестра работает на домашнем отделении Бейрутской женской семинарии.

Это изменение во многом произошло благодаря усилиям миссис Де Форест, чье имя вместе с именем ее святого мужа увековечено в памяти христианских семей Сирии и будет храниться в вечной памяти. В Сирии сейчас подрастает *второе поколение* христианских учителей. У трех учениц миссис Де Форест есть дочери, которые сейчас занимаются преподаванием. Кушфе, Лулу и Сада эль Халеби; а у Мириам Табет есть дочь, вышедшая замуж за мистера С. Халлока из Американской прессы в Бейруте.

ПЛОДЫ ШКОЛЫ ДЛЯ ДЕВОЧЕК ДОКТОРА ДЕ ФОРЕСТА.

Осенью 1852 года в Бхамдуне, деревне высоко на горе Ливан, была школа для тридцати девочек. Пятнадцать месяцев назад учительница была единственной женщиной в деревне, умевшей читать, и ее учили туземные девочки из школы доктора Де Фореста. Довольно много деревенских девочек научились там читать, и все они приходили в школу чистыми и опрятно одетыми. Они заучивали наизусть стихи из Священного Писания, и было удивительно видеть, как правильно они декламировали их в субботней школе. На собрании они были тихими и внимательными, как самые воспитанные дети в христианских странах. Было бы трудно подвести итоги работы той маленькой школы для девочек двадцать лет назад в Бхамдуне. Эта деревня полна света Евангелия. Здание протестантской церкви находится в процессе возведения, местный пастор, преподобный Саллеба Джераван, проповедует людям, и масса людей, по крайней мере, интеллектуально, знакома с истиной.

Живописная деревня Бхамдун, где расположена школа доктора Де Фореста, находится на склоне высокой горы. Она находится почти на высоте 4000 футов над уровнем Средиземного моря. Деревня компактна, как маленький город, улицы узкие, каменистые и кривые, дома с плоскими крышами и глинобитными полами. Один из протестантов, отец Мириам Табет, построил прекрасный большой дом со стеклянными окнами и мощеными полами, который является одним из лучших домов в этой части Ливана. Деревня окружена виноградниками, и этот виноград считается лучшим на горе Ливан. Люди говорят, что им никогда не приходится копать фундамент для дома, а только сметать пыль метлой. В деревне нет ни одного тенистого дерева. Однажды доктор Де Форест спросил: "Почему бы вам не посадить дерево?" "Мы не доживем до тех пор, пока оно не вырастет", - был ответ. "Но ваши дети вырастут", - сказал Доктор. "Тогда пусть они его посадят", - был удовлетворительный ответ.

Мой первый визит в Бхамдун состоялся в феврале 1856 года, через несколько дней после моего первого прибытия в Сирию. Субботним утром я посещал субботнюю школу вместе с мистером Бентоном, в то время миссионером А. В. С. Ф. М. Одна маленькая девочка по имени Катрина Субра, которой тогда было девять лет, повторяла арабский гимн "Кумю ва Реттелю", "Пробудись и пой песнь о Моисее и Агнце". Она была ясноглазым ребенком со светлым цветом лица и необычным интеллектом. В то время не существовало сборника детских гимнов на арабском

языке, и я попросил мистера Б. пообещать детям, что, когда я выучу арабский, я переведу сборник детских гимнов на арабский, и это обещание было выполнено первым при издании "Дузан эль Кетхар", "Настройки арфы", в 1861 году. Катрина была дочерью Элиаса Субры, одного из самых богатых людей в деревне, который только что стал протестантом. Она уже некоторое время интересовалась правдой, и хотя в то время ей было всего восемь лет, предыдущим летом она привыкла говорить арабским детям, что она протестантка, хотя они отвечали ей оскорблениями и проклятиями. Сначала она не могла выносить оскорблений и отвечала им в более резких выражениях, чем подобает, но ко времени моего визита она стала мягче и покорнее в своих манерах, и никогда не было слышно, чтобы она сказала кому-нибудь недоброе слово. Даже в этом возрасте она взялась учить греческую служанку в семье читать. Однажды старый греческий священник встретил ее на улице и спросил, почему она не пошла на исповедь, как это делают другие греческие дети. Она ответила, что могла бы пойти ко Христу и исповедаться. Затем священник сказал, что ее отец и остальные протестанты идут к миссионеру и записывают свои грехи на бумажках, которые он засовывает в крысиные норы в стене! Катрина знала, что это глупая ложь, и сказала об этом священнику. Затем он спросил ее, как исповедуются протестанты. Она ответила, что они исповедуются так, как велит им Господь Иисус, процитировав ему язык Священного Писания (Мф. 6:6). "А ты, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь, помолись Отцу твоему, который втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно". Священник был сбит с толку готовым правдивым ответом ребенка и отвернулся.

Три года спустя Катрина была членом Миссионерской женской семинарии в Сук-эль-Гурбе, деревне, расположенной в трех часах езды от Бейрута, под руководством мисс Темпл и мисс Джонсон, и оставалась там до тех пор, пока семинария не была распущена в результате массовых убийств в мае и июне 1860 года. Я хорошо помню тот день, когда процессия девочек и учительниц проехала верхом и пешком от Сук-эль-Гурба до Бейрута. Весь Южный Ливан был объят пламенем. Горело двадцать пять деревень. Друзы и марониты были в смертельной борьбе. Баабда и Хадет, которые мы проезжали по пути в Бейрут, представляли собой дымящиеся руины. Вооруженные отряды друзов проходили мимо и отдавали нам честь, но никто не попытался оскорбить ни одну из девушек словом или жестом. Доктор и миссис Блисс угостили нас обедом в своем доме в Суке, когда мы приехали из Абейха, а затем через несколько дней последовали за нами в Бейрут. Мисс Темпл пыталась вновь открыть школу в Бейруте, но постоянный поток беженцев, прибывающих с гор, и ежедневные слухи о нападении друзов и мусульман на Бейрут повергли город в панику, и оказалось невозможным продолжать учебную работу. Девочек отправили к родителям, где это было практически возможно, и Семинария как таковая на некоторое время прекратила свое существование. Катрина вышла замуж в 1864 году за М. Гурзузи, протестантский торговец из Бейрута, который сейчас является светским агентом или вакилом Сирийского протестантского колледжа. В 1866 году она объединилась с Евангелической церковью в Бейруте. У нее были неоднократные приступы болезни, во время которых она проявляла самое полное подчинение Божественной воле и спокойное и сладостное доверие к своему Господу и Спасителю. Ее дом - христианский, и ее дети обучаются "воспитанию и наставлению Господа".

ГЛАВА VIII.

ПОВТОРНОЕ ОТКРЫТИЕ ШКОЛЫ В БЕЙРУТЕ.

В 1856 году мисс Чейни вновь открыла Женскую семинарию с восемью ученицами в Бейруте, и в 34 школах Миссии насчитывалось 1068 учеников, из которых 266 были девочками.

В 1857 году в различных школах обучалось 277 девочек.

В 1858 году мисс Темпл и мисс Джонсон прибыли из Америки, и в Сук-эль-Гурбе в семье преподобного доктора Блисса была открыта Женская семинария. Мисс Джонсон и мисс Чейни вернулись в Соединенные Штаты, и мисс Мейсон приехала помочь мисс Темпл в феврале 1860 года. В школе для девочек в Бейруте, находящейся под опекой Руфки Грегори, было около 60 учениц. Гражданская война в Ливане, за которой последовали массовые убийства в Джеззине, Дейр-эль-Комре, Хасбейе, Рашейе и Дамаске, начавшиеся в мае и продолжавшиеся до середины июля, разрушили все наши школы и семинарии и наполнили страну печалью и запустением.

Мисс Темпл и мисс Мейсон остались на сезон в Бейруте, изучая арабский язык, а в 1862 году мисс Темпл, вернувшись в США, открыла школу-интернат для девочек в Сидоне.

Было решено, что в эту школу не следует принимать никого, кроме протестантских девочек, что английский язык не должен преподаваться и что стиль питания, сна и одежды должен максимально соответствовать стандартам местных обычаев в деревнях, чтобы девочки могли с большей готовностью вернуться домой в качестве учительниц, не приобретая европейских вкусов и привычек. Мисс Мейсон руководила этой школой до 1865 года, когда вернулась в США, и было решено, если возможно, продолжить обучение с преподавателями-туземцами под руководством миссис Эдди.

Зимой 1867 года она находилась под добрым руководством миссис Уотсон из Шемлана и ее приемной дочери мисс Хандуме Уотсон, а сейчас ее проводят две английские молодые леди, мисс Джейкомбс и мисс Стэнтон, которых поддерживает Лондонское "Общество содействия женскому образованию на Востоке". После перевода Школы-интерната для девочек в Сидон стало очевидно, что Женскую семинарию необходимо вновь открыть в Бейруте. Из-за плохого состояния миссионерских финансов в Америке, возникшего из-за гражданской войны, было сочтено целесообразным реорганизовать Бейрутскую семинарию на новой основе, с преподавателями только из числа местных жителей. Провидение Божье подготовило учителей, превосходно приспособленных для этой работы, которые взялись за нее с радостной надеждой и терпеливым усердием. Было решено создать платную школу-интернат более высокого уровня, чем любое существующее учебное заведение в Сирии, и возобновить обучение на английском языке, давая также уроки французского и музыки тем, кто был готов платить за эти отделения.

Г-н Михаэль Арамани, в течение многих лет преподававший в семинарии Абейха у г-на Калхуна и некоторое время местный проповедник в Бейруте, был назначен инструктором по Библейской истории и высшим отделениям арабского языка; его жена Лулу, Старшая сестра, и мисс Руфка Грегори, наставница. Как уже говорилось, Руфка была сиротой и много лет воспитывалась вместе со своей сестрой Садой в семье мистера и миссис Уайтинг. Уайтинг. Как учительница и

сторонница дисциплины, она не имела равных среди женщин Сирии, и под совместным руководством этого корпуса учителей, которым помогали компетентные помощники в различных отраслях, Семинария пользовалась уважением в обществе, пока не стала одним из самых привлекательных и процветающих учебных заведений в Сирии.

В марте 1862 года дневная школа Руфки для семидесяти девочек провела публичный экзамен в Часовне. Девочек проверяли по чтению на арабском, географии, грамматике, катехизису, арифметике, урокам Священных Писаний и английского языка с выставкой образцов их рукоделия. Осенью он был открыт как Школа-интернат с двумя платящими учениками и четырьмя благотворительными учениками. Средства для открытия интернатного отделения были предоставлены г-ном Александром Ван Ренсселером, г-жой Генри Фарнум, полковником. Фрейзер, уполномоченный Х.Б.М. в Сирии, и другими. Семинария, не находящаяся ни под руководством Миссии как таковой, ни в связи с Американским советом директоров, была передана под опеку местного Совета управляющих, состоящего из доктора Томсона, доктора Ван Дейка, консула Дж. А. Джонсона и преподобного Х. Х. Джессапа. Доктор Томсон был неутомим в своих усилиях поставить ее на прочную и постоянную основу, как чисто местное протестантское учреждение, и тот факт, что такая школа могла работать в течение года без единого иностранного преподавателя, был одной из самых обнадеживающих черт в истории Сирийской миссии. Это была первая чисто местная Женская семинария в Западной Азии, и мы надеемся, что она не будет последней.

Целью Миссии и нынешнего квалифицированного профессорско-преподавательского состава учебного заведения по-прежнему будет подготовка учителей-носителей языка, квалифицированных для продолжения работы в будущем.

В то же время осенью 1862 года в верхней комнате моего дома была открыта школа для дамасских девочек под присмотром одной из учениц доктора Де Фореста, Сада эль Халеби, которая успешно занималась с семьюдесятью девочками до августа 1864 года, когда после моего отъезда в США школа перешла к покойной миссис Боуэн Томпсон, чье общество содержит ее по сей день.

В 1863 году число платящих пансионеров в семинарии увеличилось до двадцати, а в 1866 году учеников насчитывалось восемьдесят, и доход от платящих учеников-туземцев составлял около полутора тысяч долларов золотом!

Ежегодный экзамен проводился во второй половине июня в часовне Миссии и продолжался три дня, собрав множество заинтересованных зрителей. Турецкий официальный арабский журнал "Бейрут", "Хадикат эль Ахбар", опубликовал подробный отчет об обследовании, назвав его самым удовлетворительным обследованием девочек, которое когда-либо проводилось в Сирии. Присутствовавший английский священник отказался верить, что это сирийские девушки, настаивая на том, что они, должно быть, англичанки. Девочки читали библейскую историю, приводя все важные даты от Адама до Христа, с описанием обрядов, жертвоприношений и пророчеств, относящихся ко Христу, называя также имена всех патриархов, судей, царей и пророков в их порядке. Было обследовано двадцать два разных класса, и многие девочки читали оригинальные сочинения.

В субботу, 1 июля, двое помощников учителя, Асин Хаддад и Сара Саркис, были приняты к причастию в церкви Бейрута. Они проследили свое религиозное пробуждение до

предсмертного свидетельства Сары Бистани, которое описано в следующей главе. Несколько младших учеников в то время очень интересовались предметом религии, и одна маленькая девочка лет семи сказала своему учителю: "Я отдала Господу свое сердце, а Он взял его". Асин умерла в Латакии в 1869 году, восторжествовав во Христе. Женщины по соседству приходили в дом ее брата, чтобы услышать ее радостные выражения доверия Иисусу и ее заверения в том, что вскоре она будет с Ним во славе. Она была второй дочерью этой молодой пятнадцатилетней невесты, которая научилась читать в 1825 году, в школе, которую преподавал ее собственный муж Таннус эль-Хаддад.

В 1867 году, когда здоровье Руфки серьезно пошатнулось, она переехала в Египет, где после периода отдыха открыла за свой счет школу для девочек в Каире, которую она поддерживала с присущей ей энергией до своей свадьбы с преподобным мистером Мьюиром, шотландским священником, которого она сопровождала в Мельбурн, Австралия, в 1869 году. После смерти мужа она с заметным успехом вернулась к своему любимому занятию - преподаванию среди британского населения Мельбурна.

Находясь в Каире, она пережила глубокий и мучительный религиозный опыт, который она описала в следующем письме миссис Побеление, результатом которого стала новая жизнь во Христе.

Каир, Египет, 9 июля 1868 года.

"Я думаю, что всегда буду вспоминать свое пребывание в Каире с большим удовольствием, но самым большим преимуществом этого года является предоставленная мне возможность остановиться и подумать об интересах никогда не умирающей души, брошенного Спасителя, оскорбленного Бога. Да, я размышлял, боролся, о, как усердно, и благодаря всегда милосердному Богу, я верю, что Святой Дух привел меня увидеть и прочувствовать мой великий грех, и, бросившись к ногам Иисуса, я оставался там со своим грешным сердцем, пока любящий Спаситель просто не пришел и не взял его на себя. О, как опечалилось Его нежное сердце, когда Он увидел, насколько оно осквернено грехом и порочностью, но Он сказал: "не бойся, моя кровь очистит его"; затем как Он защищал мое дело перед Своим Отцом, приводя Свою безграничную любовь и бесконечную праведность в качестве причины, по которой Он хотел быть принятым. Да, дорогая миссис Надеюсь, теперь я могу сказать: Твой Бог - мой Бог, и благословенный Спаситель, которого ты так долго любила, теперь очень дорог мне. Прошедшая зима была для меня торжественным временем. У меня было много тяжелой борьбы, много страха, что я, возможно, навсегда огорчу Святого Духа Божьего, и долгое время все казалось таким мрачным, казалось, не было никакой надежды для меня, так долго жившей вдали от Спасителя, но в великом страхе и отчаянии я просто бросилась к Его ногам и попросила Его позволить мне погибнуть там, если я должна погибнуть; мне больше ничего не оставалось делать, и я чувствовала такое счастье просто оставить себя на Его попечение. Как прекрасна Его любовь! Но какая жизнь в постоянной молитве и бодрствовании у христианина! в первую очередь стремиться к тесному хождению с Богом, предоставляя Ему распоряжаться нашими шагами за нас и доверяя Ему так упорядочивать наш путь, чтобы наилучшим образом позволить нам идти в тесном контакте с Ним. Самой утешительной мыслью, когда мне трудно жить правильно и я чувствую свою крайнюю слабость, было то, что Иисус каждый день говорит Своему Отцу за меня: "Я не молюсь, чтобы ее забрали из мира, но чтобы ее *уберегли от зла*", и

чтобы она соответствовала нашим привилегиям и поступала достойно нашего высокого призвания.

Мой драгоценный учитель, я знаю, что вы будете радоваться и благодарить Бога вместе со мной за Его великую доброту ко мне, приведшую меня к ногам Иисуса. О, как Он дорог моей бедной душе! Он - Небеса. Как Он благословляет меня каждое мгновение! Его безграничная любовь *комне* которая недостойна даже самой малой из Его милостей. Если когда-либо у кого-то и была причина хвастаться любящей добротой Господа, то это, несомненно, должен быть я сам. По Его великой милости я имел привилегию открыто исповедовать свою веру в Него и публично заявить о своей решимости принадлежать Господу на последнем причастии в здешней Церкви в мае. Я откладывала это до тех пор, надеясь сделать это в Бейруте, в Церкви, в которой дорогой мистер Уайтинг проповедовал столько лет, и среди девушек, которых я учила, и среди всех тамошних юных друзей, но поскольку мне это было запрещено, я присоединилась к Церкви здесь".

Ее преданная подруга и любящая помощница учителя Люсия была глубоко тронута тем, что она узнала от Руфки о своей новой духовной жизни, и она тоже обратила свои мысли к божественным вещам, и вскоре после прибытия мисс Эверетт и мисс Каррут в 1868 году, чтобы возглавить семинарию, она открыто выступила на стороне Господа и в разгардомашнего преследования публично заявила о своей вере в Иисуса как своего единственного Спасителя.

Мисс Каррут, пробыв в семинарии достаточно долго, чтобы завоевать сердца учителей и учениц, была вынуждена вернуться на родину, где она по-прежнему является эффективным работником Женского миссионерского совета Новой Англии.

Год, последовавший за отъездом Руфки в Египет, стал переломным моментом в истории Семинарии. Лулу продолжала руководить домашним хозяйством, а мистер Араман руководил делами школы, в то время как миссис Солт (сестра Мелиты и Саломеи) помогала на нескольких занятиях. Но своим большим успехом в течение того года, если не самым своим существованием, учреждение было обязано неутомимой энергии и эффективным услугам миссис доктор Блисс и мисс Эмили Томсон, дочери преподобного доктора Томсона. Каждый из них ежедневно уделял несколько часов изучению английского языка, Священных Писаний и музыки, и высокий уровень мастерства, уже достигнутый в семинарии, был сохранен, если не превзойден.

Их совершенное знание арабского языка дало им большое преимущество в управлении и обучении учеников, и их усилия от имени Учебного заведения по поддержанию его полноценной и успешной работы в течение года, предшествовавшего приезду мисс Эверетт и мисс Каррут, заслуживают благодарного признания.

Зимой 1870 и 1871 годов мисс София Лоринг и мисс Эллен Джексон прибыли из Америки в качестве коллег мисс Эверетт, и под их эффективным руководством, которому помогают мистер Араман, Люсия и другие преподаватели-носители языка, Семинария процветает.

В марте 1864 года Миссия обратилась с просьбой о выделении средств на строительство постоянного дома для этой семинарии, и в 1866 году было возведено нынешнее просторное и основательное здание, вечный памятник щедрости христианских мужчин и женщин в Америке и Англии.

Его стоимость составила около одиннадцати тысяч долларов, и сбор этой суммы произошел в значительной степени благодаря щедрости и личным услугам мистера У.М. А. Бута из Нью-Йорка, который также любезно выступил казначеем строительного фонда. Пиломатериалы, использованные при его строительстве, были привезены из штата Мэн. Двери и окна были изготовлены под руководством доктора Хэмлина из Константинополя в Лоуэлле, штат Массачусетс, черепицу привезли из Марселя, камень - из карьеров песчаника в Рас-Бейруте, каменную мостовую частично из Италии, частично с горы Ливан, а восемьдесят железных кроватей - из Бирмингема, Англия. Цистерна, вмещающая около 20 000 галлонов, была построена на средства жительницы Массачусетса, а портик - жительницы Нью-Йорка. Мелодеон был подарен дамами из Джорджтауна, округ Колумбия, а орган - подарком доброжелательной леди из Ньюпорта, Р.И.

У меня не хватит времени перечислить щедрые пожертвования христиан, мужчин и женщин, которые помогали поддерживать эту школу на протяжении десяти лет ее истории. Не получая никакой денежной помощи от американского правления, вся ответственность за его поддержку легла на нескольких членов Сирийской миссии. Путешественники, проезжавшие через Святую Землю, иногда прибегали к поддержке учеников-благотворителей или интересовались повышением стипендий в своих Субботних школах по возвращении домой, а несколько благородных друзей в Соединенных Штатах время от времени присылали свои подарки без приглашения, чтобы покрыть общие расходы Учебного заведения. Его поддержка была для некоторых из нас делом *веры*, а также делом любви. Нередко конец месяца приходил к нам без единого пиастра в казне для выплаты зарплаты учителям или покупки хлеба детям, когда внезапно, каким-то неизвестным и неожиданным образом поступали средства, достаточные для всех наших нужд. Прошло около двух лет с тех пор, как средства были полностью исчерпаны. На следующий день учителям и прислуге предстояло выплатить более ста долларов. Счета были проверены, и были предложены все возможные способы помощи, но безрезультатно. Наконец один из членов Исполнительного комитета попросил разрешения просмотреть счета. Он так и сделал и сказал, что не смог найти никаких упоминаний о сумме примерно в тридцать наполеонов, которую, как он был уверен, он внес в казну несколько месяцев назад в качестве пожертвования от мистера Бута из Нью-Йорка, чей сын погиб в Бейруте. Деньгине были внесены в школьную казну. Все ваучеры были предъявлены, и не оставалось ничего, кроме молитвы. В тот вечер мы искренне молились, чтобы Господь избавил нас от нашего смущения и обеспечил всем необходимым школу. На следующее утро упомянутый выше добрый брат вспомнил, что он отдал эти деньги доктору Ван Дейку в библиотеке Миссии для Школы. Проконсультировавшись с доктором Ван Дейком, он сразу же ответил: "Конечно, я получил деньги. Они надежно заперты в сейфе, где пролежали несколько месяцев в ожидании распоряжений". Сейф был вскрыт, и обнаружилось, что денег почти с точностью до пиастра достаточно для покрытия обязательств Школы.

С момента передачи Сирийской миссии совету миссий Пресвитерианской церкви финансовое положение семинарии несколько изменилось. Женские советы миссий Нью-Йорка и Филадельфии взяли на себя ответственность за сбор стипендий для ее поддержки среди Вспомогательных обществ и субботних школ; заработная плата учителей обеспечивается отдельными лицами и церквями, и несколько старых друзей школы сохраняют свой интерес к ней, в то время как опасность дефицита предотвращается гарантиями добрых христианок, которые в этот век выполняют столь грандиозную и благородную работу по евангелизации

мира. Ежегодные расходы на содержание ученика сейчас составляют около шестидесяти долларов золотом. Число платящих учеников растет, и перспективы на будущее обнадеживают.

В 1864 году было получено письмо от некоторых христианок из Америки, адресованное девочкам из Школы, и некоторые из девочек постарше подготовили ответ на арабском, перевод которого был отправлен в Америку. Это было следующее:

"От девочек из школы Бейрут в Сирии до сестер, возлюбленных в Господе Иисусе, в очень далекой стране. Для нас было честью прочесть строки, дошедшие до нас от вас, о сестры, далекие телом, но близкие духом, и мы воздали славу Богу, Создателю всего сущего, который вызвал в ваших сердцах истинную любовь к нам и духовное сочувствие, побудившее вас, дорогие сестры в Господе, написать нам. Да, именно Господь Иисус установил между нами и между вами (арабская идиома) духовное общение без общения в телесном присутствии. Ибо мы никогда в нашей жизни не видели ни вас, ни вашу страну, и мы не разговаривали с вами лицом к лицу, и поэтому вы точно так же не видели нас. Если бы ни у кого из нас не было Слова Божьего, Святой и Единственной Книги, которая исходит от единого Отца и неизменного Бога, чтобы сказать нам, что у нас одна природа, и все мы впали в одно прегрешение, и спасены одним способом, которым является Господь Иисус, мы не могли бы, как мы можем сейчас, называть вас в едином союзе, наши сестры. Господь Иисус называет тех, кто любит Его, Своими братьями, и поскольку Он является единственной связью, разве мы не являемся Его сестрами и, следовательно, сестрами друг другу? Воистину, о дорогие сестры, мы жаждем увидеть вас, и мы все объединяемся, вознося молитвы и хвалу Богу через Его Сына Эммануила, обладателя славного Имени, молясь о том, чтобы мы могли увидеть вас; но мы не можем в этом мире, ибо мы находимся на Востоке, а вы на Западе, далеко, очень далеко. Но, о дорогие друзья, как мы надеемся на воскресение из мертвых, так и после окончания нашего пребывания в этом мире мы встретимся по благословию Божьему в тех светлых чертогах, которые озарены светом Спасителя, которым не нужны ни солнце, ни луна, чтобы освещать их, — в том святом месте, которое наполнено толпами ангелов, которые никогда не перестают возносить славу Богу. Там мы можем встретиться и объединиться со всеми спасенными в прославлении Спасителя. Там мы можем встретить наших друзей, которые ушли раньше нас, "ожидая, они наблюдают, как мы приближаемся к берегу", как мы поем в гимне. Там, вокруг престола славного Спасителя, там, в небесном Иерусалиме, наши песни не будут смешиваться со слезами и печалью, ибо Сам Господь Иисус сотрет все слезы с наших глаз. Там грех и его подобие не войдут в наши сердца, освященные Святым Духом. Там это тело, которое воскреснет нетленным, не вернется в то состояние, в котором оно было в этом мире. В этих дворах мы всегда будем счастливы, и причина в том, что мы всегда будем с Великим Пастырем, как сказано в Книге Откровение: "Он будет пасти их и приведет их к источникам живой воды и отрет все слезы с их глаз". Сестры наши, если бы не Святая Библия, которую Господь дал Своему народу, у нас не было бы утешения, которое утешило бы нас в отношении наших друзей, которых мы потеряли смертью. Мы просим тебя помочь нам, вознося молитвы живому и истинному Богу, чтобы Он сделал нас верными даже до смерти, — чтобы Он благословлял нас, находясь в море этой жизни, пока мы не достигнем берега мира без страха и беспокойства, чтобы мы могли быть готовы предстать перед престолом Господа Иисуса, Судьи всех, одетыми в одежды Его совершенной праведности, которые он соткал для нас на Кресте и которые сейчас готов дать тем, кто просит Его. Давайте же все попросим Бога, чтобы это наше единственное сокровище было помещено туда, куда ни один вор не сможет проникнуть и украсть, и ни одна моль не испортит. И да хранит вас Господь!

Мы любим петь этот гимн,

"Святая Библия, Божественная Книга,
Драгоценное сокровище, ты моя!"

и мы умоляем вас, чтобы, когда вы споете ее, вы позволили ей стать воспоминанием от нас к вам".

В марте 1865 года в школу при нескольких странных обстоятельствах привели маленькую девочку. Много лет назад, во времена мистера Уайтинга, монах-маронит по имени Неджм стал просветленным, покинул монастырь и был женат мистером Уайтингом на женщине-мароните по имени Зарифех. Годами бедняга проходил через огонь преследований и судебных процессов. Даже его жена, в своем невежестве, хотя и не выступала против него открыто, дрожала от страха каждый раз, когда он читал Священные Писания вслух. В то время, о котором говорилось выше, их маленькой дочери Реше было около пяти лет. Папский епископ-маронит из Бейрута посетил деревню Неджм, Баабду, чтобы раздать индульгенции в соответствии с Энцикликой папы Римского. Неджма призвали выплатить свою часть суммы, начисленной народу, но, пробыв протестантом пятнадцать лет, он отказался ее выплачивать. Затем по наущению священников у него отняли жену, а его маленькую Решу, его единственное дитя, один из священников увез в Бейрут и бросил за ворота монастыря французских сестер милосердия. Бедный отец пришел ко мне с почти разбитым сердцем, умоляя о помощи. Я изложил это дело его превосходительству Дауд-паше, губернатору Ливана, который в то время находился в Бейруте, и составил петицию по этому вопросу также бейрутскому паше. Неджм ходил повсюду, рыдая и заламывая руки, и мои чувства были глубоко заручены его поддержкой. Три недели спустя, после серии прошений и визитов к бейрутскому паше, девушка Реша была забрана из монастыря и увезена врагами Неджма в дом недалеко от Нахр-Бейрута, примерно в двух милях отсюда, сразу за линией границы с горой Пашалич. Затем я отправил другое письмо Дауд-паше, и он немедленно приказал вернуть ее отцу. Способ, которым Неджм, отец, в конце концов заполучил ребенка, был немало забавным. Он искал своего ребенка в течение нескольких недель, ожидая и наблюдая, пока его терпение почти не иссякло, когда он услышал, что Реша снова в руках священников в Баабде. Мать последовала за ребенком, и священники пригрозили убить ее, если она сообщит своему мужу, где спрятана девочка. Дауд-паша был тогда в своем зимнем дворце в Баабде, и Неджм передал ему мое письмо. Пока он ждал ответа у двери, кто-то сообщил ему, что его дочь у фонтана. Не дожидаясь больше официальной помощи, он побежал к фонтану, поднял свою дочь, посадил ее к себе на спину и побежал в Бейрут, расстояние около четырех миль, где принес ее в мой дом и поместил в моей комнате, громко вознося благодарность Богу. "Нешкар Аллах; Эль меджд лисму". Слава Богу! Слава Его имени! Вскоре за ним последовала мать, и девочку отправили дневной ученицей в семинарию. Сейчас они живут в Баабде. Мать, Зарифи, объединилась с евангелической церковью Бейрута 21 июля 1872 года, что является лучшим свидетельством истинного духовного опыта. Маленькая девочка горит желанием преподавать, и было предложено нанять ее помощницей в школу для девочек в Баабде, но тиранические притеснения духовенства в отношении семьи, которая предложила свой дом для школы, и отказ паши Ливана предоставить защиту преследуемым вынудили тамошних братьев пока отложить свою просьбу о школе.

Увы бедным женщинам Сирии! Даже когда они стремятся обрести утешение Евангелия, учась читать Слово жизни, их окружают священники и шейхи, которые не упускают случая уничтожить "Хлеб Жизни"! В марте 1865 года женщина-маронитка зашла в издательство, чтобы купить книгу стихов, чтобы научить своего мальчика читать. "Почему бы не купить Завещание?" - спросил книготорговец. "Я действительно купил "Энгил Мушеккель" (завещание с гласными). "Тогда будьте осторожны с этим, - сказал Халил, - потому что тираж исчерпан, и вы не сможете получить еще несколько месяцев". "Теперь слишком поздно проявлять осторожность, потому что книга *была сожжена*". "Сожжена? кем?" "Иезуитами, которые собрали большую кучу и сожгли их". Дай Бог, чтобы, как английский Новый Завет Тиндейла, впервые напечатанный в 1527 году, был распространен еще шире из-за попыток папского епископа Лондона сжечь его, так и арабская Библия могла получить новый импульс от столь же вдохновенных усилий преемников епископа!

ГЛАВА IX.

ЛЮЦИЯ ШЕККУР.

The Работа, совершаемая для Христа и сирийских девочек в семьях миссионеров в Сирии, вполне может сравниться с той, что делается в официальных учебных заведениях. Миссис Уайтинг была не одинока в обучении девочек-арабов из числа коренных жителей в ее собственном доме. Та же работа была проделана другими миссионерами до нее, и ее с немалым успехом продолжают миссис Берд, миссис Калхун и другие вплоть до настоящего времени.

Интересно наблюдать за женским собранием в четверг днем в доме миссис Калхун в Абейхе и знать, что большая часть этой компании ярких, интеллигентных и опрятно одетых молодых местных женщин, которые так внимательно слушают библейский урок и так искренне присоединяются к пению сладких песен Сиона, были воспитаны либо в ее собственной семье, либо под ее особым влиянием. Своим собственным примером в воспитании своих детей она научила женщин Абейха, а через них и множество женщин в других деревнях истинно христианским методам семейного правления и дисциплины, а также ознакомила их со многими из тех маленьких удобств и привычек в воспитании детей, влияние которых будет ощущаться на протяжении многих поколений.

Когда мистер и миссис Берд переехали в Дейр-эль-Комр в 1855 году, они не только открыли большую школу для девочек с Садой Халеби, одной из учениц доктора Де Фореста, в качестве учительницы, но и приняли в свою семью трех молодых девушек по имени Люсия, Сиккар и Зихри, каждая из которых нашла себе применение. Зихри стал учителем в Дейр-эль-Комре и продолжает преподавать до настоящего времени. Одно время она была связана с Бейрутской женской семинарией, а сейчас преподает в заведении миссис Шримптон под эгидой Британских сирийских школ.

Люция преподавала в Дейр-эль-Комре, пока школа не была охвачена пожарами и кровью во время Резни 1860 года.

В 1862 году она преподавала в Сидонской школе, а затем вышла замуж за преподобного Суллебу Джервана, первого местного пастора в Хумсе. В этом великом городе, на фоне растущего интереса молодой протестантской общины, она нашла широкое и привлекательное поле деятельности. Она была молодой женщиной с большой мягкостью и деликатностью натуры и сильным религиозным чувством и приступила к работе среди женщин и девушек Хумса с образцовым усердием и осмотрительностью. Она стала очень любимой, и ее Благочестивый пример и кроткий дух никогда не будут забыты.

Но в конце концов ее труды были резко прерваны. Чохотка, болезнь, малоизвестная в Сирии, но от которой впоследствии умерли ее брат и единственная сестра Сиккар, настигла ее, и она была вынуждена, испытывая большие страдания, покинуть сырой и ветреный климат Хумса ради более мягкого воздуха Бейрута. Двое ее братьев работали у мисс Уэйтли в Каире, и по их приглашению она отправилась в Египет, где после тяжелой болезни уснула в Иисусе. Несмотря на все свои страдания, она сохраняла то же самое мягкое и милое расположение духа, которое делало ее столь любимой всеми, кто ее знал.

Она отдохнула от своих трудов, и ее дела действительно следуют за ней. Вскоре после этого ее сестра Сиккар, которая также проходила обучение в семье миссис Берд, умерла в своей родной деревне Айн-Зехалте.

Ее последним концом также был мир, и хотя на ее похороны не пришло множество дружеских шейхов босиком по снегу, как они сделали в день смерти Ситт Сельмы, в той же деревне, несомненно, множество высших и святых существ сопровождали ее дух во славе.

Когда Лусия была в Бейруте перед своим отъездом в Египет, я часто виделся с ней и никогда не забуду спокойного самообладания, с которым она говорила о своем ожидаемом освобождении от боли и страданий жизни. Христос был ее уделом, и она жила в общении с ним, уверенная, что вскоре она уйдет и будет с ним навсегда.

Бедные мусульманки из домов, примыкавших к ее комнате, часто заходили и с полуприкрытыми лицами с удивлением смотрели на ее спокойное и терпеливое лицо. Если бы они тоже могли считать ее Спасителя драгоценным для себя в часы их болезни, страданий и смерти!

Воистину, нет религии, кроме религии Иисуса Христа, которая может смягчить подушку страдания и убрать жало и страх смерти.

Одной из наиболее серьезных трудностей на пути получения высшего женского образования в Сирии является ранний возраст, в котором девушки выходят замуж. Одна молодая девушка посещала Бейрутскую семинарию в течение двух лет, с восьми до десяти, и учителя начали интересоваться ее успехами, как вдруг родители забрали ее из школы и выдали замуж за мужчину. После окончания свадебных торжеств в доме ее мужа она отправилась домой навестить свою мать, *взяв с собой своих кукол*, чтобы развлечься!

Арабский журнал "Дженне" из Бейрута в июне 1872 года опубликовал письмо от своего дамасского корреспондента, в котором восхвалялось плодородие Сирии и говорилось, что молодая женщина, вышедшая замуж в девять с половиной лет, стала бабушкой в двадцать! Такие случаи нередки в Дамаске и Хумсе, где главная и почти единственная забота родителей - выдать замуж своих дочерей как можно раньше, не имея образования, опыта или какой-либо другой квалификации для выполнения ответственных обязанностей супружеской жизни. Когда

вышеупомянутое письмо из Дамаска было опубликовано, доктор Ван Дейк воспользовался случаем, чтобы написать статью в "Нешра", миссионерском еженедельнике, редактором которого он является, разоблачающую безумие и преступность таких ранних бракови демонстрирующую их катастрофические последствия для общества в целом.

С момента основания школ и семинарий высокого уровня для девочек эта тенденция решительно пресекается в окрестностях Бейрута, и девочек не считают неисправимо старыми, даже если они достигают семнадцатилетнего возраста.

Доктор Мешака из Дамаска, который долгое время отличался своими учеными и красноречивыми работами о папстве, является почтенным белобородым патриархом, а его жена выглядит так, словно она его дочь. Однажды я спросил его, сколько ей было лет, когда она вышла замуж, и он ответил, что *одиннадцать*. Я спросил его, почему он женился на ней таким молодым? Он сказал, что в его время молодые девушки не получали домашнего обучения, и молодые люди, которые хотели иметь должным образом подготовленных жен, должны были жениться на них молодыми, чтобы дать им образование, соответствующее им самим!

Образование быстро устраняет эту необходимость, и молодые люди более чем желают, чтобы девушки, с которыми они помолвлены, завершили свое образование, чтобы их не затмили другие, которые дольше остаются в школе. Однажды я посетил богатого местного торговца в Бейруте, который заметил, что "у европейцев в их стране есть то, чего нет у нас. Они называют это эд-о-кашион, и я очень хочу, чтобы оно было введено в Сирии". Этот "эд-оо-кашион" уже решает многие вопросы в Сирии, которые ничто другое не могло бы решить, и местные жители также узнают, что для возвышения и облагораживания семьи необходимо нечто большее, чем просто книжные знания. Одним из наиболее непосредственных результатов женского образования на сегодняшний день в Сирии стало избавление определенных классов общества от некоторых из тех суеверных страхов, которые преследуют и мучают невежественные массы.

ГЛАВА X.

РАХИЛЬ.

Ни один очерк женской работы для сирийских женщин не был бы полным, если бы не рассказывал о жизни и трудах этой пионерки в области работы для сирийских женщин, миссис Сары Л. Х. Смит, жены доктора Эли Смита. Она прибыла в Бейрут 28 января 1834 года, полная высокой и святой решимости посвятить свою жизнь служению своим сирийским сестрам. С первой и до самой последней минуты ее жизни в Сирии это было единственной великой целью ее трудов и молитв. Уже 2 апреля она пишет: "Наша школа продолжает процветать, и я безмерно люблю детей. Молитесь, чтобы Бог благословил этот начальный шаг по просвещению женщин этой страны. Вы не можете себе представить их прискорбное невежество. Я ощущаю это все больше и больше с каждым днем. Их энергия расходуется на внешние украшения: заплетение волос, золото, жемчуга и дорогие украшения, буквально так. Я заканчиваю с одной просьбой, *чтобы вы помолились за возрождение религии в Бейруте*". И снова она пишет 30 июня 1834 года: "Сегодня днем я чувствую себя несколько задумчивой из-за того, что услышала о готовом согласии друзей маленькой девочки взять ее, как я предлагала, и дать ей

образование. Я горю желанием сделать это, и все же мой опыт и наблюдения в отношении такого курса, и мое знание грешного сердца ребенка, наводят меня на мысль, что я предпринимаю великое дело. Я также чувствую, что мой пример и мои наставления будут определять ее вечную судьбу ". Этой девушкой была Рахиль Ата. И снова, 16 августа: "Это великая милость, что так много мужчин и юношей умеют читать. Увы, наши бедные сестры! проклятие лежит на них. Среди друзских принцесс некоторые, возможно, большинство, составляют исключение и умеют читать. Их секта благоприятна для обучения. Не так обстоит дело с маронитами. У меня есть один ученик из этих последних, но когда я спросил других, которые были здесь, не хотят ли они почитать, они ответили категорически отрицательно, сказав, что это для мальчиков, а не для них. Я слышал, как несколько женщин признавались, что знали не больше ослов".

23 августа. Маронитский священник вынудил двух маленьких девочек бросить ее школу, но греческий священник отправил "свою собственную дочь, хорошенькую розовощекую девочку" учиться к миссис Смит. 22 сентября 1834 года она писала из Бхамдуна, деревни в пяти часах езды от Бейрута, в Ливане: "Если бы женщины Сирии получили образование и возродились, весь облик страны изменился бы; даже, как я сказала одному арабу несколько дней назад, внешний вид домов и дорог. Одна из наших маленьких девочек, которую я учила перед отъездом в горы, пришла навестить меня день или два спустя и без умолку говорила о своей любви к школе и об ошибках здешних людей, говоря, что они "заботились не об Иисусе Христе, а только о Деве Марии ".

8 октября. Она говорит: "Служанка миссис Уайтинг, которая прожила с ней достаточно долго, чтобы любить ее и ценить ее принципы, примерно полтора года назад заметила кому-то из арабов, что люди, с которыми она жила, "не лгали, не воровали, не ссорились и не делали ничего подобного; но, бедные создания, - сказала она, - у них нет религии".

22 октября она снова написала: "Вчера я была у мистера Берда, чтобы проконсультироваться по поводу *плана школы, которую сейчас строят для девочек*. Я с трудом могу поверить, что такой проект действительно реализуется, и я приветствую его как начало счастливых перемен в Сирии. Друзья, живущие по соседству, пожертвовали двести долларов, и я сказала мистеру Б., что при необходимости он может потратить еще пятьдесят на строительство, поскольку наша субботняя школа в Норвиче обязалась выделять сто долларов в год на женское образование в Сирии ".

Основным вкладчиком в этот фонд была миссис Александра Тод, бывшая мисс Глиддон, дочь консула США в Александрии.

Здание стояло недалеко от того места, где стоит нынешняя церковь в Бейруте, и было демонтировано, а камни использованы для пристройки старой часовни. В 1866 году мистер Тод вновь посетил Бейрут и пожертвовал 100 фунтов стерлингов на строительство новой Женской семинарии, сказав, что как миссис Тод помогал в первом здании Женской семинарии в Бейруте, он хотел помочь и во втором. Здание школы было простым строением и впоследствии использовалось как школа для мальчиков, ихудожник, который фотографировал рисунки, напечатанные в этом томе, получил там свое образование под руководством покойного Шахина Саркиса, мужа Азизи.

Во второй половине октября 1834 года миссис Смит пишет: "Вчера я поступила в женскую школу с четырьмя ученицами, число которых сегодня увеличилось до десяти, и, вероятно, их число, как и прежде, будет увеличиваться от недели к неделе. Этим вечером, возвращаясь домой на закате, я подумала: "Неужели я школьная учительница, и единственная во всей Сирии?" - и быстрым шагом направилась в свой тихий и приятный дом среди египтян, турок и арабов, мусульман и евреев".

9 ноября. "Иногда я тешу себя мыслью, что Бог послал меня к женщинам Сирии — к маленьким девочкам, из которых у меня любимая школа, — для их блага".

5 января 1835 года. "В пятницу я раздал награды двадцати трем маленьким девочкам из моей школы, которые, поскольку все они бедны, состояли из одежды. Наша субботняя школа также увеличивается. В прошлую субботу присутствовало восемнадцать человек".

11 января доктор Томсон написал: "Женская школа миссис Смит чудесно процветает, но это алтарь ее собственного здоровья; и я боюсь, что в пламени, которое поднимается к небесам от этого алтаря, она скоро вознесется, как ангел Маноя. Мы вряд ли можем пощадить ее; в настоящее время она - наша единственная надежда на женскую школу в Бейруте".

Состояние общества в Сирии в то время хорошо описывается следующим языком, использованным миссис Смит в письме от 12 февраля 1835 года: "За исключением трех или четырех новообращенных местных жителей, мы не знаем ни одного благочестивого религиозного учителя, ни одного рассудительного родителя, ни одного семейного круга, регулируемого страхом Божиим; нет, *даже ни одного!*"

"Я хотел бы, чтобы у меня были силы делать больше, но моя школа и учеба постоянно забирают мою энергию". Даже в те далекие времена мусульманские девочки приходили учиться к миссис Смит. Она пишет 2 июня: "Несколько дней назад одна из моих маленьких мусульманских ученых, чей отец когда-то был здесь крупным торговцем, пришла и пригласила меня навестить ее мать. Я взял Рахиль и проводил ее до их дома, который находится по соседству с нами. Я нашел его очаровательным и очень аккуратно ухоженным. Я думаю, гостеприимство здесь рассматривается как религиозный акт, и репутация за него очень ценится".

В июле она написала о том, что не переставало быть испытанием для всех миссионеров в Бейруте на протяжении последних сорока лет, а именно о необходимости удаляться в горы в жаркие летние месяцы. Климат равнины изнурителен для иностранцев, и семьи миссионеров вынуждены проводить три месяца жаркого сезона в ливанских деревнях. "Моя школа с каждым днем интересуется меня все больше и больше, и мне не нравится думать о том, чтобы приостановить ее обучение даже на несколько недель в жаркое время года. Позавчера богатая еврейка пришла со своими двумя дочерьми в школу и умоляла меня взять младшую в ученики".

19 Июля. "Сегодня в нашей субботней школе было *двадцать восемь* учеников, двадцать одна девочка и семь мальчиков".

31 июля. "Сегодня я закрыл свою школу на август, раздав награды *тридцати* маленьким девочкам. Присутствовали американский и английский консулы и несколько арабских друзей,

которые выразили большое удовольствие при виде стольких молодых туземцев в их чистой одежде. Несколько наиболее образованных ученых немного почитали Новый Завет".

8 августа. "В субботу я закрыл свою школу на август. Число учеников увеличивалось с каждым днем, и я бы с удовольствием продолжил это. В прошлую субботу у нас в Субботней школе было сорок шесть учеников, *четвертая часть из которых были мусульманами*".

29 сентября. "Вчера я снова пошла в школу с двадцатью учениками, что для первого дня было неплохим числом. Миссис У Уайтинга в Иерусалиме десять маленьких мусульманских девочек, и обещают еще больше.

14 декабря. "В субботу на нашем молитвенном собрании местных женщин было двадцать человек, не считая двух детей. Четырнадцать были арабками, больше, чем когда-либо присутствовало раньше. Мы встретились в комнате для девочек, где собираемся в будущем. Мы спели часть псалма, поскольку начали преподавать музыку в нашей школе. Мы находим детей столь же способными к формированию музыкальных звуков, как и в нашей стране; но, увы, *у нас нет псалмов или гимнов, приспособленных к их способностям*. Арабский нельзя упростить, как английский, не ущемляя при этом арабский вкус; по крайней мере, сейчас таково мнение. Какие изменения могут быть внесены в язык, мы не можем сказать. Возможно, вы не задумывались об этом препятствии в обучении здешней молодежи. Нам больно думать о том, что *детская литература, если можно так выразиться, несовместима с гениальностью этого языка*: конечно, уроки в начальной школе должны быть лишены многих из их привлекательности".

Возможно, было бы интересно узнать, отличается ли нынешний миссионерский опыт миссис Смит и ее мужа в 1835 году в отношении детской литературы на арабском языке.

В 1858 году мистер Форд подготовил с помощью мистера Бистани (мужа "Рахиль", приемной дочери миссис Смит) серию детских отрывков из Священных Писаний на простом и в то же время совершенно правильном арабском языке, чтобы их мог понять самый младший ребенок. В 1862 году мы напечатали первый сборник детских гимнов, частично за счет девочек из школы Руфки. Сейчас у нас есть около восьмидесяти детских гимнов на арабском языке, а также большое количество трактатов и сборников рассказов, предназначенных для детей. Мы также издаем иллюстрированный детский ежемесячник под названием "Кукаб эс Субах", "Утренняя звезда", и дети читают его с величайшим рвением.

Коран, который является стандартом классического арабского языка, не может быть изменен и, следовательно, никогда не сможет стать книгой для детей. Это не может быть семейная книга или книга для женщин. Она не может привлечь умы молодежи тем очарованием, которое витает вокруг изысканно простых и красивых повествований Ветхого и Нового Заветов. Это жемчужина арабской поэзии, но как драгоценный камень, кристально чистая и неизменная. Она завоевала могучую власть в восточном мире благодаря своему восточному стилю и красноречивому утверждению Божественного Единства. Его почитают, но не любят, и он будет стоять там, где стоит, пока мир движется дальше. Каждая реформа в правительстве, веротерпимость и материальное улучшение в Турецкой империи, Персии и Египте осуществляются вопреки Корану и вопреки его духу. Печатание Корана незаконно, но оно печатается. Все изображения живых объектов незаконны, но сфотографирован султан, сфотографирован Абд эль Кадер, сфотографирован "Шейх уль Ислам". Европейская обувь запрещена законом, потому что счита

из свиной щетины, но мусульманские муфтии расхаживают по улицам во французских гетрах, а женщины из их гаремов расхаживают в самых нелепых парижских туфлях на высоком каблуке.

Арабская Библия, переведенная доктором Дж. Эли Смита и Корнелиуса Ван Дейка, написан с грамматической точностью и красотой Корана с помощью ученого мусульманского муфтия, и в то же время обладает всей элегантною простотою оригинала и понятен каждому арабу, старому и молодому, который вообще способен читать. Истории Иосифа, Моисея и Давида, Эстер, Даниила и Ионы так же хорошо адаптированы для понимания детьми на арабском, как и на английском.

Немало гимнов в сборнике детских гимнов являются оригинальными, их написали М. Ибрагим Саркис, муж Мириам из Алеппо, и М. Асаад Шидуди, муж Хады. Этот сборник гимнов был издан в 1862 году вместе с таблицами, подаренными Субботней школой доктора Робинсона при Первой пресвитерианской церкви в Бруклине.

Это отступление показалось необходимым, чтобы показать большой прогресс, достигнутый с 1836 года в подготовке религиозной литературы. Уже не так, как во времена миссис Смит, "что у нас нет псалмов или гимнов, приспособленных к способностям детей". Неверно и то, что *"детская литература несовместима с гениальностью арабского языка"*.

В письме, адресованном молодым женщинам в "Женской академии в Норвиче", февраль 1836 г., миссис Смит дает яркое описание "средней женщины" Сирии в ее время, и это описание справедливо для девяти десятых женщин в наши дни. Сейчас здесь есть дома коренных христиан, не менее привлекательным из которых является дом ее собственной маленькой протеже Рахиль, но массовые собрания продолжаются так же, как и сорок лет назад. Она говорит: "Мои дорогие друзья, не могли бы вы направить свои мысли в эту не языческую, а неевангелизированную страну? Я не буду приглашать вас взглянуть на нашу маленькую женскую школу из двадцати или тридцати человек, потому что они составляют лишь каплю среди тысяч и тысяч молодежи по всей Сирии; хотя я мог бы провести контраст даже с этим в немалую пользу для вас. Но мы будем говорить о молодых сирийских женщинах в целом, движущихся одной непрерывной линией в страну тьмы и печали. Среди них вы найдете много прекрасных фигур и прекрасных лиц; но увы! совершенная работамужественности их Создателя становится пресной из-за отсутствия той умственной и моральной культуры, которая придает особое очарование человеческому облику. Для меня невозможно представить вам женщин этой страны в такой яркой форме, чтобы вы могли составить о них правильное представление. Но выберите из числа ваших знакомых леди, которая чрезмерно слаба, тщеславна и легкомысленна; которая не стремится ни к какому интеллектуальному или нравственному совершенствованию; чьи разговоры полностью ограничены нарядами, вечеринками, балами, восхищением, замужеством; чей характер и недостатки никогда не исправлялись ее родителями, но которая бесконтрольно следует всем склонностям падшей, порочной натуры. Возможно, вы не сможете найти ни одного такого, хотя я иногда встречался с ними в Америке. Однако, если вам удастся вызвать в своем воображении личность с таким характером, тогда отнесите к ее классу тысячи девушек и женщин этой страны, некогда бывшей страной патриархов, пророков и апостолов". "Эти слабовольные сирийские женщины невнимательны к личной чистоте; у них также нет опрятного стиля одежды, подобранного со вкусом. Их одежда в точности такая, какой Апостол рекомендовал избегать женщинам-христианкам; в то время как украшение кроткого и тихого духа совершенно не учитывается. У них нет книг и никаких средств

нравственного или интеллектуального совершенствования. Считается позором для женщины уметь читать и писать и серьезным препятствием для ее замужества, которое является главным объектом родительского сердца. Это отвращение женщин к учебе проявляется наиболее сильно в старших классах. Почти все ученицы в нашей школе очень бедны. Они ничего не понимают в слове Божьем, потому что девушку водят в церковь, возможно, только раз в год, где среди женщин не видно ничего, кроме разговоров и пустяков; конечно, она не придает никакого значения поклонению Богу. В ее собственном доме ее не встречает приятный домашний круг из отца, брата, матери и сестры, способных способствовать взаимному веселью и совершенствованию. Я не хочу сказать, что между ними нет семейной привязанности, поскольку эта связь часто очень сильна; но она не основана на уважении и не используется для возвышения характера. Мужчины сидят и курят свои трубки в одной квартире, в то время как в другой женщины собираются кучкой на полу и громкими голосами сплетничают со своими соседями. Сам язык женщин более низкого порядка, чем язык мужчин, что делает для них почти невозможным понимание духовных и абстрактных предметов, когда они впервые представляются их уму. Я не знаю, как часто, когда я пытался заговорить с ними, они признавались, что не понимают меня, или прерывали меня, ссылаясь на какой-нибудь способ или предметедежды, или на что-нибудь столь же глупое ". "Таким образом, вы видите, мои юные друзья, насколько несчастливо положение женщин Сирии и сколько требуется работников для обработки этого обширного поля. В великий день окончательного отчета молодые женщины Сирии, Индии, всех населенных частей земного шара, которые находятся на сцене жизни вместе с вами, восстанут либо, чтобы назвать вас благословенными, либо усилить ваше осуждение ". "Бог предоставляет американским женщинам их высокие привилегии с намерением вывести их на широкие просторы невежества и заблуждений, которые демонстрирует мир. Я смотрю на свою страну и думаю о сотнях и тысячах молодых леди, умных, дружелюбных и способных, которые учатся в тамошних школах и академиях; а затем перевожу взгляд на Иерусалим, Хеврон, Назарет, Сихарь, Дамаск, Тир, Сидон, Яффо и на многочисленные деревни Горного Ливана и думаю: "Почему такое неравенство условий и привилегий? Почему в каждом из этих морально опустошенных мест не может быть размещено хотя бы по одной миссионерской семье и по одной одинокой женщине в качестве учительницы? Разве Иисус Христос, Добрый Пастырь, не требует от Своих друзей юности в Америке, чтобы из любви к Нему, благодарности за их собственные выдающиеся милости, сострадания к погибающим душам и ожидания совершенного покоя и счастья на небесах они распространились по всему миру и пасти овец и ягнят, разбросанных без пастыря по горам?" Да, Он требует этого, и ангелы еще увидят это; но неужели мы не увидим этого в наши дни?"

С тех пор, как были написаны вышеприведенные слова, в Сирии произошли большие перемены. С тех пор в Сирии и Палестине было открыто не менее двенадцати средних школ для девочек и недалеко от сорока обычных школ, предназначенных исключительно для девочек, под эгидой различных миссионерских обществ.

В феврале 1836 года миссис Смит также взялась за работу по *систематическому посещению матерей своих учеников*. Она говорит: "Возможно, пройдет очень много времени, прежде чем мы увидим какие-либо плоды. Воистину, те, кто присоединится к нашим трудам, могут получить это вместо нас; и все же я беспокоюсь, чтобы мы упорствовали до самой смерти, хотя и без видимого эффекта ".

В апреле 1836 года она писала: "Я очень мечтаю о женской школе-интернате; и если мне пообещают принять десять девочек, мы, с Божьей помощью, уберем типографию из нашего дома и откроем еще одну осенью".

В мае у нее начался новый семестр в дневной школе с двадцатью шестью учениками. Она говорит: "Жене преследуемого друга очень хочется научиться читать, и она каждый день приходит к нам домой, чтобы получить наставления от Рахиль". Она также говорит: "Мы остро ощущаем нехватку книг. У маленькой девочки, которую я забрал больше года назад и которая неуклонно развивается в уме и знаниях, нет для чтения никакой книги, кроме Библии, ни одной". С другой стороны, "Если наша пресса заработает успешно, я отчаиваюсь предпринять что-либо на пути создания детских школ, потому что арабский язык не может быть упрощен, по крайней мере, при существующих предрассудках. Если каждый гимн и маленькая история должны быть облачены в величественные одеяния Корана, какой ребенок трех-шести лет будет для них мудрее и лучше? Насколько полно господство Великого Врага над этим народом! Все звенья цепи должны быть разделены, одно за другим. И какой долгий, я чуть было не сказал, утомительный процесс! Но я забываю, что каждому из них будет присвоено всего несколько таких ссылок. Возможно, мы немного преуспеваем в этой работе; если мы будем верны, то упокоимся на небесах, и другие придут и займут наши места и нашу работу".

Одиннадцатого июня здоровье миссис Смит настолько ухудшилось из-за сырости пола и стен в здании ее школы, что ее врач посоветовал ей морское путешествие. Потерпев кораблекрушение у берегов Малой Азии и претерпев большие лишения, она добралась до Смирны, где скончалась 30 сентября во время торжества Евангелия. Ее мемуары - книга, достойная прочтения каждой христианкой, занятой служением Учителю.

В письме, написанном из Смирны 28 июля, она пишет: "Я всем сердцем хотела взять Рахиль с собой. Однако родители в Сирии испытывают особое отвращение к тому, чтобы расставаться со своими детьми и уезжать за границу. Поэтому одним из моих последних действий было официальное вручение ее в руки моей доброй подруги мисс Уильямс. Я так сильно привязался к маленькой девочке и чувствовал себя настолько вознагражденным за все мои усилия с ней, что обстоятельства этой разлуки были, пожалуй, более тяжелыми, чем все, что было связано с нашим отъездом".

У миссис Смит с самого начала было желание взять маленькую арабскую девочку на воспитание в свою семью, и в конце концов, когда ей было около восьми лет, она выбрала Рахиль, одну из самых многообещающих учениц в своей школе, и с согласия родителей удочерила ее. В своей заботе, внимании и привязанности она была почти дочерью. Она была приучена к трудолюбию, правдивости и прилежанию, и хотя миссис С. провела в стране всего девять месяцев, когда удочерила ее, она с самого начала начала молиться вместе с ней по-арабски.

Доктор Эли Смит говорит: "Одним словом, ожидания, которые миссис Смит возлагала на нее, принимая к себе, полностью оправдались; и часто было слышно, как она говорила, что каждый день получала сполна за причиненные ей страдания. Неудивительно, что ее привязанность очень тесно сплелась вокруг столь многообещающей ученицы и что эта привязанность приняла во многом характер родительской доброты. Возможно, самое тяжелое испытание для миссис Смит при отъезде из Бейрута было связано с тем, что она осталась дома".

После ухода миссис Смит ее коллега по работе мисс Уильямс, впоследствии миссис Хебард, взяла на себя заботу о Рахиль, которая оставалась с ней пять лет. Затем она последовательно жила с миссис Ланно и миссис Бидл и, наконец, с доктором и миссис Де Форест.

Находясь в семье доктора Де Фореста, она была помолвлена с мистером Бутрусом Бистани, ученым выходцем из протестантской церкви, который работал в Миссии учителем. Ее мать и друзья были против этой помолвки, так как хотели выдать ее замуж за мужчину по их собственному выбору. Вечером карнавала, 20 февраля 1843 года, ее мать пригласила ее прийти и провести праздник с семьей. Она колебалась, но в конце концов согласилась пойти с доктором Де Форестом, навестить друзей своей семьи и вернуться до наступления ночи. Посидев несколько часов, Доктор поднялся, чтобы уйти, и она приготовилась последовать за ним. Ее мать запротестовала, сказав, что они не позволят ей вернуться домой с миссионером. Обнаружив, что мать и шурин готовятся сопротивляться ее отъезду насильем, доктор Де Форест удалился, отправив родного друга пожить в доме до его возвращения. Он отправился к паше и изложил ему суть дела. Паша объявил, что она свободна выбирать себе дом, поскольку по закону достигла совершеннолетия, и послал янычара с доктором Де Форестом, чтобы изучить дело и обеспечить ей свободу действий. Войдя в дом, янычар позвал Рахиль и спросил ее, хочет ли она пойти домой или остаться со своей матерью? Она ответила: "Я хочу пойти домой к миссис Де Форест". Затем янычар записал ее просьбу и велел ей идти. Она встала, чтобы идти, но не смогла найти свои туфли. Последовала некоторая задержка, когда ее шурин схватил ее за руку и попытался оттащить во внутреннюю комнату. Офицер паши схватил другую руку, и бедной девушке грозила опасность вывихнуть плечо. Наконец офицер одержал верх, и она сбежала. Ее мать и женщины, собравшиеся по соседству, затем подняли ужасающий вопль, похожий на похоронный плач: "Она потерялась! она мертва! горе мне!" Все это было подготовлено заранее. Шурин был на площади, где собирались солдаты, и сказал им, что будет предпринята попытка похитить его сестру силой, и если они услышат крики женщин, то должны поспешить к нему домой. Толпа солдат не желала лучшего времяпрепровождения, чем такая схватка с неверными, и пообещала прийти. Услышав шум, они обратились в бегство. Рахиль, заподозрив что-то в этом роде, убедила доктора Де Форест пойти другой дорогой, и когда они повернули за угол, чтобы войти в здание миссии, то увидели толпу, в спешке бегущую к дому ее матери, только для того, чтобы обнаружить, что птица улетела.

Следующим летом она вышла замуж за мистера Бистани, который в течение восьми лет был ассистентом доктора Эли Смита в работе по переводу Библии и в течение двадцати лет драгоманом американского консульства. В настоящее время он является директором частной школы-интерната для мальчиков, называемой "Медрисет эль Вутаниет", или "Туземная школа", в которой обучается около 150 учеников всех сект. Он и его сын Селим Эфенди также являются редакторами и владельцами трех арабских журналов; *Дженан*, ежемесячный литературный журнал, иллюстрированный вырезками из дерева, сделанными местным художником, и имеющий тираж около 1500 экземпляров; *Дженне*, газета, выходящая раз в полгода по вторникам и пятницам; и *Дженейне*, выходящая по понедельникам, средам, четвергам и субботам. В Сирии нет более трудолюбивого человека, чем мистер Бистани, и он проделывает огромную работу по просвещению своих соотечественников.

Дом Рахиль - это дом любви, благопристойности и христианской утонченности, и она оправдала самые высокие надежды и молитвы своей преданной приемной матери, выполняя обязанности

матери, соседки, члена церкви и друга. Пусть каждая женщина-миссионерка будет вознаграждена, увидев такие плоды своих трудов!

В январе 1866 года Сара, одна из дочерей Рахиль, названная в честь миссис Сары Л. Смит, заболела брюшным тифом. С самого начала тема религии произвела на нее глубокое впечатление, и она была глубоко обеспокоена своей душой. Она послала за мной, и я нашел ее в очень обнадеживающем состоянии духа. День за днем я звонил, беседовал и молился с ней, и ее взгляды на свою нужду во Христе были самыми ясными и утешительными, и она хотела, чтобы ее свидетельство о Его любви стало известно всем ее юным товарищам. Ее школьные друзья собрались по ее просьбе, чтобы повидаться с ней, и она призвала их прийти ко Христу, и несколько человек, которые с тех пор объединились с Церковью, связали свое первое пробуждение с ее словами на смертном одре.

Однажды Сарра сказала мне: "Как я благодарна за эту болезнь! Это был голос Бога в моей душе! Я навеки отдала себя Иисусу! Я был великим грешником, и я думал о своих грехах, и я нуждался в Спасителе, и я решил жить для Него в будущей жизни ". Когда ее отец вошел в комнату, она сказала по-английски: "Папа, я так счастлива, что Господь послал мне эту болезнь. Вы не можете передать, как я благодарен ему за это".

После некоторого времени, проведенного в молитвах, я убедил ее, уходя, всецело положиться на Спасителя грешников, прежде чем пройдет еще час. На следующий день, когда я вошел в комнату, она сказала: "Теперь я спокоен. Я *did* вверил себя Иисусу, и Он принял меня. Я знаю, что Его кровь смыла мои грехи ". Она выразила некоторое опасение, что, возможно, не сможет вести последовательную христианскую жизнь, если выздоровеет, "но, - сказала она, - я могу верить, что Христос поддержит меня". После нескольких слов совета и молитвы и прочтения отрывка из Священного Писания она воскликнула: "Теперь все равно, умру я или буду жить. Я готов уйти или остаться. Господу виднее".

Во время последней беседы между ней и отцом она выразила свою решимость отныне сделать Библию своим предметом изучения и руководством и попросила его прочитать 14-ю главу Евангелия от Иоанна, которая, казалось, принесла ей большое утешение. Вскоре после этого она перестала узнавать своих друзей, а в ночь на понедельник, 5 января, тихонько заснула. Меня вызвал домой в 2 часа ночи молодой человек, который сказал: "Ей намного хуже, хэстен". Подойдя к дому, я встретил Руфку, преподавательницу семинарии, которая воскликнула: "Она ушла, она ушла". Войдя в комнату мукод, я обнаружил всю семью в сборе. Не было слышно ни визгов, ни громких стенаний, как принято во всем мире в этой стране. Все расселись, и отец, Абу Селим, читал ту главу, которую Сара попросила его прочитать. Затем я повел семью в молитве, и все очень утешились. Она прожила безупречную жизнь, была любима всеми, кто ее знал, и была верной и образцовой дочерью и сестрой, но в конце концов она уповала только на своего Спасителя. Она видела в своей прошлой жизни только грех и надеялась на спасение только в крови Христа. На похоронах присутствовало большое количество людей всех конфессий, и протестантская часовня была переполнена.

ГЛАВА XI.

ГУДИТ.

TheГород Хумс, древняя Эмесса, расположен примерно в миле к востоку от реки Оронт и примерно на полпути между Алеппо и Дамаском. Он расположен посреди обширной и плодородной равнины, простирающейся до Пальмиры на востоке и до Оронта на западе. За исключением нескольких глинобитных деревень на востоке и недалеко от города, между Хумсом и Пальмирой нет оседлого населения. Дикие бродячие бедавины прочесывают обширные равнины во всех направлениях, и всего несколько лет назад великие ворота Хумса часто закрывались в полдень, чтобы предотвратить вторжение этих грубых разбойников пустыни. На западе города раскинулись прекрасные сады с вишнями, грецкими орехами, абрикосами, сливами, яблонями, персиками, оливковыми, гранатовыми, фиговыми и грушевыми деревьями, а богатые виноградники покрывают поля на юге. Это чистый и компактный город с населением около 25 000 человек, из которых 7000 - христиане-греки, 3000 - якобиты, а остальные мусульмане. Дома построены из высушенного на солнце кирпича и черной базальтовой породы, а улицы красиво вымощены небольшими квадратными блоками из той же породы, что придает им аккуратный и опрятный вид. На улицу выходит мало окон; дома одноэтажные, с миниатюрными дверьми, высотой не более четырех футов; а низкие унылые стены, тянущиеся вдоль улиц, придают городу унылый и монотонный вид. Причина, по которой двери были построены так *низко*, заключается в том, чтобы предотвратить расквартирование всадников турецкого правительства на их семьях, а также помешать арабам-бедавинам разграбить их. В юго-западном углу города стоит древний замок в руинах, построенный на искусственном земляном холме колоссальных размеров, который когда-то был облицован квадратными блоками черного траппового камня, но вся эта облицовка была снята при строительстве современного города.

Жители просты и напоминают деревню по одежде и манерам, и у большинства из них есть скотный двор во дворах своих домов, сочетая таким образом пасторальную жизнь с гражданской. Большинство греков - ткачихи шелка и сапожники, они ткут пояса, шарфы и халаты для разных частей Сирии и Египта, а также снабжают бедавинов и жителей деревни Нусайри грубыми ботинками из красной кожи.

Хумс рано стал резиденцией христианской церкви, и в правление Диоклетиана его епископ Сильван принял мученическую смерть. В 636 году нашей эры он был захвачен сарацинами (или "Шеракиинами", "выходцами с Востока", как называли арабских мусульман), и хотя какое-то время его занимали крестоносцы, он продолжал оставаться мусульманским городом под властью мусульман. Греческое население было угнетено и стерто в порошок своими мусульманскими соседями и правителями, а их женщины были загнаны в поисках защиты в уединение и деградацию, подобные мусульманским гаремам.

Преподобный Д. М. Уилсон, миссионер А. В. С. Ф. М., поселился в Хамсе в октябре 1855 года и оставался там до тех пор, пока не был вынужден уехать из-за гражданской войны, бушевавшей в стране в 1860 году. Мистер и миссис Эйкен уехала в Хумс в апреле 1856 года, но миссис Эйкен умерла 20 июня, после того как дала обещание быть на редкость полезной среди женщин Сирии.

После того, как мистер Уилсон покинул Хумс, верная помощница из числа местных жителей, Саллеба Джерван, была отправлена проповедовать в Хумс. Его жена, Люсия Шеккур, прошла обучение в семье преподобного У. Берда в Дейр-эль-Комре и была преданной и превосходной работницей на благо женщин Хумса. В октябре 1862 года один из наиболее просвещенных людей среди греков заболел и послал за пастором Суллебой, чтобы тот приехал и нанес ему религиозный визит. Он пошел и обнаружил там целую компанию родственников и друзей. Больной попросил его прочитать из Слова Божьего, и среди выбранных отрывков был тот, который содержал Десять заповедей. Пока он читал *Вторую* заповедь, жена больного воскликнула: "Это что, Слово Божье? Если это так, прочтите это еще раз ". Он так и сделал, когда она встала и сорвала деревянное раскрашенное изображение святой, которое висело в изголовье кровати, заявив, что отныне в этом доме не должно быть идолопоклонства. Затем, взяв нож, она соскребла краску с картины и отнесла ее на кухню, чтобы она послужила крышкой для кастрюли! Это было сделано с одобрения всех присутствующих. Этот случай был тем более примечательным, что это был один из первых случаев в Сирии, когда женщина заняла такую решительную позицию против поклонения картинам и святым, опередив остальных членов семьи.

В 1863 году, до рукоположения пастора Саллеба, поскольку в Хумсе не было протестантов, обладающих достаточной квалификацией для проведения церемонии бракосочетания, я отправилась в этот город, чтобы обвенчать двух молодых людей-протестантов. Это был первый раз, когда в Хьюмсе состоялся протестантский брак, и церемония вызвала большой интерес. Среди других сект существует обычай *объявлять* жениха и невесту мужем и женой, не давая возможности зрителям возразить и не спрашивая девушку, готова ли она выйти замуж за этого мужчину. С девушкой часто не советуются, а просто говорят, что она должна выйти замуж за такого мужчину. Если это доставляет ей удовольствие, хорошо. Если нет, то выхода нет. Греческая церковь не дает никакой свободы в этом отношении, хотя священник считает само собой разумеющимся, что друзья удовлетворили и жениха, и невесту в отношении желательности брака. Если они не удовлетворены, форма церемонии не дает ни одному из них права отказа.

Двое молодых людей, Ибрагим и Юнис, зашли ко мне вскоре после моего приезда, чтобы договориться о свадьбе. Я зачитал им форму брачной церемонии, и они выразили свое одобрение, но сказали, что необходимо будет дать невестам очень тщательные инструкции относительно того, как и когда отвечать, чтобы они не сказали "да", когда им следовало бы сказать "нет", и "нет", когда они хотели бы сказать "да"! Я попросил их проводить меня к домам девочек, чтобы я мог дать им необходимые указания. Они сразу же возразили, что это недопустимо. Они никогда не заходили в дома невест в присутствии девушек, и для них было бы грубым нарушением приличий пойти туда даже со мной. Поэтому за некоторыми родственниками девочек мужского пола послали, чтобы они сопровождали меня, и я отправился к ним домой. Войдя в дом первого, мы смогли убедить невесту выйти из другой комнаты и встретиться со мной только после долгих и изощренных споров и дипломатического руководства. Наконец она пришла, частично закрыв лицо вуалью, в сопровождении нескольких замужних женщин, своих родственниц.

Вскоре они начали засыпать меня вопросами. "Причащаетесь ли вы перед церемонией?" "Нет". "Используете ли вы "Иклил", или корону, на службе?" "Нет, мы иногда пользуемся кольцом". Один из них сказал: "Я слышал, что вы спрашиваете девушку, готова ли она взять этого мужчину

в мужа". "Конечно, хотим". "Ну, если бы этому правилу следовали в мое время, я знаю *одну* женщину, которая сказала бы *нет*, но нам, гречанкам, такого шанса не дают".

Затем я объяснил им, что невеста должна стоять рядом с женихом, и когда я спросил ее, знает ли она какую—либо законную причину, по которой она *должна* не выходить замуж за этого человека, Ибрагима, она должна сказать *Нет*, - а когда я спросил ее, считает ли она его своим законным мужем, она должна ответить *Да*. Некоторые женщины очень опасались, что она может ответить "Нет" не в том месте; поэтому я повторял это снова и снова, пока девушка не убедилась, что не допустит ошибки. Упомянутая выше женщина теперь сказала: "Я бы сказала "Нет" в *нужном* месте, если бы мне позволили это сделать!" Затем я отправился в дом другой невесты и дал ей аналогичные инструкции. Удивление женщин, пришедших по соседству, по поводу того, что девушка имеет право сказать "да" или "нет", было в высшей степени забавным и наводящим на размышления. Это единственное, что, казалось, дало им новые представления о достоинстве и чести женщины в соответствии с Евангелием. Брак на Востоке настолько часто является предметом сделки или родительского удобства и наживы, или абсолютного принуждения, что молодые женщины не имеют ни малейшего представления о том, как руководствоваться собственным вкусом или суждением при выборе мужа.

Это было новое учение для города Гелиогабал, и, как и следовало ожидать, вскоре по городу разнеслась весть о том, что следующим вечером протестантский священник должен был провести церемонию бракосочетания, в ходе которой невеста должна была иметь привилегию отказать мужчине, если пожелает. И, что было еще более возмутительным для представлений Хьюмса о приличиях, ходили слухи, что невесты должны были идти домой из церкви пешком *в компании своих мужей!* Это было уже чересчур, и некоторые молодые хумситы, опасавшиеся последствий предоставления женщинам таких неслыханных прав и привилегий, объединились, чтобы напасть на женихов и невест, если бы такой курс был предпринят. Мы услышали об угрозе и тщательно подготовились к защите прав протестантских женщин.

Наступил вечер, а вместе с ним такая толпа мужчин, женщин и детей, какой никогда прежде не собиралось в этом доме. Дома Хумов построены вокруг квадратной площадки, на которую выходят все комнаты, и открытое пространство или внутренний двор миссионерского дома был очень большим. Перед прибытием невест весь двор, церковь и классная комната были заполнены шумной и почти буйной толпой. Мужчины, женщины и дети смеялись и разговаривали, кричали друг другу и обсуждали экстраординарное нововведение в обычаях Хумса, которое вот-вот должно было быть введено в действие. Вскоре прибыли невесты в сопровождении толпы женщин в вуалях и простынях, все они несли свечи и пели, входя в дом. Мы отвели их в кабинет местного проповедника Суллеба и после разумной задержки проложили им путь сквозь толпу в большую квадратную комнату, которая тогда использовалась как церковь. Моему брату и мне, наконец, удалось расположить их в надлежащем положении перед кафедрой, а затем мы подождали, пока Асаад, Михаэль, Юсеф и Насиф установят сносную тишину. Следует сказать, что тишина и благоустроенность почти неизвестны в восточных церквях. Мужчины ходят, разговаривают и даже смеются, пока священники "совершают" службу, и на них производит большое впечатление тишина и благопристойность протестантского богослужения.

Обе невесты были плотно прикрыты вуалью, так что я не мог отличить одну от другой. Ибрагим был стройным и высоким, по крайней мере, шесть футов три дюйма, а Юнис была невысокой и тучной. Точно так же одна из невест была очень высокой, а другая даже ниже Юнис. Поскольку мы не могли видеть лиц невест, мы расположили их в соответствии с симметрией и кажущейся уместностью, поместив высокую невесту рядом с высоким женихом, а двух невысоких - рядом. После вступительной молитвы я продолжил произносить довольно полную и практическую речь о природе брака, обязанностях и отношениях мужа и жены, как это принято у нас в Сирии, не только в назидание молодоженам, но и на благо общества. Ни один методистский призыв никогда не вызывал более сердечных откликов, чем это обращение, у населения Хумса. "Это правда". "Это новость для ~~этого~~ города". "Хвала Господу". *Машаллах!* Одна женщина воскликнула, услышав об обязанностях мужа по отношению к жене: "Хвала Аллаху, в конце концов, женщины - это нечто!" Затем я повернулся к двум парам и начал задавать Ибрагиму обычный вопрос: "Ты" (и т.д., и т.п.), когда женщина закричала: "Остановись, остановись, Ховаджи, этот мужчина выбрал тебе не ту невесту. Он женится на невысокой девушке!" Затем последовал взрыв смеха, и во время неразберихи мы удовлетворительно уладили этот вопрос. Присутствовавший мусульманин эфенди, прослушав всю службу, заметил: "Это самый разумный способ женитьбы, о котором я когда-либо слышал".

После церемонии мы отправили молодоженов в кабинет, чтобы они подождали, пока толпа рассеется, прежде чем выйти на улицу. Но человеческое любопытство было слишком велико. Никто не хотел уходить, пока не увидит необыкновенное зрелище - жениха и невесты, возвращающихся домой вместе. Итак, мы приготовили наши фонари и огромные трости и, взяв с собой нескольких местных братьев, мы с моим братом отправились домой сначала с Ибрагимом и женой, а затем с Юнисом и его женой. Мы шли по обе стороны от них, и буйная толпа, видя, что им не добраться до жениха и невесты, не сразив сначала двух высоких ховаджи тяжелыми тростями, довольствовалась грубыми шутками и презрительным смехом.

Это было девять лет назад, и во время недавнего визита в Хумс две невесты и их мужья встретили меня в воскресенье у дверей церкви, чтобы показать мне своих детей. С тех пор в Хумсе состоялось множество протестантских свадеб, и у этого народа начинает зарождаться новый порядок вещей.

Нынешний местный пастор, преподобный Юсеф Бедр, был назначен в июне 1872 года. Его жена Лейла - выпускница Бейрутской женской семинарии и уже несколько лет работает учительницей. Ее отец умер в январе 1871 года в больнице Бейрутского колледжа, и ее овдовевшая мать, ИмМишрик, отправилась рожать в Хумс в качестве Библейской женщины. Когда ее отец умирал, я поехал навестить его. Заметив его изможденный вид, я спросил: "Ты очень болен, Абу Мишрик?" - "Нет, мой друг, я не болен. Мое тело болеет и чахнет, но я здоров. Я счастлив. Я не могу описать свою радость. У меня нет желания снова становиться здоровым. Если бы вы наполнили мои руки мешками с золотом и отправили меня обратно в Абейх в полном здравии, чтобы я снова встретился со своей семьей, я бы не принял это предложение вместо того, что, как я *знаю*, находится передо мной. Я собираюсь увидеть Христа! Я вижу Его сейчас. Я знаю, что Он понес мои грехи, и теперь мне нечего бояться. Мне было бы приятно снова увидеть некоторых из моих друзей, и особенно мистера Кэлхуна, которого я люблю; но что такое мои

друзья по сравнению с Христом, которого я так скоро увижу?" После молитвы я попрощался с ним, и через несколько часов он мирно скончался.

Учительницей школы для девочек в Хумсе является Белинда, также бывшая ученица Бейрутской семинарии. Ее шурин, Ишок, - верный кольпортер, который так усердно трудился в течение многих лет, проповедуя Евангелие в Сирии. Его дед был грабителем с большой дороги, который был арестован пашой после того, как совершил более двадцати убийств. Когда его повели на виселицу, паша предложил ему пост губернатора округа, если он примет ислам. Старый убийца отказался, сказав, что он не слишком религиозен, но он не откажется от греческой церкви! Поэтому его повесили, и греки считали его мучеником за веру! Отец Ишока был таким же плохим, как и его дед, и приучил Ишока к обществу танцующих девушек и бродячих менестрелей. Когда Ишок стал протестантом, отец выхватил меч, чтобы отрубить ему голову, но мать заступилась за него и спасла ему жизнь. Впоследствии его отец однажды спросил его, возможно ли, чтобы убийца, сын убийцы, был спасен. Он читал ему Евангелие, молился вместе с ним, и в конце концов нечестивый отец предался раскаянию и слезам. Он умер истинным христианином, и овдовевшая мать сейчас живет с Ишоком в Бейруте. У Белинды хорошая школа, и самые богатые семьи Греции отдали своих дочерей на ее попечение.

ГЛАВА XII.

МИРИАМ АЛЕППИНКА.

TheГород Алеппо был оккупирован Сирийской миссией в течение многих лет, пока, наконец, в 1855 году он не был передан тюркоязычным миссионерам Центрально-турецкой миссии. Это одна из самых трудных сфер деятельности в Турции, но она не осталась бесплодной благодаря подлинным примерам спасительной веры во Христа. Среди них случай Мириам Нахасс (или Мэри Копперсмит), ныне Мириам Саркис из Бейрута.

Из письма, опубликованного в то время в журнале Youth's Dayspring, я почерпнул следующие факты:

В 1853 и 1854 годах миссионеры в Алеппо, господа. Форд и Эдди, открыли небольшую частную школу для девочек, учительницей которой была Мириам Нахасс. Когда миссионеры впервые прибыли в Алеппо, ее отец исповедовал протестантство и из-за этого подвергался немалым преследованиям со стороны греко-католических священников. Временами он был на грани голодной смерти, так как людям было запрещено покупать у него или продавать ему. Однажды он привел свою маленькую дочь Мириам к миссионерам и попросил их взять ее и научить всему хорошему, за что они с радостью взялись, и ее мягкие, приятные манеры вскоре завоевали их любовь.

Ее мать была суеверной женщиной, которая ненавидела миссионеров и не могла вынести, если бы ее дочь оставалась с ними. Долгое время она почти ежедневно приходила к ним домой и

горько жаловалась на них и на своего мужа за то, что они отняли у нее дочь. Временами она приходила в неистовство от самой дикой страсти, а иногда плакала так, словно у нее разбито сердце; не потому, что она так сильно любила своего ребенка, а потому, что ей не нравилось, когда соседи говорили ей: "Ах! Вы позволили своему ребенку стать протестантом!"

Вполне можно предположить, что это очень раздражало миссионера, который держал ее на особом попечении, и так оно и было; но он нашел в этом некоторую выгоду. Он как раз тогда учился говорить на этом языке, и эта женщина своими ежедневными разговорами научила его своего рода арабскому языку и тому, как им пользоваться, чего нельзя было добиться из грамматик и словарей. Он во многом объяснял свое свободное владение языком тем, что ему приходилось так часто выслушивать утомительные разглагольствования матери Мириам. Иногда отец поддавался на уговоры матери и забирал девочку, но через некоторое время возвращал ее обратно, к великой радости тех, кто боялся, что совсем потерял ее. Такое положение вещей продолжалось два или три года, в то время как разум Мириам с каждым днем улучшался, а ее характер раскрывался, и часто тешились надеждой, что Дух Божий совершает благотворную работу в ее душе.

Однажды ее отец пришел к миссионеру и попросил его одолжить ему несколько тысяч пиастров (тысяча пиастров - это 40 долларов), на которые он мог бы открыть свое дело. В этом ему, конечно, было отказано, когда он ушел в сильной ярости. Вскоре он вернулся и забрал свою дочь, сказав, что протестантизм не окупает того, чего он стоит. Это стоило ему потери имущества и репутации; это стоило ему спокойствия в доме и присутствия его маленькой дочери, и это не принесло ему взамен даже нескольких пиастров взаймы, и он больше не хотел этого делать. Непрестанно возносились молитвы за Мириам, возвращенную таким образом в нерелигиозный дом; и хотя миссионеры слышали о ее возвращении и возвращении ее отца в коррумпированную греко-католическую церковь и о ликовании матери по поводу исполнения ее желаний, все же они не переставали надеяться, что однажды Бог вернет ее и сделает агнцем Своего стада.

Молодая арабская женщина Мелита, получившая образование в семье миссис Уайтинг в Бейруте, примерно в это же время была отправлена в Алеппо, чтобы открыть там школу для девочек. Затем греко-католические священники подумали основать аналогичную школу своей собственной секты, чтобы помешать своим детям посещать школу протестантов. Они наняли Мириам в качестве своей учительницы. Отправляясь из своего дома в школу и обратно, она иногда тайком забежала в дом миссионера и уверяла его, что ее сердце по-прежнему с ним, а вера неизменна. Школа просуществовала несколько недель, но священники ничего не заплатили на ее содержание, и ее отец не позволил ей больше преподавать. Возможно, так прошло два года, и Мириам почти не видели, но она не была забыта у престола благодати.

Учительница из Бейрута вернулась домой, и отцу Мириам было предложено, чтобы она преподавала в протестантской школе. Совершенно неожиданно он согласился, при том условии, что она будет проводить каждый вечер дома. Сначала ей мало что говорили на тему религии; вскоре она сама стала искать религиозной беседы и приносила вопросы и различные отрывки из Священного Писания для объяснения. Примерно через месяц, предварительно поговорив с миссионером о своих обязанностях, когда ее отец пришел за ней ночью, она сказала ему, что не хочет идти с ним домой, а остаться там, где она была. Она должна повиноваться Богу, а не своим родителям. Они достаточно долго заставляли ее играть роль

лицемерки; притворяться католичкой, когда в душе она была протестанткой, и они знали, что так оно и есть. Ее отец пообещал, что все будет в соответствии с ее желаниями, и тогда она вернулась вместе с ним.

Прошло два или три дня, а о Мириам ничего не было видно и слышно. Затем в дом ее отца послали слугу узнать, не заболела ли она, и его грубо оттолкнули от двери. Миссионер почувствовал себя вынужденным вмешаться, чтобы у Мириам, по крайней мере, была возможность открыто заявить о своих предпочтениях. Согласно законам турецкого правительства, отец не имел права удерживать ее в ее возрасте против ее воли, и было необходимо, чтобы у нее была возможность выбирать, с кем она хотела бы жить. Дело было передано американскому консулу, который попросил отца предстать перед ним вместе со своей дочерью. Когда офицер пришел к нему домой, он обнаружил, что отец запер дверь и ушел с ключом. Однако из окна верхнего этажа его увидела Мириам и сказала ему, что она заперта там как пленница, не зная, что с ней могут сделать, и она умоляла о помощи. Она подготовила небольшую записку для миссионера, в которой рассказывала о своей привязанности к делу Христа и заканчивалась двумя последними стихами восьмой главы Послания к Римлянам: "Ибо я убеждена, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни грядущее, ни высота, ни глубина, ни какая другая тварь не могут отлучить нас от любви Божией, которая во Христе Иисусе, Господе нашем". Янычар предложил ей попробовать, если она не сможет выбраться на крышу соседнего дома, спуститься по ней на улицу, что она успешно выполнила и вскоре радостно направлялась к месту защиты в Консульстве.

Мириам, пробыв три дня в доме консула, вернулась в дом миссионера. Ее родители испробовали все средства, чтобы убедить ее вернуться. Они обещали, угрожали и плакали, но, хотя временами ее чувства были сильно тронуты, она оставалась твердой в своей цели. Они пытались уговорить ее съездить домой всего на одну ночь, но она слишком хорошо их знала, чтобы доверить себя в их руки. Ее мать искусно договорилась встретиться с ней в доме подруги; но ее брат пришел немного раньше времени, чтобы предупредить ее, что был составлен план встретиться с ней в этом доме в компании священников, которые все были готовы насильно выдать ее замуж за человека, о котором она ничего не знала, как это часто делается в этой стране. Таким образом, Мириам отказалась от отца и матери, братьев и сестер ради Христа и его Евангелия.

В 1855 году мистер Форд переехал в Бейрут, и Мириам сопровождала его. Она публично заявила о своей вере во Христа в 1856 году, а в 1858 году вышла замуж за мистера Ибрагима Саркиса, бригадира и главного корректора издательства American Mission Press. С тех пор ее отец переехал в Бейрут, и вся семья полностью примирилась с тем, что она протестантка. Ее брат Хабибс часто посещает богослужения и считает себя протестантом.

Сейчас Мириам глубоко интересуется христианской работой, и еженедельные собрания Местного женского миссионерского общества проводятся у нее дома. Протестантские женщины соглашаются либо посещать это Общество Шитья, либо платить по пиастру в неделю в случае своего отсутствия.

Я завершаю эту главу упоминанием Верде, дочери знаменитого арабского поэта Насифа эль Язиджи, которая помогала доктору Эли Смитсу в переводе Библии на арабский язык. Сейчас она является членом Евангелической церкви в Бейруте. Она сама написала несколько стихотворений редкого достоинства; одно - элегию на смерть доктора Смита; в другом

выражается глубокая благодарность доктору Ван Дейку за то, что он оказал помощь ее больному брату. Здесь можно представить только это стихотворение, оплакивающее смерть Сары Хантингтон Бистани, дочери Рахиль, которая умерла в январе 1866 года. Отец Сары и ее собственный отец, шейх Насиф, в течение многих лет были в самых близких отношениях, и дочери были как сестры. Отчет о смерти Сары вы найдете в другой части этого тома.

О печальная разлука! Оставил ли ты среди смертных
Глаза без слез, горячие и пылающие печалью?
Оставили ли вы на этой земле сердце без боли,
Или душу, не израненную горем и эмоциями?
Ты сорвал цветок из нашего прекрасного сада,
Который будет сиять, как звезды в небесных садах.
Горе мне! Я потерял прекрасную ветку ивы,
Безжалостно обломанную. А какое сердце *не* разбито?
Ты ушел, но от меня ты никогда не уйдешь.
Твоя личность будет жить в моем поле зрения и моего слуха.
Кровавые слезы будут пролиты прекрасными девушками, твоими спутницами,
Твоя могила будет орошена обильно падающими слезами.
Ты была прекрасным украшением сирийских дев,
Гораздо чище и прекраснее океанских жемчужин.
Где теперь твои познания в языке и науке?
Эта печальная разлука ничего нам не оставила.
Ах, горе сердцу любящих отца и матери,
Нет сна, ничего, кроме тоски и созерцания в печали,
Ты облачен в белые одежды в садах славы.
Мы облачены в черные одежды скорби и траура
О могила, воздай почести нашей чистой прекрасной деве,
Которая сейчас спускается в твою мрачную обитель!
Наша Сара ушла, не сказав ни слова на прощание,
Вернется ли она когда-нибудь с теплым словом приветствия?
О глубокий сон смерти, который не знает пробуждения!
О отсутствие, которое не знает и мысли о возвращении!
Если она никогда не вернется к нам сюда в нашем горе,
Мы скоро пойдем к ней. Это будет только завтра

ГЛАВА XIII.

СОВРЕМЕННЫЕ СИРИЙСКИЕ ВЗГЛЯДЫ На ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

В 1847 году в Бейруте под влиянием доктора Дж. Томсона, Эли Смита, Ван Дейка, Де Фореста и мистера Уайтинга, которая просуществовала около шести лет и насчитывала среди своих членов ведущих людей из всех различных местных сообществ. Были прочитаны важные доклады на различные научные и социальные темы. Миссионеры годами трудились над

созданием просвещенного общественного мнения по вопросу женского образования, борясь с социальными предрассудками, глубоким невежеством, церковной тиранией и эгоистичным противодействием, и наконец плоды их трудов начали появляться. В следующих статьях можно увидеть кое-что из взглядов высшего класса сирийцев. Первое было прочитано перед Бейрутским литературным обществом 14 декабря 1849 года мистером Бутрусом Бистани, который, как указывалось выше, женился на Рахиль и сейчас является главой процветающей академии в Бейруте и редактором трех арабских журналов. Я перевел только основные моменты этой длинной и компетентной статьи:—

Мы уже говорили о женщине в варварских землях. Сирийские женщины, хотя и находятся в некоторых отношениях в лучшем положении, чем женщины варварских народов, все еще остро нуждаются в образовании и возвышении, поскольку они находятся на полпути между варварством и цивилизованностью. Как мало из сотен тысяч женщин в Сирии умеют читать! Как мало здесь когда-либо было создано школ для обучения женщин! Любой, кто отрицает деградацию и невежество сирийских женщин, будет отрицать существование полуденного солнца. Разве мужчины не избегают даже упоминания о женщинах, и если вынуждены говорить о них, разве они не сопровождают замечание "джеллак Аллах", как если бы они говорили о грубом животном или о каком-то грязном предмете? Разве к ним у нас не относятся так же, как к варварам? Чему они уделяют больше всего внимания? Разве это не для украшения и наряда, а уточнение по поводу стилей нанесения татуажа с помощью "хны" и "коля"? Что они знают о воспитании детей, домашнем хозяйстве и опрятности личности, а также об уходе за больными? Скольким отвратительным суевериям они следуют, хотя и запрещены их собственными религиями? Разве дневники путешественников не полны описаний состояния наших женщин? Разве каждый из нас, знакомый с состоянием общества и семьи, не знает всего этого, не скорбит о них и не требует реформы? Если бы я мог пробудить в женщинах желание учиться, чтобы таким образом они были достойны более высокой чести и уважения!

"Женщина должна быть обучена *религии*. Это одно из ее высших прав и привилегий, а также ее неотъемлемая обязанность.

"Ее следует обучать на ее родном языке, чтобы она могла правильно выражаться и использовать чистый язык. Женщина должна научиться *писать*.

- Ее следует научить *читать*. Как женщина может помнить все свои обязанности, религиозные и светские, с помощью простого устного наставления? Но написанная книга - это учитель, который всегда с ней, в любом месте и при любых обстоятельствах. Он обращается к ней без голоса, упрекает ее без страха или стыда, отвечает без угрюмости и жалоб. Она обращается к нему, когда пожелает, без беспокойства и смущения, и изгоняет его, если оно не является верным или удовлетворительным, или даже сжигает его без преступления!

"Зачем запрещать женщине использовать единственное средство, которое у нее есть, - передавать свои взгляды и чувства туда, куда голос не может дойти? *Теперь*, когда женщина хочет написать письмо, она должна выйти на улицу, плотно прикрывшись вуалью, и нанять профессионального писца, который напишет за нее письмо, которое она не сможет прочитать и которое может полностью исказить ее!

"Женщина также должна быть обучена *воспитанию детей*. Правильное воспитание детей - это не естественный инстинкт. Это искусство, причем утраченное среди нас. Этому нужно учиться на опыте и наблюдениях тех, кто жил до нас; и где мы сейчас найдем женщину, которая знает, как должным образом заботиться о телах и душах своих детей?"

Затем мистер Бистани говорит о важности обучения женщин домашнему хозяйству, шитью, кулинарии, уходу за больными, а также географии, арифметике и истории, приводя в качестве обоснования предыдущих замечаний тот факт, что образование женщины принесет пользу ей самой, ее мужу, ее детям и ее стране.

"Как она может быть разумной женой, доброй спутницей, мудрым советчиком, верной супругой, помогающей своему мужу, облегчающей его страдания, обучающей его детей и заботящейся о его доме, не имея образования? Без образования ее вкус испорчен. Она будет стремиться только к внешним украшениям, одежде и живописи, как будто не удовлетворена работой своего Создателя; она станет простой куклой, на которую можно смотреть, или ловушкой для мужчин. Она будет верить в бесчисленные суеверия, такие как Сглаз, собачий вой, лисий плач и т.д., Которые слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в упоминании здесь. Тот, кто хочет изучить этот предмет, должен обратиться к той огромной ненаписанной книге, к тому знаменитому труду под названием "Кетаб эн Нисса", "Книге женщин", труду, которого нет среди цивилизованных женщин; или спросить старых жен, которые читали его и преподавали в своих школах суеверий.

"Пусть тот, кто хочет познать зло пренебрежения образованием женщины, посмотрит на невежественную, необразованную женщину в ее языке и одежде, ее поведении дома и за границей; на ее представления, мысли и капризы о религии и мире; на ее мораль, склонности и вкусы; на ее дом, ее мужа, ее детей и знакомых, когда она радуется или скорбит, когда больна или здорова; и он согласится с нами, что необразованная женщина - это великое зло в мире, если не сказать величайшее зло, которое только можно себе представить.

Таким образом, в процессе реформирования нации первой ступенью на этой лестнице является воспитание женщин с детства. А те, кто пренебрегает женщинами и девочками и ожидает возвышения народа простым обучением мужчин и юношей, подобны тому, кто одной ногой ступает по земле, а другой витает в облаках! Они терпят неудачу в достижении своей цели и едва ли способны, прилагая максимум энергии, восстановить то, что испортила и разрушила женщина. Они строят стену, а женщина разрушает замок. Они возвышают мальчиков на одну ступень, а женщины подавляют их на много ступеней.

"Возможно, я уже сказал достаточно на тему, о которой никогда прежде не писал ни один из наших предков - сыновей арабов. Моей целью было доказать важность образования женщины, основываясь на максиме, гласящей, что "та, кто качает колыбель правой рукой, двигает мир своей рукой".

Следующую статью я перевел из полугодового журнала мистера Бистани "Дженан" за июль 1870 года. Ее написала *арабка* из Алеппо, ситт Мариана Мерраш. Она пишет на арабском языке с большой силой и красноречием, а ее брат, Фрэнсис Эфенди, является одним из самых влиятельных писателей современной Сирии. Статья "Ситт Мариана" длинная, а введение очень витиеватое. Она пишет о положении женщины среди арабов и опровергает древнюю арабскую

клевету на женщин о том, что они трусливы и скупы, потому что не будут сражаться, а тщательно копят хозяйственные припасы. Затем она продолжает: —

"Горе нам, сирийским женщинам, если мы не знаем достаточно, чтобы различать и стремиться к тем качествам, которые возвысят и утончат наш разум, придадут широту нашим мыслям и позволят нам занять надлежащее положение в обществе! Мы должны привлекать к себе разумных людей очарованием нашей культуры и утонченности, а не простым призраком красоты и личного украшения. В какие бездны глупости мы погрузились! Разве мы не знаем, что царствование красоты коротко и недостаточно само по себе, чтобы быть достойным уважения? И даже предположив, что этого самого по себе было бы достаточно, по мнению общества, чтобы сделать нас привлекательными и вождельными, разве мы не знаем наверняка, что после того, как красота поблекнет, мы сразу же впадем в панику беспокойства и горя, поскольку никто тогда не смотрел бы на нас иначе, как с презрением и насмешкой, не говоря уже о тщетных попытках создать искусственную красоту, которые предпринимают некоторые глупые женщины, как будто они глухи к оскорблениям и поруганию, обрушивающимся на них? Будем ли мы пребывать в праздности и ни разу не задумаемся о том, что является нашим высшим преимуществом и нашим главным благом? Будем ли мы вечно гоняться за яркими нарядами и украшениями? Давайте встанем и примем участие в гонимой умственной культурой и литературным украшением, и ни на минуту не будем слушать тех, кто оскорбляет нас, отрицая уместность обучения для женщин и способность женщин к обучению!

"Разве мы не были сделаны из той же глины, что и люди? Даже если мы более слабого сложения, у нас есть та же восприимчивость, что и у них, к восприятию того, чему нас учат. Если это добро, мы принимаем добро так же охотно, как и они; а если зло, то зло. Какая польза от золотой короны на челе невежества, и что прелестного в усыпанной драгоценными камнями звезде на шее грубости или в бриллиантовом ожерелье над сердцем глупости и невежества? Великий поэт Мутанебби дал нам апофеоз великой силы именно по этому вопросу. Он говорит:

'Fukr el jehûl bela okl ila adab,
Fukr el hamar bela ras ila resen,'

"Потребность бессмысленного дурака в наставлениях подобна потребности безголового осла в недоуздке".

Давайте же тогда препоясаемся мудростью и пониманием, облачимся в одежды истинной вежливости и кротости и будем увенчаны цветами "дженан" (садов) знания (каламбур в названии журнала), которые теперь открыты для нас. Давайте же сорвем плоды мудрости, подняв головы в знак благодарности и истинной гордости, и не будем больше пребывать в той трусости и алчности, которые приписывались арабским женщинам до нас!"

Следующая статья, которую я переведу, - это статья о воспитании детей на Востоке, написанная арабской женщиной из Александрии, Египет, Ситт Вустиной Месиррой, женой Селима Эфенди эль-Хамави. Это было напечатано в "Дженан" за январь 1871 года. После длинного и красноречивого поэтического вступления эта дама говорит: —

"Давайте сбросим одежды лени и инертности и облачимся в одежды рвения и серьезности. Мы принадлежим к девятнадцатому веку, который превосходит все века человечества по свету и знаниям. Почему бы нам не показать людям необходимость дать нам высшее образование,

чтобы мы могли, по крайней мере, внести свой вклад в *их* счастье и преимущество и правильно обучать наших детей и младенцев, не говоря уже о том, что мы можем пожинать плоды науки и наилучшие знания для себя? Пусть они скажут нам: "Вы слабы и вам не хватает знаний". Я отвечаю: упорством и терпением мы достигнем нашей цели.

"Поскольку каждый, достигающий зрелых лет, должен пройти дорогой детства и юности, все, относящееся к периоду детства, становится интересным и важным, и я прошу разрешения сказать несколько слов о воспитании детей.

"Когда Богу было угодно подарить нам нашего первенца, я решила воспитывать его в соответствии со старыми одобренными методами, которым я научилась у родственников моей семьи и соотечественниц. Итак, я взял мальчика вскоре после его рождения и положил его в узкую колыбель, снабженную жестяной трубкой, проходящей через отверстие в кровати, связал его, обернул и подпоясал от плеч до пяток, так что он был окоченевшим и неподвижным, за исключением его головы, которая поворачивалась справа налево при покачивании колыбели, причем это покачивание считалось необходимым для того, чтобы вызвать у ребенка сон и тишину. Мой господин и муж протестовали против такого обращения, доказывая мне пагубные последствия такого укутывания и укачивания по многим и веским причинам, и даже говорили, что это повредит малышам на всю жизнь, даже если они переживут возмутительное насилие, которому они подверглись. Я был поражен и сказал: "Как это может быть?" Нас всех обучали и с нами обращались подобным образом, и все же мы жили и росли в наилучшем из возможных стилей. Все наши соотечественники были воспитаны таким образом, и никто из них, насколько я знаю, никогда не получал травм таким образом, как вы предлагаете. Он сдался и позволил мне жить по-старому, пока не произошло нечто, что внезапно остановило развитие здоровья и счастья малыша. После кормления его начало тошнить молоком, и он заболел, появились признаки заболевания мозга, и тогда милорд сказал: "Теперь ты должен отказаться от этих обычаев и последовать моему совету". Итак, под влиянием момента я последовал его совету и отказался от колыбели. Я развернул крепления и обертки и посвятил себя наведению должного порядка. Я одевала своего ребенка в одежду, соответствующую его возрасту и обстоятельствам, времени и месту, регулировала время его приема пищи и игр днем и не давала ему спать столько, сколько было возможно, чтобы он и его родители могли спать ночью. Вскоре я заметил чудесную перемену в его здоровье и бодрости, хотя и испытывал немалые трудности из-за своих попыток отучить его от укачивания в колыбели, к которой он привык. Мой благоприятный опыт в этом вопросе побудил меня использовать свое влияние, чтобы побудить дочерей моей расы и родственников моей собственной семьи отказаться от практики, которая в равной степени бесполезна, трудоемка и вредна для здоровья. Мой муж также помог мне раздобыть книги по воспитанию детей, и я изучила настоящую систему обучения, узнав многое из того, что выгодно матерям и отцам моей страны для сохранения здоровья их детей в уме и теле. Связывание и заворачивание младенцев в колыбели препятствует их свободным и естественным движениям, естественному росту тела и наносит вред их здоровью".

Следующая статья принадлежит перу Халила Эфенди, редактора турецкого официального журнала "Бейрут". Это появилось в колонках "Хадикат эль Ахбар" за январь 1867 года. В нем отражены ведущие взгляды большого класса наиболее просвещенных сирийцев в отношении образования, и в качестве предисловия к замечаниям эфенди я сделаю краткое историческое заявление.

Арабская раса в древние времена славилась своими учебными заведениями, и хотя искусства и науки, преподаваемые в великом университете при халифах Багдада, были в основном заимствованы из Греции, все же в поэзии, логике и юриспруденции древние арабские писатели долгое время гордились превосходством. Но с момента основания нынешней Османской империи арабы находились под иностранным игом, подвергаясь всем формам угнетения и несправедливости, и на протяжении многих поколений вряд ли появлялся поэт, достойный этого имени, за исключением шейха Насифа эль Язиджи. Школы были обескуражены, и обучение, которое мигрировало вместе с арабами в Испанию, так и не вернулось в свой восточный дом. В каждом мусульманском городке есть общие школы, поскольку каждый мальчик-мусульманин должен быть обучен чтению Корана; но, за исключением египетской школы Джамия эль Азхар в Каире, до 1867 года в арабоязычном мире в течение многих лет не было даже средней школы под эгидой местных властей. Но то, чему препятствовали турки, а арабские мусульмане не смогли этого сделать, теперь делается среди номинальных христианских сект, и главным образом иностранными просветителями. За последние тридцать лет американскими миссионерами была проделана огромная работа по воспитанию арабской расы в Сирии. Их семинария в Абейхе, на горе Ливан, подготовила множество молодых людей, которые сейчас разбросаны по всей Сирии и Востоку и дают о себе знать своим влиянием. Возникли другие школы, и в результате молодые мужчины и женщины Сирии теперь говорят об "Асур эль Джедид", или "Новом веке Сирии", под которым они подразумевают эпоху образования, света и продвижения. Упомянутый выше арабский журнал принадлежит турецкому правительству или, скорее, субсидируется им, а его редактором является талантливый молодой грек, обладающий значительными поэтическими способностями. Не часто он отваживается открыто высказываться на такую тему, как образование, но давление народа на генерал-губернатора в то время было настолько велико, что он разрешил редактору высказать свое мнение. Я перевожу то, что он написал, совершенно буквально.

"Не может быть никаких сомнений в том, что сила каждого народа и источник его счастья покоятся на распространении среди него знаний. Наука во все века была основой богатства и национального прогресса, и поскольку наука и искусство являются предшественниками народной цивилизации, благом масс и их возвышением по шкале интеллектуального и физического роста, следовательно, начальное образование является необходимой подготовкой для всего научного прогресса. И ввиду этого провидение нашего высочайшего правительства было обращено к осуществлению того, что было успешно сделано в других странах, к увеличению числа школ и колледжей. И никто не может не знать о большом прогрессе науки и образования под руководством Его Августейшего Императорского Превосходительства Султана в Сирии, где увеличилось количество школ и типографий, особенно в городе Бейруте и его окрестностях. Ибо в Бейруте и на горе Ливан почти две тысячи учеников мужского пола, больших и маленьких, учатся в школах-интернатах арабскому отделению и иностранным языкам, и особенно французскому языку, который распространен шире, чем любой другой. Наиболее известными из этих школ являются Французская школа лазаристов в Айн-Туре в Ливане, американская семинария в Абейхе, иезуитская школа в Гузире и греческая школа в Сук-эль-Гурбе, большинство учеников из городов Сирии. Кроме того, в Бейруте есть греческая школа, школа греко-католического патриарха, Местный национальный колледж мистера Бетруса эль-Бистани, а также почти тысяча девочек во Французской школе лазаристов, прусских протестантских дьяконисс, Американской женской семинарии и британо-сирийской

школе миссис Томпсон и других женских школах. И здесь мы должны упомянуть, что все эти школы (за исключением Друзской семинарии) находятся в руках *христиан*, а у мусульман Бейрута нет ни одной школы, кроме обычной, хотя в Дамаске и Триполи есть наиболее успешные средние школы, и многие из их детей в Бейруте учатся в христианских школах, факт, который мы рассматриваем как доказательство их стремления получить полезные знания, хотя они пока ничего не предприняли для основания собственных школ. И хотя помещение их детей в христианские школы является доказательством любви и товарищества между этими двумя сектами в этот славный имперский век, мы не можем не сказать, что для чести и достоинства мусульман было бы гораздо больше приличествовать открывать школы для своих собственных детей, как это делают другие секты. И в последнее время имперский губернатор Сирии подталкивал их к этому шагу, и сейчас они планируют открытие такой школы, которая принесет огромную пользу и славу исламу".

Затем редактор заявляет, что Сирия больше всего нуждается в школе, где можно получить высокое *практическое* образование, и говорит: —

"Сейчас мы сообщаем радостную весть сынам Сирии о том, что такой Колледж только что был открыт в Сирии, в городе Бейрут, благодаря щедрости добрых людей Америки и Англии, и называется он "Сирийский протестантский колледж". В конечном итоге он должен вместить тысячу учеников, будет иметь большую библиотеку и научное оборудование, включая телескоп для наблюдения за звездами, а также кабинеты естественной истории, ботаники, геологии и минералогии. Здесь будут преподавать все науки и искусства, юриспруденцию и Медицину, и мы не сомневаемся, что сможем удовлетворить великую нужду нашей родной страны".

С тех пор, как было написано вышесказанное, прошло пять лет. С тех пор количество учеников в различных школах Бейрута утроилось, и новые учебные заведения величественных размеров строятся или уже завершены в каждой части города. Можно с уверенностью сказать, что самые прекрасные сооружения в Бейруте - это те, которые построены в образовательных целях. У латинян есть здание Сестер милосердия огромных размеров, иезуитский истеблишмент, маронитские школы и французская семинария сестер Назарета, которая должна стать одним из самых выдающихся зданий Востока. У греков есть своя большая средняя школа, а у папских греков, или греко-католиков, - свой высокий колледж. Мусульмане построили на средства, взятые из казны муниципалитета, великолепное здание для своего Решидия, в то время как протестанты имеют внушительные здания, занятые Американской женской семинарией, британско-сирийскими школами, Институтом прусских диаконисс, и самое обширное и впечатляющее из всех - новые здания Сирийского протестантского колледжа в Рас-Бейруте.

В качестве еще одной иллюстрации общественных настроений в Сирии в отношении евангелической работы я переведу еще один абзац из этой официальной газеты:

"Мы писали о прогрессе прессы в Сирии и арабской литературы в Европе, но у нас есть еще один факт, который, несомненно, удивит сынов нашей страны. Вы хорошо знаете, какие усилия были приложены некоторое время назад для издания Ветхого и Нового Заветов различными изданиями на арабском языке в Типографии Американской миссии в Бейруте. Эта работа ведется под руководством выдающегося ученого доктора Ван Дейка, который усердно трудился над завершением перевода Библии с древнееврейского и греческого языков, начатого

милосердным Богом доктором Эли Смитом. Время от времени они печатали большие тиражи этой Библии с большим трудом и затратами и распродавали их, а затем были вынуждены заново набирать шрифты для нового издания. Но доктор Ван Дейк счел за лучшее, чтобы избавиться от огромных затрат времени и денег, необходимых для замены шрифтов, подготовить для каждой страницы Библии медную пластинку, на лицевой стороне которой должны быть выгравированы буквы. Поэтому он отправился в Нью-Йорк и взялся в сотрудничестве с некоторыми людьми, сведущими в искусстве электротипирования, изготовить листы, в точности соответствующие страницам Священной Книги, и он прислал нам образец страницы, взятой с первой страницы гласного текста, и при сравнении со страницей, напечатанной здесь, мы находим, что это точная копия бейрутского издания, напечатанного тем же шрифтом, что и наш журнал. Мы считаем, что это намного четче и качественнее, чем листы, напечатанные с помощью подвижных шрифтов, и мы поздравляем доктора Ван Дейка и желаем ему всяческих успехов в этом предприятии".

Ценность подобных заявлений обусловлена тем фактом, что они публикуются в официальном документе мусульманского правительства и являются свидетельством ценности Слова Божьего.

Следующая статья представляет собой буквальный перевод речи, произнесенной в июне 1867 года на ежегодном экзамене Бейрутской женской семинарии. Эта семинария была первой школой в Сирии для девочек, которая была основана на платном принципе, и в 1867 году ее доход от сирийских девочек, которые сами оплачивали свое питание, составлял около полутора тысяч долларов золотом. Вначале в нем было шесть учеников, а сейчас в нем пятьдесят пансионеров. В вышеупомянутом году на экзамене присутствовало многолюдное собрание, и по его окончании несколько джентльменов-туземцев выступили с речью на арабском. Самое примечательное обращение было произнесено греческим священником Губрином Джебарой, архимандритом и представителем Патриарха. Если вспомнить, что во времена Берда, Гуделла и Фиска греческое духовенство было одними из самых злейших врагов миссионеров, то станет ясно, что это обращение указывает на большие перемены в Сирии. Обращаясь к большому собранию из трехсот или четырехсот человек, собравшихся в Американской часовне, греков, маронитов, мусульман, католиков и протестантов, он сказал:

"Вы знаете, друзья мои, в какое печальное состояние впали наша земля и наш народ - морально, социально и интеллектуально. У нас не было ни школ, ни книг, ни средств обучения, когда Бог в Своем Провидении пробудил рвение добрых людей далеко за двумя морями, в далекой Америке, о которой многие из нас никогда не слышали, покинуть дом, друзей и страну, чтобы провести свою жизнь среди нас, да, даже среди таких, как я. От имени моих соотечественников в Сирии я хотел бы сегодня поблагодарить этих людей и тех, кто их послал. Они дали нам арабскую Библию, множество хороших книг, основали школы и семинарии и обучали наших детей и молодежь. Если бы не американские миссионеры, Слово Божье почти исчезло бы из арабского языка. Но теперь, благодаря трудам оплакиваемого Эли Смита и доктора Ван Дейка, они дали нам перевод, настолько чистый, настолько точный, настолько ясный и настолько классический, что он приемлем для всех классов и всех сект. Если бы не их труды, образование все еще оставалось бы на том же уровне, что и столетия назад, и наши дети по-прежнему росли бы как дикие звери. Есть ли среди нас кто-нибудь настолько фанатичный, настолько неблагодарный, чтобы не ценить эти благотворительные труды; настолько слепой, чтобы не видеть их плодов? Правда, другие европейские миссионеры приезжали сюда из Франции и Италии, и мы не будем отрицать их добрых намерений. Но что они принесли нам? И

чему научили? Немного французского. Они рассказывают нам, как далеко Лион от Парижа, и гдесначала жил Наполеон, а потом запрещают Слово Божье и распространяют по радио труды проклятого безбожника Вольтера. Но эти американцы проделали путь в тысячи миль из страны, счастливее которой нет на земле, чтобы жить среди таких, как мы, да, я повторяю это, таких, как я, переводить слово Божье, давать нам школы, хорошие книги и хороший пример, и я благодарю их за это. Я благодарю их и всех, кто трудится для нас. Я хотел бы поблагодарить г-на Михаэля Арамана, директора этой Женской семинарии, который является сыном нашей земли, и мисс Руфку Грегори, Наставницу, которая является дочерью нашего собственного народа, за замечательный прогресс, который мы стали свидетелями за эти три дня среди дочерей нашего собственного города и страны, в приобретении наилучших знаний. Да ниспошлет Аллах процветание этой семинарии, всем ее преподавателям и ученикам, мир и счастье всем присутствующим здесь сегодня и долгих лет жизни нашему султану Абдул Азизу".

Поскольку моя цель, приводя эти выдержки из арабских писателей и ораторов современности, состоит в том, чтобы дать некоторое представление об изменениях, происходящих в настроениях сирийской общественности в отношении образования, достоинства женщины и отмены суеверных общественных обычаев, я не могу придумать ничего лучше, чем перевести из официального журнала Дауда-паши, покойного губернатора горного Ливана, статью об обычаях населения Ливана. Эта газета называлась "Le Liban" и была напечатана как на арабском, так и на французском языках в июле 1867 года. Это дает нам представление о цивилизующем и христианизующем влиянии, которое действует в Сирии.

"В Горном Ливане существуют определенные обычаи, которые возникли из добрых чувств и симпатии, но теперь вышли за рамки приличий и потеряли свое первоначальное значение. Например, когда человек заболевает, его родственники и друзья сразу же начинают наваливаться на него. Все население города соберется толпой в доме, каждый скажет больному слово утешения и ободрения, а затем сядет в комнате больного. Бедный инвалид должен отвечать на все эти приветствия и даже должен вставать с постели и кланяться своим любящим друзьям. Затем вся компания должна сказать пару слов семье, жене и детям, заверив их, что болезнь незначительна и больной быстро выздоровеет. Затем они толпятся в комнате больного (и это такая толпа!), и семья и слуги постоянно бегут, чтобы снабдить их сигарами и наргиле, с помощью которых они наполняют комнату густым и удушливым дымом. Тем временем они говорят все сразу и громким голосом, и воздух вскоре становится нечистым и удушливым, и все эти вещи, как само собой разумеющееся, вредят больному человеку, и ему становится хуже. Затем созываются городские врачи-ребятишки, и они входят с серьезными лицами, демонстрируя великую мудрость, и каждый начинает перечислять названия всех лекарств, о которых он слышал, и описывает их действие при чудесных исцелениях. Затем они вступают в невежественные споры на ученые темы и говорят об искусстве врачевания, о котором они ничего не знают, кроме того, что узнали понаслышке. Один будет настаивать на том, что это лекарство лучшее, потому что его отец использовал его с большой пользой незадолго до смерти, а другой будет настаивать на применении другого лекарства, прямо противоположного характера, и мнения столкнутся, и все это в присутствии больного, который, таким образом, становится взволнованным и встревоженным. Он принимает сначала одно лекарство, затем противоположное, а затем вызывает других врачей и консультируется со своими родственниками. Тогда все соседские старухи берут его под руку и сводят на нет все, что советовали врачи, дают ему лекарства, о свойствах которых они совершенно ничего не знают, и таким образом они ускоряют окончательный уход своего друга в его долгое последнее

путешествие. И если он умирает, все население города немедленно собирается в его доме, и родственники, друзья и люди из других деревень стекаются туда толпами. Они наполняют дом своими криками и стенаниями скорби. Они перечисляют достоинства усопших со стонами, визгом и причитаниями в размеренных строфах. Все это напоминает обычаи древних греков и римлян, которые нанимали плакальщиков мужского и женского пола, чтобы те оплакивали их. После этого они сразу же переносят труп в могилу, не задумываясь о том, осталась ли еще жизнь или нет, не оставляя ему даже двенадцати часов, и никогда - двадцати четырех. Хорошо известно, что этот обычай самый жестокий и опасный, поскольку они могут принять живого человека за мертвого и похоронить его заживо, как, без сомнения, часто делалось. Сразу после похорон толпа возвращается в дом покойного, где их ждет роскошный стол, и все родственники, друзья и незнакомые люди наедаются досыта. Через восемь дней плач, собрание, столпотворение и поедание повторяются для утешения растерянных родственников. И эти толпы и бурные мероприятия происходят не только на сирийских похоронах, но и на свадьбах и рожденьях, в случае, если рождается *мальчик*, поскольку сирийцы любят демонстрировать свою радость и печаль. Но следует помнить, что точно так же, как в цивилизованных странах все эти проявления радости и печали сдерживаются умеренностью и мудростью и подавляются молчаливым согласием Божественной воле, так и в нецивилизованных странах они являются поводом для того, чтобы дать волю страсти, смятению и неистовым эмоциям. Насколько соответствует истинной вере в Бога и религиозным принципам спокойный, упорядоченный и умеренный образ жизни среди цивилизованных народов!

Итак, в прежние времена мужчина повсюду был абсолютным тираном в семье. Жена была рабыней, которую другие никогда не видели. И если бы в разговоре возникла необходимость упомянуть ее имя, то можно было бы сказать, что это сделала моя жена "аджеллак Аллах". Но теперь произошли перемены, и женщина больше не считается достойной презрения и оскорблений, а прогресс, достигнутый в эмансипации и возвышении женщины, является одним из самых благородных и лучших доказательств реального прогресса Ливана на путях морали и цивилизации".

Это язык официального документа правительства Ливана. И все же, как трудно искоренить суеверные и вредные обычаи официальными заявлениями предков! В то самое время, когда была написана эта статья, эти обычаи сохраняли полную силу. Женщина из Абейха, чей муж умер в 1866 году, отказывалась стирать свой дом или одежду более целого года после этого, как будто неопрятность и личная нечистоплотность сделали бы честь ее покойному мужу!

ГЛАВА XIV.

АРАБЫ-БЕДАВИНЫ.

Есть один класс арабской расы, о котором мало или вообще ничего не говорилось на предыдущих страницах по той простой причине, что мало что можно сказать о миссионерской работе или прогрессе среди них. Мы имеем в виду арабов-бедавинов. Истинные сыны Измаила, хвастающиеся своим происхождением от него, ведущие дикую, свободную и независимую жизнь, грубые, необразованные и воинственные, занимающиеся грабежом и убивающие друг

друга в качестве бизнеса; кочующие по обширным равнинам, которые простираются от Алеппо до Багдада, и от Багдада до Центральной Аравии, и граничащие с окраинами более населенных частей Сирии и Палестины; не умеющие читать и писать, и все же ведущие обширную торговлю шерстью и живностью с приграничными городами; номинально мусульмане, и все же нарушающие все предписания закона. Мусульманская вера и практика; подданные османского султана, и все же живущие в постоянном бунте или уговоренные крупными взятками к номинальному подчинению; страдающие от невыразимых тягот своей жизни, постоянно подвергающихся зимним штормам и летней жаре; без надлежащей пищи, одежды или крова, совершенно лишенные медицинской помощи и утешения, и все же презирующие тонкости цивилизованной жизни и с презрением относящиеся к человеку, который будет спать под крышей; они составляют самый древний, привлекательный класс людей, интересный каждому любителю своей расы, и особенно Миссионеру Креста.

Европейские миссионеры мало что могут сделать среди них. Не говоря уже о грубой, кочевой, неустроенной и опасной жизни, которую они ведут, любой европеец оказался бы среди них настолько объектом любопытства и подозрений, а своеобразное бедавинское произношение арабского языка настолько отличалось бы от правильного, что он постоянно испытывал бы смущение. Местные миссионеры, с другой стороны, могут свободно ходить среди них и, если их снабдить запасом вирусной вакцины и простых лекарств, могут иметь к ним самый неограниченный доступ. За последние десять лет к бедавинам было отправлено несколько местных миссионеров, а недавно Местное миссионерское общество в Бейруте отправило одного из своих учителей миссионером к арабам. Брать с собой книги из их числа бесполезно, так как очень немногие могут ими воспользоваться. Мистер Артингтон из Лидса, Англия, прилагает серьезные усилия, чтобы побудить бедавинов отправлять своих детей в школы в городах или разрешить открывать школы в их собственных лагерях. Мы испробовали все средства, чтобы убедить их ведущих шейхов отправить своих сыновей и дочерей в Бейрут для обучения, но все арабы боятся отправлять своих детей в любую точку, находящуюся под юрисдикцией турок, чтобы они внезапно не были схвачены турками в качестве заложников за хорошее поведение их родителей. Последний путь, *т. е.* Отправка учителей жить среди них, мигрировать вместе с ними и учить своих детей как бы "на лету", представляется наиболее осуществимым, как только учителя смогут быть подготовлены. До тех пор, пока турецкое правительство не заставит бедавинов селиться в деревнях и возделывать землю, мало что можно сделать для их обучения. И когда этот шаг будет предпринят, весьма сомнительно, что мусульманское правительство не пошлет своих хотибов или религиозных учителей и не заставит их всех принять религию ислам. Если это будет сделано, у христианских учителей будет очень мало возможностей открывать школы среди своих.

Одним из ведущих племен бедавинов является анази, которые более многочисленны, могущественны и богаты, чем любое другое арабское племя кобилех. Их главным шейхом на границе с Дамаском является Мохаммед эд Дукхи, воинственный и успешный предводитель десяти тысяч арабских всадников из племени Велед Али. Сейчас он чиновник турецкого правительства с жалованьем в десять тысяч долларов в год, нанятый для охраны великого Хаджа, или Каравана паломников, который ежегодно отправляется из Дамаска в Мекку. Он снабжает верблюдов для хаджа и мощный эскорт всадников, а также связан, чтобы арабы молчали.

В феврале 1871 года он приехал в Бейрут по делам и был гостем маронитского купца, который привез его по нашему приглашению посетить Женскую семинарию, колледж и Типографию. После осмотра семинарии, изучения различных факультетов и расспросов о ходе обучения он повернулся к ученицам и сказал: "Наши бедавинские девочки за шесть месяцев выучили бы столько же, сколько вы за два года". Я сказал ему, что мы хотели бы увидеть, как проводится эксперимент, и что, если он пошлет дюжину девушек-бедавинок, мы увидим, что у них есть все возможности для улучшения. Он сказал: "Только Аллах знает будущее. Кто знает, может быть, это еще сбудется?" Сам шейх не умеет ни читать, ни писать, но его жена Ситт Харба, или леди Спир, родом из окрестностей Хамата, хорошо читает и пишет, и говорят, что она единственная женщина из Бедавии, которая умеет написать письмо. Имея это в виду, мы подготовили элегантный экземпляр арабской Библии, заключенный в водонепроницаемый футляр, изготовленный девушками из семинарии, и подарили его ему в Типографии. Он проявил к ней большой интерес и спросил, что содержится в книге. Мы объяснили содержание, и он заметил: "Я попрошу прочесть мне "Ситт Харба" об Ибрахиме, Халил Аллахе (Друге Бога), и Исмаиле, отце арабов, и Неби (пророке) Мусе, и Сулеймане царе, и Айесе (Иисусе), сыне Марии". Электротипный аппарат глубоко заинтересовал его, но когда мистер Хэллок показал ему паровой цилиндрический пресс, с такой быстротой и точностью снимающий листы, он отступил назад и заметил самым неторопливым тоном: "Человек, создавший этот пресс, может победить все, кроме смерти!" Казалось, он испытывал некоторое удовлетворение от того, что в вопросе *смерти* бедавин был наравне с европейцем.

Оторвавшись от Прессы, шейх отправился в церковь, и, окинув взглядом чистые белые стены, заметил: "Вот Книга, но я не вижу ни картин, ни изображений. Вы здесь поклоняетесь только Богу!" Ему не терпелось увидеть *Башенные часы*, и хотя он потерял одну руку, а другая была почти парализована мушкетным выстрелом в недавнем бою в пустыне, он настоял на том, чтобы взобраться по длинным лестницам, чтобы увидеть часы, бой которых он слышал на другом конце города, и он долго и восхищенно смотрел на этот прекрасный механизм. Расставаясь с нами, он еще раз поблагодарил нас за *Книгу* и на следующий день отбыл дилижансом в Дамаск.

Летом мы послали, за счет мистера Артингтона, молодого человека из Бейрутского медицинского колледжа по имени Али в качестве миссионера, чтобы он поселился среди бедавинов, со специальными инструкциями убедить арабов, если возможно, отправить своих детей в школу. Он оставался среди них месяц или два, днем и ночью, ночью спал вне палаток, привязав недоуздок своей лошади к рукам, чтобы ее не украли, и проводил вечера, читая собравшейся толпе отрывки из Нового Завета. Он присутствовал в качестве зрителя при битве между людьми Мухаммеда и арабами Руэллы к востоку от Галилейского моря, в которой руэллы потерпели поражение, но сын Мухаммеда Фор был ранен, и Али сопровождал его. Ситт Харба сказала Али, что папист по имени Швири из Дамаска забрал у них арабскую Библию! Поэтому Али дал им другую. Этот дух ненависти к Библии папства одинаков во всем мире. Как низок дух мужчины, *исповедующего* имя христианина, и все же желающего лишить единственную женщину среди бедавинов, умеющую читать, слова вечной жизни! Вся семья шейха с интересом прочитала иллюстрированную книгу для детей размером с фолиант под названием "Полевые лилии", которую мы напечатали в Бейруте в прошлом году. Когда Али отправился в это путешествие, я передал ему письмо шейху, напоминая ему о его визите в Бейрут и снова настаивая на том, чтобы он отправил своих детей в школу. Шейх прислал мне следующий ответ, написанный его женой Ситт Харбой и запечатанный его собственным перстнем-печаткой. Я

высоко ценю это письмо, поскольку оно написано единственной женщиной-бедавинкой, умеющей писать:

Его превосходительству, самому уважаемому, нашему досточтимому Ховадже Генри Джессапу, да продлится его пребывание на посту! Аминь.

Преподнесите вам жемчужины приветствия и украшения чистого благоухающего приветствия, мы хотели бы сообщить вам, что ваше послание дошло до нас из рук Али Эфенди, и мы внимательно прочитали его, радуясь содержащейся в нем информации о вашем здоровье и процветании. Вы напоминаете нам о важности отправки наших сыновей и дочерей учиться в ваши школы. Али Эфенди очень настойчиво призывал нас к этому курсу и провел с нами несколько недель среди арабов. Он читал детям отрывки из Книги и пытался заинтересовать их в обучении чтению. Он также ходил от палатки к палатке среди наших бедуинов, разговаривая с ними и подталкивая их к этой великой теме. Он постоянно читал им то, что привлекало их внимание, и мы помогали ему убеждать их в этом. Иншуллах, дай Бог, чтобы вскоре среди самих арабов была школа. Мы, бедавины, не понимаем ни языка, ни обычаев европейцев, и мы хотели бы, чтобы такой человек, как Али Эфенди, который знает наш образ жизни, пришел учить нас и наших детей. Мы также хотели бы сообщить вам, что книга с картинками, которую вы отправили Ситт Харбе, дошла до нее, и она прочитала ее с большим удовольствием и просит Бога увеличить ваше благо. Она передает привет тебе, Ситту и всей твоей семье.

И да будете вы жить вечно! Салам

МОХАММЕД ДУХИ.

29 Джемади Акхар
1289 года Хиджры

"Постскриптум.— Между нами и племенем руэлла произошла битва, и руэллы потерпели поражение, Али Эфенди присутствовал и расскажет вам подробности."

На момент написания этой статьи Али снова побывал в лагере Мухаммеда, взял книги и лекарства и сделал все возможное, чтобы подготовить почву для открытия школ среди бедавинов в их собственных лагерях. Али привез еще одно письмо от Ситт Харбы, в котором она излагает свои взгляды на образование бедавинов. Я отправил ей несколько письменных вопросов на арабском, на которые она с радостью ответила. Ниже приводится суть ее ответов:

I. Арабы-бедуины должны научиться читать и писать, чтобы изучать религию, углубляться в понимание и знакомиться с Кораном. Они называют себя мусульманами, но на самом деле не исповедуют никакой религии.

II. Причина, по которой так мало бедавинов умеют читать, заключается в том, что это не входит в их сферу деятельности. Они предпочитают сражаться, грабить и кормить стада. Чтение и книги для них странны и неизвестны.

III. Если бы они хотели научиться читать, истинное время и место были бы зимой, когда они мигрируют на Восток в Джоуф, где им спокойно и их не беспокоят правительственные сборщики налогов.

IV. Я научился читать в окрестностях Хумса. Мой отец привел для моего обучения хотиба, или мусульманского учителя, который научил меня чтению. Его звали шейх Абдулла. Шейх Мохаммед научил меня писать.

V. Бедавины уважают мальчика больше, чем девочку, потому что мальчик может возвыситься до чести, но девушке нечего ожидать от своего мужа, его родителей и родственников, кроме ругани.

VI. Мужчина может иметь четырех жен. Если один из них перестает рожать детей, и она принадлежит к его семье, он заключает с ней завет братства и поддерживает ее в своем собственном лагере, но на нее смотрят просто как на сестру. Если она из другой семьи, он отправляет ее домой и платит ей столько, сколько требуют ее друзья.

VII. У девочек и женщин не больше религии, чем у мальчиков и мужчин. Они никогда не молятся, не постятся и не совершают паломничества в Мекку. Но старые женщины повторяют определенные молитвы и посещают зияры, мазары, велисарий и другие святые места.

VIII. Если бы среди нас были учителя, которые могли бы жить так же, как мы, и жить в наших лагерях, и путешествовать с нами в пустыню, они могли бы научить большую часть наших детей читать, особенно если бы они понимали искусство медицины.

Али провел среди них несколько недель, ночуя в лагере и ухаживая за их больными. Лагерь находился в горах к востоку от Галилейского моря. Лихорадка свирепствовала во всем округе от Тверии до Дамаска, и Али преданно заботился о больных. Сам шейх был болен лихорадкой, как и несколько членов его семьи. Однажды Али приготовил для него шипучий напиток, и когда кислота и щелочь соединились и смесь зашипела, бедавины, сидевшие в большом шатре, закричали и выбежали из палатки, как будто на них напали руэллы! Что это, спросили они, такое? Он льет воду в воду, и выходит огонь и дым! Сам шейх боялся пить его, поэтому Али выпил его сам, и, наконец, объяснив принцип химического процесса, он убедил и шейха, и Сит Харбу выпить настойку. Покидая лагерь, шейх дал Али охрану и три турецких фунта (около 14 долларов) на оплату его лекарств и медицинских услуг, сказав, что, поскольку его бедуины беднеют, поскольку им запрещено совершать набеги на другие племена, они не могут оплатить его услуги, и он заплатит за все. Он предложил дать ему бутылку семина (арабского масла) из козьей кожи и несколько бараньих, но Али не смог унести ни того, ни другого и отклонил предложение. Али принес образец бедавинского хлеба. Она черная, крупная, смешанная с золой и песком. Бедавины толкут пшеницу, замешивают крупнозернистую муку, не просеивая, и выпекают ее в нагретых земляных печах.

Бедавины кишат паразитами. Их одежда, личности, палатки и циновки буквально кишат третьей египетской чумой - *вшами*! Вскоре Али обнаружил, что полностью наводнен ими, и почти обезумел. Ситт Харба убедил его попробовать бедавинское средство для очищения головы. На вопрос, что это было, он заявил, что предпочел бы болезнь лекарству! После возвращения в свою деревню в Ливане он провел несколько дней в омовениях и очищениях, прежде чем решил принести мне свой отчет. Ситт Харба подарила ему сборник детских стишков, которые она и бедавинские женщины поют своим маленьким коричневым младенцам, и некоторые из

них вы найдете в "Детской главе" этого тома. Шейх Мохаммед, который не умел ни читать, ни писать, повторил Али следующую Косидеху, или Песню, которую он сочинил в арабской поэзии после своей победы над Фейсалом из племени Руэлла в 1866 году. Руэллы ранее изгнали племя Мохаммеда с одного из лучших пастбищных районов Ховиана, и Эд Духи вернул его после отчаянной борьбы.

О прекрасная равнина, о сочные зеленые пастбища бедавинов.
Мы покидали вас, слишком часто запятнанных кровью жестоких битв;
Ах, темный роковой день, когда брат бросил своего брата,
Хотя он ехал на самой быстрой кобыле и был в безопасности от преследования врага,
Он ни разу не обернулся, чтобы спросить, хотя мы испили чашу разрушения.
О прекрасная равнина, мы вчера сражались и вернули тебя!
Я восхваляю и чту Его имя, которое дает только победа!
О, Фейсал, мы воздали тебе по заслугам в королевской мере;
Нашими такими жгучими и острыми копьями мы перерубили шеи твоим арабам,
О, пастух из Обеида, ты бежал, бросив свои пастбища,
Кусая себя за палец от боли и сожаления о своих печальных бедствиях —
Дикая гиена, выйди из своего логова в земле Джедайле,
Пой своим собратьям-зверям в далекой стране Бутина;
Приди и наешься мертвецов на равнине Джедайле. Фада,
О, прекрасная равнина, ты принадлежишь к племени победителя;
Но Фейсала терзает боль, когда он слышит историю битвы,
Наши правши-копейщики парализовали его руку - это ее сила и мощь;
Сильный удар пришелся ему в грудь от руки наших воинов-анази;
Придите же, вы, кто желает мира, мы готовы с честью встретить вас!
Все наши обиды отомщены, и наше оружие устало от битв.

Арабский оригинал этих строк дышит истинным духом поэзии и показывает, что древний поэтический огонь все еще горит в пустыне. Фейсал сейчас живет в регионе, прилегающем к Мохаммеду Духи, и они оставляют пространство в несколько миль между своими лагерями, чтобы предотвратить вторжение на территорию и опасность возобновления старой кровной вражды.

Я хотел бы призвать арабов Пустыни с молитвой вспомнить женщин Америки. Как Евангелие должно дойти до них, является одной из величайших проблем наших дней. Их женщины опустились до самых глубин физической и моральной деградации. Степень их религиозности заключается в том, что они могут приносить мусульманские клятвы. "Их уста полны проклятий и горечи; их ноги быстры, чтобы проливать кровь; разрушение и нищета на их путях, *а пути к миру* они не познали". Хотя их рука направлена против каждого человека, а рука каждого человека против них, пусть они почувствуют, что есть один класс людей, которые любят их и заботятся о них бескорыстной любовью и которые стремятся к их вечному благополучию!

ГЛАВА XV.

"ЖЕНЩИНА МЕЖДУ ВАРВАРСТВОМ И ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ".

Это заголовок арабской статьи в "Дженан" за 1 сентября 1872 года, написанной Фрэнсисом Эффенди Меррашем, братом Ситт Марианы, статью которого мы перевели на предыдущей странице. Очевидно, что Эффенди пишет, исходя из атмосферы Алеппо. Более "вежливое" общество этого города в значительной степени состоит из того беспородного населения, наполовину французов, наполовину арабов, которое называют "левантийским" и которое слишком часто сочетает в себе пороки обоих с достоинствами ни того, ни другого. Будет видно, что талантливый автор борется с наихудшей формой французской легкомысленной цивилизации, которая уже нашла свой путь во многие города Востока. Он говорит:—

"Поскольку женщина составляет значительную часть человеческого рода и важный элемент общества, а также ведущего представителя расы в отношении ее сохранения, становится необходимым как рассматривать, так и говорить о ее характере и положении, хотя не хватает тех, кто достаточно груб и неотесан, чтобы объявить женщину бесполезной частью творения.

"Женщина обладает удивительно впечатлительной натурой, восприимчивой к влиянию, благодаря тонкости своей организации и особенностям строения. Поэтому ее надлежащая культура требует максимально возможного мастерства и заботы, чтобы защитить ее от тех тлетворных влияний, к которым она по своей природе особенно восприимчива. Поэтому мы не должны ни оставлять ее запертой в оковах древнего варварства и грубости, ни оставлять ее на произвол неконтролируемой свободы этой современной цивилизации, ибо обе эти крайности приводят ее в одно общее состояние зла и обе оказывают на нее одинаковое воздействие.

Разве вы не заметили, как обычаи древнего грубого варварства исказили манеры женщины и стерли все те добродетели и превосходства, для которых она особенно предназначена природой? Считалось самым постыдным для женщины учиться читать и писать, не говоря уже о других искусствах. Считалось необходимым наложить на ее уста оковы глубокого молчания, чтобы никто никогда не слышал ее голоса, кроме ее собственного грубого мужа и стен ограды, в которой ее держали взаперти. У нее не было свободы мыслей или действий. Мысли каждой женщины были ограничены мыслями ее мужа, и ее характер был отлит по его образцу, хорошим или плохим. И в дополнение к этому, она всегда страдала от любой грубости, которая могла быть со стороны ее грубого спутника, который использовал свою превосходящую грубую физическую силу как оружие, чтобы преодолеть ее моральную мощь. Он бичевал, проклинал и презирал ее всеми возможными способами, хотя она была невиновна в преступлении или еепроступке. В результате этого курса ее собственное самоуважение и чувство, что она подверглась насилию со стороны своего компаньона или партнерши, часто приводили ее к тому, что она отбрасывала всякий стыд и скромность всякий раз, когда представлялась подходящая возможность. Это произошло из-за того, что она больше не считала себя компаньонкой своего мужа и разделительницей всех его естественных и моральных прав, его радостей и горестей, а скорее воображала себя его пленницей и рабыней. Таким образом, она опустилась до положения рабыни, которой никогда не дают покоя, и она не заботится ни об обучении своих детей, ни о порядке в доме, поскольку она считает себя чужой в чужом доме, а мы все знаем, как трудно рабыне выполнять обязанности свободной!

С другой стороны, разве вы не заметили, как влияние современной цивилизации искажает природу женщины и вносит хаос в ее нравственность?

В этом нет ничего странного, ибо ее нежная натура, вырвавшись из цепей и заточения самого мягкого варварства на открытую свободную арену цивилизации, потеряла рассудок и в растерянности блуждала туда-сюда по своим собственным необузданным страстям. Таким образом, женщина стала подобна перышку, "Уносимому бурей, куда бы она ни дула, и уносимому неизвестно куда".

"Теперь, поскольку злых образов и объектов в этом мире гораздо больше, чем добрых, становится очевидным, что влияние зла на разум женщины сильнее и устойчивее, чем влияние добра, благодаря этой чрезвычайно тонкой структуре ее психического строения. Давайте предположим, что один мужчина и одна женщина оказались бы в положении, когда они должны были видеть только злые дела или только добрые: женщина покинула бы это место либо значительно хуже, чем мужчина, либо значительно лучше. Итак, моральный проступок женщины гораздо более пагубен для продолжения рода, чем проступок мужчины. Поэтому женщине лучше не впадать в крайности современной цивилизации, зло которой равно, да, и намного превосходит ее блага. Разве вы не заметили, что лидеры современной цивилизации в наш век подражали, если не превзошли, всем проявлениям буйства, похоти и грабежа, когда-либо практиковавшимся при варварстве веков древности? Разве женщины нашего века не опускаются в бесстыдстве ниже, чем женщины древних времен? Здесь мы видим, как они прикрывают свои лица тонкой пеленой искусственности и загрязняют чистые воды жизни бурным потоком собственного тщеславия. Они оскверняют чистоту истинной красоты грязным искусством украшения и кричат громкими грубыми голосами на каждом собрании. Они расхаживают с напускным тщеславием и щеголяют своей безвкусной одеждой с неприличной дерзостью. Они заявляют права на то, что им не принадлежит, и вмешиваются в то, что их не касается. Они не краснеют, чтобы не затуманить драгоценный камень скромности эгоистичным видом страсти. Не говорится ничего, чего бы они не слышали, не происходит ничего, чего бы они не видели. Они становятся смелыми, бесстыдными и неженственными.

"При таком положении вещей не может быть никаких сомнений в том, что избыток такого рода цивилизации для женщины означает примерно то же самое, что избыток ее грубого варварства в древние времена. Две крайности сходятся. Таким образом, разделительная линия между ними, то есть средний путь, является подходящим для женщины. Для этого среднего пути должен быть какой-то естественный и законный ориентир. Это руководство представляет собой полноценное учебное пособие, и мы предлагаем когда-нибудь написать на эту тему, поскольку образование женщины является одним из важнейших предметов. Женщина - это единственный источник, из которого истекает жизнь мужчины в ее самые ранние периоды. Она - источник всего воспитания и основа характера. Разве ты не слышал, что та, кто качает колыбель, движет миром?"

Очевидно, что автор этой статьи не был настолько счастлив, чтобы увидеть самый благородный тип освященной христианской цивилизации, какой можно увидеть в христианских домах Америки и Англии или даже в истинно христианских домах Сирии. Будем надеяться, что недалек тот день, когда даже в Алеппо чистое христианство займет место той полуварварской системы, именуемой папством, которая порабощает умы и сердца стольких *номинальных* христиан Востока, и когда порабощенные обитатели мусульманских гаремов будут освобождены не для

того, чтобы предаваться распущенности парижского распутства, но той свободой, с помощью которой Христос делает свободным Свой народ!

ЦЕННОСТЬ, ПРИДАВАЕМАЯ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ В СИРИИ.

Свобода, разрешенная мужчинам Кораном в избиении своих жен, привела к тому, что все население Востока занижает оценку жизни женщины. До недавнего времени в Сирии женщин травили, сбрасывали в колодцы, избивали до смерти или бросали в море, и правительство не проводило никакого расследования по этому поводу. Согласно мусульманским законам, судебное преследование за убийство всегда должно быть возбуждено друзьями жертвы, и если они не подают жалобу или не приводят свидетелей, убийца даже не арестован. И если он будет признан виновным в преступлении, он будет освобожден после выплаты родственникам жертвы цены крови, которая установлена в размере 13 000 пиастров, или 520 долларов! Мужчина вполне может "подсчитать цену", прежде чем совершить убийство. Это постоянное ужесточение наказания привело к деградации популярных представлений о ценности человеческой жизни, так что раньше убийство женщины никогда не каралось. В марте 1856 года девушка-друзка близ Бхамдуна вышла замуж за мужчину по своему собственному выбору, вместо того чтобы выйти замуж за мужчину, назначенного ей ее семьей. Ее подстерегли собственный брат и отвергнутый поклонник, убили и бросили в колодец.

Примерно через год после резни 1860 года, а европейские комиссары были еще в Сирии, и Ливан стал для достижения чего-то своей всегдашней тихой, несколько турецких солдат сделал, а Су-такой молодой маронитов девушка из деревни Айн Kesûr, который нес кувшин с водой, чтобы рабочие в Дейр-эль-Комр дороге. Комитет помощи в Бейруте обратился к мистеру Калхуну с просьбой направить благотворительные средства, распределяемые в этой части Ливана, на обеспечение работой нуждающихся на строительстве дорог. Эта девушка была нанята для снабжения мужчин водой. Жестокие солдаты попытались заткнуть ей рот носовым платком, чтобы осуществить свой замысел, но она была слишком сильна для них. Борьба была долгой и ожесточенной, но в конце концов ей удалось сбежать, оставив на дороге осколки разбитой банки, свои туфли и лоскутки ситца, которые они оторвали от ее одежды. Как раз в этот момент подошел Джурджиус эль-Хаддад, повар мистера Калхуна, и, увидев разбитый кувшин и одежду, догадался, что произошло, и, найдя девушку и выслушав ее рассказ, пустился в погоню за солдатами в Айнаб, куда они ушли и где находился турецкий офицер. Он изложил суть дела офицеру и получил в ответ удар тяжелой тростью по руке. Об этом случае доложили турецкому полковнику в Абейхе, который созвал все стороны и приказал избить каждого солдата сорока ударами плетью по голой спине. Но слух дошел до полковника. Фрейзер, британский комиссар, и он немедленно прибыли в Абейх в сопровождении Омар-паши с приказом от Эвада-паши рассмотреть *дело de novo*. В результате двое солдат были приговорены военным законодательством к расстрелу и были застрелены на закате 5 июня, передстарым дворцом, прямо под домом мистера Кэлхуна. Это событие произвело глубокое впечатление, и друзья и мусульмане начали чувствовать, что жизнь и честь женщины, в конце концов, имеют определенную ценность.

В апреле 1862 года, когда Дауд-паша был губернатором горного Ливана, друга по имени Хассан убил дружскую девушку из своей собственной деревни, полагая, что Дауд-паша не станет вмешиваться в освященный веками обычай убивать девушек! Однако, к его большому

удивлению, он был арестован, осужден и повешен, а бедные женщины всех сект в горах начали чувствовать, что, в конце концов, у них есть равное право на жизнь с другим полом.

Сегодня в большинстве районов Сирии убийство женщин и девочек является настолько незначительным актом, что вряд ли заслуживает внимания. Гора Ливан и ее окрестности, возможно, составляют исключение, но право женщины на жизнь является одним из тех прав, которые еще не были полностью гарантированы в Турецкой империи.

В октябре 1862 года официальная арабская газета в Бейруте опубликовала письмо Хумса, иллюстрирующее этот факт. Фанатичный негодяй из Хамата, один из печально известных мусульманских святых, заявил, что получил силу изгонять бесов по божественному вдохновению. Он нашел доверчивых последователей среди самых невежественных и отправился в Хумс, чтобы заняться своим дьявольским ремеслом. Бедная женщина потеряла рассудок от чрезмерного горя из-за смерти своего сына. Муж и другие ее родственники отправились посоветоваться с новым пророком. Он отказался пойти и повидаться с ней, заявив, что не снизойдет до того, чтобы пойти к дьяволам, но дьяволы должны прийти к нему. Соответственно, бедную женщину привели к нему и оставили ждать подходящего момента, когда он сможет изгнать бесов, которые, по его словам, бушевали в ней. Через несколько дней ее отец позвонил, чтобы справиться о ней, и обнаружил, что ей становится все хуже. Хаматитянка сказала ему, что он должен принести галлон жидкой смолы для использования в качестве лекарства, и на следующий день дьяволы покинут ее. Принесли смолу, и после того, как отец ушел, лживый пророк обвязал ей ноги веревкой и поднял ее к потолку, и пока она была подвешена таким образом, воткнул раскаленный докрасна железный прут ей в глаз и прижег ее тело почти с головы до ног! Затем он положил смолу на пол под ее голову и поджег до тех пор, пока тело не "сгорело дотла"! На следующий день друзья позвонили, ожидая найти ее в здравом уме, когда негодяй указал им на почерневший пепел. Они в ужасе воскликнули и спросили его, в чем причина этого кровавого преступления? Он ответил, что при испытании горячей смолой один из дьяволов вышел из нее, вырвав ей правый глаз, и когда он запретил остальным уничтожать другой глаз, они набросились на нее и убили! Тело было похоронено, но правительство не обратило на это ни малейшего внимания. Официальный журнал в Бейруте просто предостерег общественность от покровительства такому кровавому самозванцу!

ГЛАВА XVI.

МНЕНИЯ СИРИЙСКИХ ПРОТЕСТАНТОВ ОТНОСИТЕЛЬНО РАБОТЫ АМЕРИКАНСКИХ ЖЕНЩИН В СИРИИ.

TheНиже следующие письма были адресованы мне известными коренными сирийскими джентльменами, чьи жены прошли обучение в семинариях Американской миссии и семьях. Все они пишут по-английски, и я привожу их родной язык.

Мистер Бутрус эль—Бистани, муж Рахиль, пишет мне следующее:-

Бейрут, 23 октября 1872г.

"Было бы излишним говорить об усилиях американских женщин-миссионерок по обучению женщин Сирии и о том добре, которое они сделали.

"Святая Сара Л. Смит, которая была одной из первых среди них, основала первую женскую школу в Бейруте.

Миссис Уайтинг, также не имевшая собственных детей, воспитала в своей семье пятерых девочек, все из которых до сих пор живы.

"В семье миссис Де Форест была очень интересная женская школа, и девочки, получившие образование в этой школе, являются лучшими из тех, кого американские леди получили в Сирии.

"Препятствия в те времена были очень велики, и люди считали, что образование вредно для женщин. Но эти дамы получили бесплатное образование для нескольких девочек и таким образом произвели хорошее впечатление на умы людей и изменили общественное мнение, так что год от года люди начинали ценить женское образование. И поскольку сейчас мы строим на фундаменте, заложенном этими добрыми дамами, и пожинаем плоды их трудов, мы должны молиться о том, чтобы проникнуться тем же духом, и стараться, насколько это возможно, следовать их примеру и продолжать работу с тем же духом, рвением и мудростью, что и они".

Мистер Нааме Табет, муж Мириам, получивший образование у доктора и миссис Де Форест, пишет следующее:

Бейрут, 21 октября 1872г.

"Я испытываю искреннее удовлетворение от того, что вы предоставляете мне возможность поделиться своими впечатлениями о преимуществах женского образования в этой стране под руководством света Евангелия нашего Господа и Спасителя, примером чего является Американская миссия, чьи труды по распространению Священных Писаний столь ярко проявляются.

"Этот пример в основном привел к тому, что в этом районе были предприняты гигантские усилия по восполнению нехватки женского образования. То же чувство распространяется по всей Сирии, так что будущие перспективы распространения чистых христианских знаний и истинной цивилизации блестящи и, несомненно, должны поощрять доброжелательных людей к настойчивости в их действиях".

Преподобный Джон Уортабет, доктор медицины, профессор анатомии Сирийского протестантского колледжа и муж Саломеи, пишет следующее:—

Бейрут, 20 октября 1872г.

"Хотя я была очень молода, когда миссис Смит, миссис Уайтинг и миссис Де Форест начали свою деятельность в области женского образования в Сирии, и я отчетливо помню, что они были первыми, кто положил начало этому движению, которое в настоящее время достигло столь широких масштабов. Им принадлежит честь быть решительными и смелыми первопроходцами в важной работе по поднятию женщины из ее униженного положения, вызванного невежеством и мусульманским влиянием, к человеку, пользующемуся большим

уважением с социальной, интеллектуальной и моральной точек зрения. Я не имею в виду, что они достигли тогда этой великой и достойной цели, но они были первыми, кто начал работу, которая продолжается до сих пор, и ей, по-видимому, суждено развиваться гораздо дальше. И вполне справедливо, что их имена и основные труды будут увековечены в памяти прошлого.

Помимо внутреннего добра, которого они достигли, и непосредственных плодов их трудов — а вы знакомы с ними так же хорошо, как и я, — они дали первых и лучших *учителей* для школ, которые с тех пор возникли в таком изобилии. О важности предоставления хорошо подготовленных учительниц для женских школ в условиях своеобразной социальной системы Востока говорить не нужно.

Однако я считаю, что главной ценностью этих ранних работ был *импульс* который они придали женскому образованию в Сирии. Препредрассудки и барьеры, которые со временем стали седыми, были полностью разрушены, по крайней мере, среди христианских церквей Востока".

ГЛАВА XVII.

ДРУГИЕ ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ ЖЕНЩИН И ДЕВОЧЕК В ЭТОЙ ОБЛАСТИ.

TheНиже следующие заявления были в основном составлены на основе документов, предоставленных мне руководителями различных учреждений. Я привожу их по порядку в соответствии с датой их создания.

ОБЪЕДИНЕННАЯ ПРЕСВИТЕРИАНСКАЯ МИССИЯ ИРЛАНДИИ И АМЕРИКИ В ДАМАСКЕ.

Я не получал официальных статистических данных о работе этой Миссии в интересах женщин, но они поддерживали школы для девочек и занимались личным трудом для женщин на протяжении долгого ряда лет. миссис Кроуфорд, которая досконально знакома с арабским языком, тихо и настойчиво трудилась среди женщин Дамаска и Тебруда, и плоды этого труда будут видны в ближайшие годы. Мисс Дейлс, ныне миссис доктор Лэнсинг, из Каира, около пятнадцати лет назад руководила школой для еврейских девочек в Дамаске, которая хорошо посещалась.

Миссис Э. Уотсон, английская леди, обладавшая огромной энергией и рвением в деле женского образования, после многих лет работы в Северной и Южной Америке, Греции и Малой Азии, приехала в Сирию в 1858 году и открыла школу для девочек в своем собственном наемном доме. Впоследствии она переехала в Шемлан, на горе Ливан, где за свой счет построила здание для школы-интерната для девочек, а затем передала его Обществу содействия женскому образованию на Востоке. С тех пор она с неутомимой энергией возвела еще одно здание для Семинарии для друзей и девочек-христианок, причем прежнее Учебное заведение продолжало функционировать в том виде, в каком оно было на протяжении многих лет под эффективным руководством мисс Хикс при содействии мисс Добби. Кроме того, недавно она возвела аккуратное и солидное церковное здание в Шемлане.

В отсутствие мисс Хикс миссис Уотсон адресовала мне следующее письмо:

Шемлан, 28 августа 1872 года.

"Наша первая школа для местных девочек была открыта в Бейруте в 1858 году. Учительницами были мисс Хикс, мисс Хискок, миссис Уокер, мисс Диллон, мисс Джейкомбс (сейчас в Сидоне), мисс Стейнтон (сейчас в Сидоне) и мисс Добби. Не было нанято ни одной учительницы-туземки, за исключением учениц школы, находящейся под опекой мисс Хикс. Мастера Рискулла в Бейруте и Мурад, Решид и Дауд в Шемлане были связаны со школой как преподаватели высших отделений арабского языка.

"Общее число пансионеров, находящихся на нашем попечении до настоящего времени, превышает сотню. Единственными учителями в моей второй школе-интернате являются моя приемная дочь Хандуме и Зарифех Твини, ученица прусских дьякониц. Семнадцать или восемнадцать наших учеников были или сейчас являются учителями, и десять из них женаты.

"Школа, которой руководит мисс Хикс, была передана Женскому обществу Англии около шести или семи лет назад, и с тех пор оно поддерживает ее. Новая школа в верхней палате не подчиняется никакому обществу, и никто регулярно ей не помогает. Под опекой моей дочери, мисс Уотсон, находятся от двадцати шести до двадцати восьми пансионеров, я помогаю им, чем могу. Несколько девочек получали поддержку в течение последних двух лет от друзей в Америке и Англии. В нашей школе в верхнем доме учились десять девочек-дружок. У мисс Хикс было трое или четверо, и еще несколько в дневной школе. У нас также было несколько учеников в нашей дневной школе в Айтате, четверо из которых замужем за друзскими шейхами".

Мистер Элиас Сулейби с помощью друзей в Шотландии в течение значительного периода времени руководил общими школами в части Маунт-Лебанон и Букаа, и теперь это предприятие было одобрено Свободной церковью Шотландии, которая направила преподобного мистера Рея своим Суперинтендантом.

Их школы предназначены в основном для мальчиков, хотя во всех деревенских школах несколько девочек младшего возраста обычно посещают школу для мальчиков. Однако в Сук-эль-Гурбе у них есть школа-интернат, в которой обучается около двадцати пяти девочек.

ИНСТИТУТ ПРУССКИХ ДИАКОНИСС В БЕЙРУТЕ

Сиротский дом, школа-интернат и Приют, с которыми связаны прусские диакониссы, были основаны в 1860 году. Первые два поддерживаются Институтом Кайзерсверта в Германии, а вторые - Орденом Святого Иоанна.

В Сиротском приюте находятся сто тридцать девочек-сирот, все коренные сирийки, которых одевают, кормят и обучают в течение четырех или пяти лет, и они часто превращаются из диких, необразованных полуварварок в опрятных, хорошо воспитанных и полезных молодых женщин. Обычно у них около пятидесяти претендентов, ожидающих вакансии, чтобы поступить.

Школа-интернат предназначена для обучения детей жителей Европы, немцев, французов, итальянцев, греков, мальтийцев, англичан, шотландцев, ирландцев, венгров, голландцев, швейцарцев, датчан, американцев и других. Средством обучения является французский язык.

С тех пор, как открылась Школа для сирот, многие девочки вышли замуж, тридцать стали учительницами, и около двадцати из них живут прислугой в семьях.

В августе 1861 года диакониссы приняли около 110 сирот. Поступающие дети принимаются на три года, и оставшийся в живых родитель или опекун должен подписать обязательство, соглашаясь оставить ребенка на этот период, или, если ребенка заберут раньше этого срока, выплатить Диакониссам все, что было потрачено на нее.

Летом 1861 года несколько родителей приехали и попытались забрать своих детей, хотя у них не было средств содержать их, но помешал контракт, и у них не было денег, чтобы заплатить. Затем выступили иезуиты и снабдили родителей французскими золотыми наполеонами и за один день забрали из приюта пятьдесят девочек-сирот, отправив их не в собственное учебное заведение, а вернув их к их несчастным родителям и друзьям, чтобы они воспитывались в бедности и невежестве. Несколько дней спустя еще тридцать девушек были удалены таким же образом, оставив только тридцать. Родители имели законное право забрать детей после уплаты денег, но что сказать о жестокости иезуитов, которые вернули этих несчастных детей на растерзание сирийской сироте? Иезуиты везде одинаковы, беспринципны и интриганствуют, считая правильными все средства, способствующие достижению их собственной цели.

БРИТАНСКИЕ СИРИЙСКИЕ ШКОЛЫ.

Эти школы, столь многочисленные и широко разветвленные, выросли после резни 1860 года. Я хорошо помню первый приезд миссис Боуэн Томпсон в Бейрут и ее неиссякаемую энергию в создании своей маленькой школы для вдов и сирот из Хасбейи, Дейр-эль-Комра и Дамаска.

С того небольшого начала в 1860 году количество школ увеличилось в следующем году, пока, наконец, не были организованы другие филиалы школ в Бейруте и Ливане, а затем в Дамаске и Тире, и до настоящего времени следующее расписание, предоставленное мне сотрудниками Учреждения, покажет, до каких масштабов разрослось предприятие. В мемуарах миссис Томпсон, озаглавленных "Дочери Сирии", дается настолько полная история этих школ, что мне остается только отсылать читателя к этому тому за всей необходимой информацией. После печальной кончины миссис Томпсон руководство школами было доверено ее сестре, миссис Ментор Мотт. Центральная учебная школа в Бейруте находилась под опекой миссис Шримптон, которая с большой серьезностью и мудростью трудилась в этом важном учебном заведении до весны 1873 года, когда она подала в отставку и стала заниматься женским образованием при американской миссии в Сирии. Ей помогали учителя английского языка и носители языка. Школы в Захлехе, Дамаске, Хасбейе и Тире находятся под опекой англичанок и шотландок, которые, несомненно, проявили самое замечательное мужество и решимость, поступив в нескольких из этих мест на службу на заставу, без европейского общества, и месяцами изолированные от людей, говорящих на их родном языке. Я полагаю, что подобные примеры вновь продемонстрировали тот факт, что там, где женщина должна быть достигнута, женщина может пойти, и христианки из христианских стран, даже если они достигли возраста, обычно определяемого как наиболее приспособленный для легкого овладения иностранным языком, все же могут проделать большую работу по поддержанию центров влияния на аванпостах и надзору за работой учителей-туземцев. Эти молодые учителя-туземцы, прошедшие обучение в Шемлане, Сидоне, Сук-эль-Гурбе и Бейруте, не могут уехать в отдаленные места в качестве учителей и *не должны уезжать* без дома и надлежащей защиты, предоставленной им. Такая защита *предоставляется* европейской или американской женщиной, которая обладает независимостью и решимостью отправиться туда, где не проживает ни одна миссионерская семья, и продолжить работу по женскому образованию. Даже рискуя оскорбить скромность

заинтересованных лиц, я не могу удержаться от того, чтобы официально заявить о своем восхищении поведением мисс Уилсон в Захлехе, мисс Гиббон в Хасбейе и мисс Уильямс в Тире, которые строят для себя дома и продолжают свою работу вдали от европейского общества и общения.

Британские сирийские школы проводят хорошую работу по продвижению библейского образования. Многие учителя-туземцы, мужчины и женщины, прошли обучение в наших миссионерских семинариях, и немало из них являются членами наших евангелических церквей. Моей целью всегда, с того момента, как миссис Боуэн Томпсон впервые приземлилась в Сирии, и по настоящее время, было сделать все, что в моих силах, чтобы "помочь тем женщинам, которые трудились вместе со мной в служении Евангелию".

Мы заняты общей работой, окруженные тысячами нуждающихся погибающих душ, мусульман, язычников и номинальных христиан. Работа неотложная, и Господним земледельцам следует трудиться сообща, забывая и игнорируя все различия национальностей, деноминаций и социальных обычаев. Не должно быть такого слова, как "американский", "английский", "шотландский" или "немецкий", применительно к любому предприятию, принадлежащему общему Хозяину. Общий враг объединен в противостоянии. Давайте будем едины всеми возможными способами. Пусть наше имя будет *христианским*, наша работа будет основана на объединенном сочувствии, молитве и сотрудничестве, и пусть Христос не будет разделен в Своих членах. Я пишу эти слова в связи с темой британских сирийских школ, потому что по опыту могу сказать о ценности такого сотрудничества в прошлом. Как исполняющий обязанности пастора Местной евангелической церкви в Бейруте, к общению с которой я принял так много молодых учителей и учеников из различных семинарий и школ, я чувствую огромную важность этого сердечного сотрудничества и единства действий среди тех, кто стоит во главе различных протестантских учебных заведений в Сирии.

Эмиссары Рима с неусыпной бдительностью трудятся над тем, чтобы привлечь Сирию к папству. Сестры милосердия, Сестры из Назарета, иезуиты, лазаристы, капуцины, доминиканки и францисканцы, монахи, монахини и папские легаты кишат по всей стране. Хотя они, как известно, ревниво относятся к прогрессу друг друга, они всегда едины в своем общем неприятии евангельской веры и открытой Библии. Таким образом, нам предстоит разрушить не только старые колоссальные крепости сирийского заблуждения, но и новые сооружения иезуитского ремесла, прежде чем Сирия придет ко Христу.

На предыдущей странице было указано, что в 1835 году американка, жена английского торговца, Миссис Александр Тод выделил большую часть средств на строительство первой школы для девочек, когда-либо построенной в Сирии. Этот существенный союз был счастливо воспроизведен в сердечном сотрудничестве англо-американской и немецкой общин Бейрута, как в Церкви, так и в общественных благотворительных организациях и образовательных учреждениях, вплоть до настоящего времени.

Давайте все будем жить во Христе, трудиться для Христа, не сводить глаз со Христа, и мы будем со Христом, а Христос с нами!

БРИТАНСКИЕ СИРИЙСКИЕ ШКОЛЫ, 1872 ГОД.

БЕЙРУТ.

Номер	установлен.	Название.	Ученые.	Учителя.
-------	-------------	-----------	---------	----------

1	1860	Учебное заведение,	92	16
2	1863	Мусайтбех,	85	3
3	1868	Школа для слепых мужчин и мальчиков,	16	2
4	1868	Школа для слепых девочек,	11	1
5	1860	Школа для мальчиков,	85	5
6	1861	Ист-Кумбе,	120	4
7	1860	Начальная школа,	30	2
8	1872	Эс—Сайфе,	100	4
9	1860	Детская школа,	125	3
10	1860	мусульман,	50	4
11	1860	Вечерняя школа,	—	5
12	1863	Оливковая ветвь,	85	4
ДАМАСК.				
13	1867	Собор Святого Павла,	170	6
14	1869	Школа для слепых,	15	1
15	1870	Медан,	80	2
16	1867	Вечерняя школа,	30	1
ЛИВАН.				
17	1863	_ашрафия_,	53	3
18	1868	_Ain Zehalteh_,	50	2
19	1869	_Aramoon_,	40	2
20	1863	_Hasbeiya_,	160	3
21	1867	_Mokhtara_,	—	-
22	1868	_Zahleh_,	75	4
ТИР.				
23	1869	Школа для девочек, всего	50	2
		,	1522	79
		библейских женщин,	7	

ШКОЛА МИСС ТЕЙЛОР ДЛЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ДЕВОЧЕК.

Эта достойная христианка из Шотландии выполняет тихую, но очень эффективную работу в Бейруте, с которой мало кто знаком, однако она проводится с верой из года в год, и плоды, без сомнения, однажды появятся в виде масштабной реформы порядка, морали и общего улучшения мусульманских семей Бейрута.

Со времен миссис Сары Л. Смит и миссис Д-р Додж мусульманские девочки более или менее посещали школы Сирийской миссии, но чисто мусульманские школы мисс Тейлор и

Британские сирийские школы прилагают особые усилия для распространения образования в каждой мусульманской семье.

Эта школа была открыта в феврале 1868 года для беднейших из бедных. Она получила название "Первоначальная школа для мусульманских девочек в лохмотьях". Никто не считается зачисленным, если он не посещал регулярные занятия по крайней мере три недели. Число уже принятых достигло почти пятисот человек, все мусульмане, за исключением пяти еврейских и пятнадцати друзских девушек. Также работают учителя-носители языка, и учеников обучают чтению, письму, географии и арифметике. Основным учебником является Библия. Ранняя история этого учреждения полна интереса, но до сих пор оно не привлекало особого внимания общественности. Всегда возникал благоразумный вопрос, не разумнее ли было бы продолжать свою работу тихо, ненавязчиво, чтобы не вызывать фанатичной оппозиции. Но верные и благодарные друзья поддерживали ее с самого начала, а те, кто лучше всех знает школу, горячо хвалили ее.

ШКОЛА ШОТЛАНДСКОЙ ЦЕРКВИ ДЛЯ ЕВРЕЙСКИХ ДЕВОЧЕК В БЕЙРУТЕ.

Эта школа действует с 1865 года. Хотя первоначально он был создан только для еврейских девочек, которых в нем часто регулярно посещало пятьдесят, в нем также обучались греческие и мусульманские девочки.

К нему были подключены три учителя-европейца и два преподавателя-носителя языка под руководством преподобного Джеймса Робертсона, пастора англо-американской конгрегации в Бейруте.

ГЛАВА XVIII.

ОБЪЕМ БИБЛЕЙСКИХ НАСТАВЛЕНИЙ, ПРЕПОДАВАЕМЫХ В ШКОЛАХ ПРИ МИССИИ.

Существует большое расхождение во мнениях относительно надлежащего места Образования в зарубежной миссионерской работе. В то время как некоторые придавали ему первостепенное значение как миссионерскому агентству, другие оставляли его на заднем плане как не миссионерскую работу, и, следовательно, оставляли проводить ее самим местным жителям после их евангелизации посредством простой и чистой проповеди Евангелия. Опыт долгих и кропотливых лет работы в этой специфической области привел Сирийскую миссию к тому, что она стала рассматривать образование как одно из важнейших вспомогательных средств в распространении Евангелия среди людей. Общество и секты настолько организованы, что, хотя жители данной деревни не примут миссионера просто как проповедника Евангелия, они с радостью примут школу из его рук и будут приветствовать его при каждом посещении школы как благотворителя. Они не только будут получать ежедневные уроки и наставления школьного учителя по религиозным предметам, но даже попросят миссионера проповедовать им Слово жизни. Школы в Сирии вступают в борьбу за евангельскую истину.

Наши школы делятся на два класса: средние школы или Семинарии для юношей и девушек и обычные школы для детей обоих полов. В первом случае библейское обучение является великой вещью, и главная цель средних школ состоит в том, чтобы обучать молодежь правильному и основательному знакомству с Божественной истиной. Курс библейского преподавания, проводимый мистером Кэлхуном в семинарии Абейха, я не сомневаюсь, более тщательный и постоянный, чем в любом колледже или средней школе Соединенных Штатов. В то время как естественные науки преподаются систематически, Библия стала основным учебником, и на ее изучение отводится несколько часов каждый день. В наших обычных школах чтение Библии и ее преподавание также занимают видное место. Из-за нехватки книг на арабском языке, пригодных для чтения, Миссия подготовила учебник для чтения, состоящий почти исключительно из выдержек из Священных Писаний. В дополнение к этой книге, Псалмы Давида и Новый Завет используются в качестве обычных учебников для чтения во всех школах. Ежедневно проводятся упражнения по чтению Библии и Катехизиса. Из того, что я сказал, следует, что объем духовных знаний, приобретаемых детьми в самом процессе обучения чтению, не так уж мал. Будучи вынужденными из года в год заучивать тексты, параграфы и целые главы, их умы запоминают драгоценные слова Священной Книги. Очень многое зависит от учителя. Когда мы сможем найти благочестивых, молящихся учителей, уроки Священного Писания можно будет преподавать с гораздо большей пользой и успехом, и наша цель - нанимать только благочестивых учителей там, где мы можем их получить. И пример учителя получает, так сказать, новое вспомогательное средство в запечатлении этих уроков в сознании, когда ученики могут посетить проповедническое служение в субботу. Иногда срочный звонок поступает из деревни, где по стратегическим соображениям кажется важным ответить немедленно. Благочестивого учителя найти невозможно, и мы посылаем молодого человека с хорошо известными моральными качествами. Но только необходимость вынудила бы нас сделать это, и перемены к лучшему всегда происходят как можно скорее.

Библейские школы являются мощным средством принесения пользы. Я думаю, ничто не вызывает у начинающего миссионера более благодарного удивления при вступлении на сирийское миссионерское поприще, чем то, какое большое значение придается библейскому обучению, начиная с самой скромной деревенской школы для маленьких арабских мальчиков и девочек и заканчивая высшими семинариями. Экзамены по Священным Писаниям, сданные молодыми людьми в Абейхе и девушками в семинариях Бейрута и Сидона, сделали бы честь молодым людям в любом американском сообществе. Библейские школы полезны не просто как связующий клин, дающий миссионеру положение и влияние среди людей; они по своей сути полезны для внедрения огромного количества полезных библейских знаний в умы детей, а через них и их родителей. В странах, где люди в массе своей не умеют читать, они являются абсолютной необходимостью, и в любом сообществе они являются благословением. Если бы все миссионерские школы строились на такой же тщательной библейской основе, как в Сирии, возражений против школ как части миссионерской работы было бы меньше.

СФЕРА И СПОСОБЫ РАБОТЫ ЖЕНЩИН В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.

В этот век, когда женщины-христианки во многих странах с таким рвением участвуют в работе Иностранной миссии, важно знать, кто должен лично приступить к этой работе, и каковы способы и сферы труда, которыми они могут заниматься, находясь на местах.

Ни одна женщина не должна отправляться за границу, если у нее нет крепкого здоровья, основательного образования и разумных перспектив выучить иностранный язык. Языки разных народов отличаются сравнительной простотой усвоения, но любому, кто владеет *арабским* языком, полезно начинать изучать его как можно раньше в жизни. Следует иметь в виду, что работа в чужих странах - это труд самоотречения, и я не знаю ни одного человека, призванного к большему самоотречению, чем незамужние женщины, занимающиеся религиозной деятельностью за границей. Они выполняют благородную работу, необходимую работу и работу, приносящую долговременную пользу. Лишенные во многих случаях социальных радостей и защиты *дома*, они *создают* уют в своих школах и проявляют особую симпатию к своим ученикам и семьям, с которыми им приходится контактировать. Там, где несколько человек связаны друг с другом, как это всегда и должно быть, учреждение, в котором они живут, становится образцом христианского порядка, сочувствия и взаимопомощи, которые характерны для домашнего очага в христианских странах. Женщины-христианки, замужние и незамужние, могут попасть в тот класс в любой арабской общине, из которого мужчины старательно исключаются. Они должны взяться за иностранную работу как за дело всей жизни, посвятить себя прежде всего овладению языком народа, открыть глаза на все, что приятно и привлекательно среди туземцев, и закрыть их от всего, что непривлекательно и отталкивающе, решив любить народ и то, что к нему относится, ради Христа, который умер за них, и отождествлять себя с народом всеми возможными способами. Людям, которые неспособны любить или восхищаться чем-либо, что не является американским или английским, лучше оставаться в Америке или Англии; с другой стороны, нет более надежного подтверждения привязанности любого народа, чем склонность не замечать их недостатков и относиться к ним как к нашим братьям и сестрам, за которых умер общий Спаситель. Пусть ни один миссионер любого пола, отправляющийся в чужую страну, не думает, что ему нечему учиться у сирийцев или индусов, китайцев или японцев. Не все хорошее ограничивается какой-либо страной или народом.

Среди отделов женской работы в зарубежных странах есть следующие:—

- I. Преподавание в официальных учебных заведениях, женских семинариях, сиротских приютах и гимназиях.
- II. Работать медсестрами в больницах, как это делают прусские протестантские дьякониссы Кайзерсверта, которые разбросаны по Востоку и выполняют исключительно ценную работу.
- III. Посещение домов с явной целью ведения религиозной беседы с людьми *на их родном языке*. В Сирии это может сделать только тот, кто владеет арабским языком и может говорить без *переводчика*.

Незнание языка народа - это барьер, который не может преодолеть никакое мастерство переводчика, и каждая женщина, которая хотела бы добиться признания и успеха среди женщин Сирии, должна уметь фамиллярно разговаривать с ними на их родном языке. Переводчики могут быть честными и добросовестными, но ни один человек из тысячи не может точно перевести с одного языка на другой без предварительной подготовки. И, кроме того, переводчики не всегда надежны. В городе Триполи до сих пор живет старик по имени Абдулла Янни, который около сорока лет назад был переводчиком у еврейского миссионера. Он рассказывает множество историй о необычной форме, которую принимали речи этого ничего не подозревающего миссионера, срываясь с его уст. Однажды они шли по главной улице, чтобы

проповедовать мусульманам. Собралась огромная толпа, и Абдулла затрепетал, ибо в те мрачные дни мусульмане совершенно безнаказанно угнетали и оскорбляли христиан. Миссионер сказал: "Скажите мусульманам, что если они все не покаются и не поверят во Христа, они погибнут навсегда". Абдулла перевел, и мусульмане громко и искренне выразили свой восторг. Они заявили: "Это так, это так, добро пожаловать в Ховаджу!" Абдулла сказал им, что "ховаджа говорит, что он вас очень любит, а англичане и мусульмане - "сова-сова", *то есть* вместе, как одно целое".

Вскоре Абдулла счел необходимым сказать своему доверчивому другу и работодателю, что не годится проповедовать в такой дерзкой манере, поскольку, если он переведет это буквально, мусульмане убьют их обоих на месте. Миссионер ответил: "Тогда пусть они убьют нас". Абдулла сказал: "Возможно, это пойдет тебе на пользу, но я не готов умирать и предпочел бы подождать". Самым первым условием для того, чтобы быть полезным в чужой стране, является язык. Возможно, было бы неплохо, как указывалось ранее в этом томе, чтобы в каждой Женской семинарии количество преподавателей было достаточно большим, чтобы позволить наиболее опытным в изучении языка посвящать часть недели этим дружеским религиозным визитам. Арабская раса - в высшей степени общительный, приезжий народ, и иностранка всегда желанна среди женщин всех слоев общества, от высшего до низшего.

IV. Проведение специальных женских собраний женщин-членов Церкви из недели в неделю в домах разных семей. Придут соседские женщины, и местные женщины, которые никогда бы не приняли участия в женском молитвенном собрании в присутствии миссионера, с радостью сделают это, следуя примеру и ободрению представительницы своего пола. Такие встречи проводились в Хумсеи Триполи, в Бейруте, Абейхе, Дейр-эль-Комре и Сидоне, а также в Сук-эль-Гурбе, Бхамдуне, Хасбейе и Дейр-Мимасе на протяжении многих лет. Миссис Смит, миссис Айзек Берд, миссис Томсон, миссис Ван Дейк, миссис Уайтинг, миссис Гуделл, миссис д-р Додж, мисс Уильямс, мисс Тилден, миссис Де Форест, миссис Калхун, миссис Уилсон, миссис Форд, миссис Фут, миссис Эдди и миссис У. Берд, миссис Лайонс и миссис Чейни, миссис Блисс, мисс Темпл, мисс Мейсон, миссис С. Джессап относятся к числу американских христианок, которые трудились или все еще трудятся на благо своих сестер в Сирии, а молодые работницы, совсем недавно приступившие к работе, готовятся выполнять ее с большей энергией, чем когда-либо. Есть и другие имена, связанные с Работой Женщины в Сирии, преследуемой Американской миссией, но список слишком длинный, чтобы приводить его полностью. Многие из них отдохнули от своих трудов, и их дела действительно следуют за ними.

БЕЙРУТСКАЯ ЖЕНСКАЯ СЕМИНАРИЯ.

В последнем ежегодном отчете Совета миссий Пресвитерианской церкви Соединенных Штатов об этих двух женских семинариях говорится следующее:

"Бейрутской семинарией руководят мисс Эверетт, мисс Джексон и мисс Лоринг, в ней сорок пансионеров и шестьдесят дневных учеников, цель которых - дать образование, соответствующее потребностям высших классов народа, получить контроль над умами тех женщин, которые окажут наибольшее влияние на формирование общества и общественного мнения. Эту позицию папские сестры Милосердия искренне стремились завоевать, и ее выгодная позиция не должна была быть оставлена им. Общественное уважение и доверие к учебному заведению растет, о чем свидетельствует количество и класс посещающих его учащихся. Семинария

близка к Святилищу не столько по симпатии, сколько по положению, и все ее влияние направлено на то, чтобы сделать своих учеников последователями Христа".

В дополнение к этому краткому уведомлению следует сказать, что в Бейрутской семинарии обучаются тридцать воспитанниц благотворительных пансионатов, которые отбираются в основном из протестантских, греческих и друзских семей для подготовки учителей высокого класса в различных школах для девочек страны. Каждый год проводится специальный обычный курс обучения, и считается, что в конечном итоге молодые женщины, получившие образование в других школах, поступят на это Обычное отделение, чтобы получить особую подготовку к преподавательской работе.

Благотворительные пансионаты поддерживаются за счет пожертвований субботних школ и отдельных лиц в Соединенных Штатах, уделяя особое внимание их обучению для будущей полезности.

После почти десятилетнего опыта ведения большей части переписки с покровителями этой школы и поддержания их интереса к ученикам и учителям, которых они поддерживали своими пожертвованиями, я рискнул бы высказать несколько предложений группам христианской миссии, обществам, библейским классам, субботним школам и отдельным лицам, которые так много делают для образования детей в зарубежных странах.

I. Пусть все взносы на женский труд и образование девочек направляются через Женские советы миссий или, если это неудобно, в виде банковского чека в Лондоне, подлежащего оплате директору семинарии, с которым вы поддерживаете переписку.

II. Если возможно, разрешите использовать ваше пожертвование на общие цели семинарии, не настаивая на том, чтобы к вам был приставлен специальный ученик или учитель. Но если невозможно поддерживать интерес ваших детей и молодежи к столь отдаленной работе без какой-либо специальной цели, то во что бы то ни стало...

III. Не требуйте слишком многого от своих перегруженных налогами сестер на зарубежной ниве в виде писем и отчетов. Труд учителя везде тяжел. Но когда обучение ведется на иностранном языке, в чужом климате и детям чужой нации, эти трудозатраты значительно возрастают. Добавьте к этому тяжелому труду переписку с Советом миссий, ежедневное изучение языка, работу по посещению людей и приему их визитов, и вы сможете понять, насколько поддержание переписки с двадцатью или тридцатью субботними школами и обществами является бременем, которое не должна нести ни одна женщина.

IV. Не ждите сенсационных писем от ваших друзей за границей. Не принимайте как должное, что десятилетний ребенок, которого вы поддерживаете, превратится в выдающегося учителя или библейскую женщину до прибытия следующего письма. Не расстраивайтесь, если вам придется ждать и молиться годами, прежде чем вы услышите благую весть. Если кто-нибудь из местных детей когда-нибудь пришлет вам письмо (а у них примерно такое же четкое представление о том, кто вы и где находитесь, как о спутниках Юпитера), не ждите от их юношеских произведений элегантности Аддисона или красноречия Берка.

V. Усердно молитесь об обращении учеников миссионерских школ. Это я рассматриваю как большое преимущество системы, при которой христиане поддерживают учеников в домашних церквях и знают их по имени. Они становятся объектами особой молитвы. Это драгоценная золотая связь, которая приближает родное поле к нам, а чужое поле - к вам. Наша главная надежда на то, что эти многочисленные дети, получающие сейчас наставления, будут молиться за них дома.

СИДОНСКАЯ ЖЕНСКАЯ СЕМИНАРИЯ.

В вышеупомянутом Годовом отчете о Сидонской семинарии говорится следующее: "Ею руководят мисс Джейкомбс и мисс Стейнтон, в ней обучается около двадцати пансионеров и шестидневных учеников. Пансионеры исключительно из протестантских семей, их отбирают в обычных школах во всех частях области, и они проходят подготовку к миссионерскому служению в качестве учителей и читателей Библии. Четверо из прошлогодних выпускников уже трудоустроены таким образом. Одна трудность на пути достижения истиной умов женщин в многочисленных деревнях страны будет частично устранена по мере дальнейшего развития результатов этой работы.

"За прошедший год в обеих этих семинариях произошли серьезные и обнадеживающие обращения.

"Работа достойна интереса, проявленного к ней Женскими советами миссий, а также обществами и отдельными членами церкви, которые сотрудничали в ней".

Сидонская семинария, как указывалось на предыдущей странице, была основана в 1862 году, и в ней работали четыре преподавателя-европейца и шесть преподавателей-носителей языка. Из последних один обучался в семье миссис Берд, один - в семинарии Шемлана, трое - в школе Сайдона и один - у миссис Уотсон.

Десять его выпускников были трудоустроены в качестве учителей, а восемь работают до сих пор.

Прилагаю список школ для девочек, которые сейчас или раньше были связаны с Миссией в Сирии.

Местонахождение.		Количество Учеников	Количество преподавателей	Когда открылся	
Бейрут,	дневная школа,	50	2	1834 г.	
"	Семинария,	50	10	1848 г.	
Сидон,	семинария,	20	3	1862 г.	
"	Дневная школа,	6	1	1862 г.	
Абейх,	"	60	1	1853 г.	
Дейр-эль-	"	50	2	1855 г.	Скоро

Комр,					возобновится.
Ghorify,	"	40	1	1863	Всех Друзы.
Эль-Хадис,	"	40	1	1870	
года Швифат,	"	70	2	1871	
г.Диббия,	"	20	1	1868	
г.Бхамдун,	"	30	1	1853	Прекращено.
Мешгара,	"	30	1	1869	года
					Мальчиков и
					девочек,
Айн-Ануб,	",	20	1	1870	и 60
					мальчиков.
Кефр Шима,	"	40	1	1856	Мальчики и
					девочки.
Рашейя эль-Фохар,	"	30	1	1869 г.	
Джедайда,	"	40	1	1870	
Эль-Хиям,	"	25	1	1868	
Ibl,	"	30	1868 г.	Дейр-Мимас,	
"	15	1	1865 г.	Кана,	
"	35	1	1869 г.	1869	
Гудит,		40	1	1865	
года Сафита,	"	30	1	1869	
Хамат,	"	30	1	1872	
Всего	23	801	36		

Таким образом, в общей сложности имеется двадцать три школы для девочек, помимо двадцати четырех школ для мальчиков, находящихся под опекой Миссии, и три школы, где учатся как мальчики, так и девочки. Я сохранил имя Бхамдун в списке из-за его исторических ассоциаций, но тридцать учениц, зачисленных в него, с лихвой окупятся в школе для девочек, которую вот-вот возобновят в Триполи под присмотром мисс Кип.

Общее количество девочек составляет около 800 человек, а количество учителей - 36. Общая стоимость этих двадцати трех школ, включая две семинарии в Бейруте и Сидоне, составляет около восьмидесяти тысяч долларов в год, включая арендную плату, зарплату пяти американским и английским леди и тридцати одному преподавателю-носителю языка.

Средняя стоимость обучения в обычных школах на месторождении Сидон составляет шестьдесят долларов в год, а на месторождении Ливан она варьируется от этой суммы примерно вдвое больше из-за того, что Дейр-эль-Комр и другие школы фактически являются средними.

Учителя на Сидонском поле, а также в Абейхе и Сафите являются выпускниками Сидонской семинарии.

Вполне вероятно, что мисс Кип откроет среднюю школу или семинарию для девочек в Триполи в следующем году.

Приведенный выше график может дать лишь слабое представление о борьбе и изнурении, терпеливых трудах, разочарованиях и испытаниях веры, через которые прошли женщины Американской миссии за последние сорок лет, открывая и поддерживая столь многие из этих школ для девочек в Сирии.

Говорил ли я о *испытаниях*? В миссионерской работе есть свои испытания, но я верю, что ее радости гораздо больше. Самыми печальными сценами, свидетелем которых я был за семнадцать лет пребывания в Сирии, были случаи, когда миссионеры были вынуждены *оставить работу* и вернуться на свою родину. Есть испытания, проистекающие из черствости человеческого сердца, нашего собственного недостатка веры, кажущегося медленного продвижения Евангелия и душераздирающих разочарований, возникающих из-за разбитых надежд, когда отдельные люди и сообщества, давшие хорошие обещания, снова возвращаются к своим старым ошибкам, "как собака к своей блевотине". Но гораздо легче говорить о радостях, о проповеди Христа погибающим, о труде там, где другие не будут трудиться, о закладывании основ для будущего, о чувстве, что ты делаешь все возможное, чтобы исполнить последнюю заповедь Спасителя, о том, что слово Божье переведено на новый язык, о том, что начинает расти христианская литература, о том, что дети и молодежь собираются в учебные школы и семинарии, и даже секты, которые ненавидят Библию, вынуждены учить своих детей читать ее, о том, что христианские семьи растут, любя Субботу и Библию, учение о Боге, святилище и семейный алтарь. — Тогда есть радость видеть души, рожденные в царстве нашего дорогого Искупителя, и церкви, основанные на земле, где чистое христианство прекратило свое существование, — и быть свидетелем непоколебимой стойкости посреди преследований и опасностей, и триумфа веры в торжественный час смерти.

Таковы некоторые из радостей, которые так густо усеивают путь христианского миссионера, что у него едва ли остается время думать о печали, испытаниях и унынии. Те, кто читал "Историю миссий в Восточных Церквях" доктора Андерсона и "Историю Сирийской миссии" преподобного Исаака Берда, или "Библейскую работу в библейских землях", увидят, что работа Сирийской миссии с 1820 по 1872 год была конфликтом с княжествами и державами, а также с духовным злом в высших и низших сферах, но что, наконец, седые крепости начинают шататься и падать, и раздается призыв к общему продвижению в каждом отделе работы и в каждой части страны.

С тех пор, как был заложен великий фундамент и одержаны первые великие победы, появились другие организации, и в их успехе должен радоваться весь народ Божий; но ветеранов, которые участвовали в первых битвах и преодолели великое национальное предубеждение сирийского народа против женского образования, всегда следует помнить с благодарностью.

Моей целью в этой небольшой книге было рассказать историю женской работы в прошлом. Кто может предсказать, каким будет будущее христианской работы для сирийских женщин?

Пусть это когда-нибудь будет работа, основанная на Слове Божьем, направленная на возвышение женщины с помощью доктрин и практики чистого христианства, стремящаяся

насадить в Сирии не легкомысленную культуру современного модного общества, но богобоязненную, любящую Субботу и читающую Библию культуру наших англосаксонских предков!

Несколько лет назад греческий священник по имени Иов из одной из отдаленных деревень высоко в горах Ливана навестил меня в Бейруте. Я провел несколько летних каникул в его деревне, и он иногда брал у нас арабские проповеди для чтения в греческой церкви, а теперь, по его словам, приехал посмотреть, что мы делаем в Бейруте. Я провел его по Женской семинарии и церкви, а затем по Библиотеке и Типографии. Он осмотрел прессы, паровую машину, набор и отливку шрифтов, складывание, шитье и переплетение книг, просмотрел огромные шкафы, заполненные арабскими книгами и Священными Писаниями, просмотрел все издания Библии и Завета, а затем молча повернулся, чтобы уйти. Я проводил его до внешних ворот. Он взял меня за руку и сказал: "С вашего позволения, я ухожу. Да благословит Господь вашу работу. Сэр, у меня есть мысль: мы все будем сметены, священники и епископы, греки и марониты, мусульмане и друзья, и ничего не останется, ничего, кроме Слова Божьего и тех, кто ему следует. Такова моя мысль. Прощай".

Пусть эта мысль поскорее осуществится! Пусть грубость, брутальность и презрение к женщине, которые характеризуют мусульманский гарем, уступят место утонченности, уму и взаимной привязанности, которые присущи христианской семье!

Пусть Бог пророчеств и обещаний ускорит время, когда варварство нусайри, лицемерие друзей, мусульманский фанатизм, еврейский фанатизм и номинальное христианское суеверие исчезнут под великолепными лучами восходящего Солнца Праведности!

Пусть "слава Ливана" будет отдана Господу в возрождении и освящении семей Ливана!

Слишком долго считалось правдой, что в деградации женщины "увядает цветок Ливана".

Вскоре мы можем сказать истинно восточными образами Песни Песней: "Пойдем со мной из Ливана, взгляни с вершины Аманы, с вершины Шенира и Хермона, из логовищ львов, с гор леопардов", — и узри в культуре женщины, в возрожденном обществе, в домашней привязанности, в христианской семье то, что в особом смысле является "источником садов, источником живой воды и ливанских потоков"!

"Не пройдет ли еще совсем немного времени, и Ливан превратится в плодородное поле?" Когда "поношение дочерей Сирии" будет снято, и когда среди зеар нусайрийи, хольвеев друзей, мечетей мусульман и шатров бедуинов можно будет услышать голос Христа, говорящий бедным женщинам арабской расы, усталым и изнемогающим под бременем жизни:

"Дочь, утешься,
Твоя вера спасла тебя,
Иди с миром!"

ГЛАВА О ДЕТЯХ.

ЧАСТЬ I.

Абейх, гора Ливан, сентябрь 1872 г.

Мой Дорогой Сын Вилли:—

Прошло уже восемь лет с тех пор, как вы покинули Сирию, и вы были тогда так молоды, что, должно быть, совсем забыли об этой стране и людях. Я часто обещал рассказать вам больше о сирийских мальчиках и девочках, о том, что они едят и во что одеваются, как они учатся, играют и спят, о песнях, которые поют им их матери, и о многом другом. И теперь я постараюсь выполнить свое обещание.

Вот маленький мальчик стоит у двери. Его зовут Асаад Мишрик, или "счастливый восход солнца", и это имя заслуженно, потому что он приходит каждое утро на рассвете с корзиной свежего спелого инжира, сладкого и холодного, покрытого искрящейся росой. Сегодня утром, когда он пришел, твой брат Гарри стоял у двери, задумчиво глядя на инжир, и я дала ему большой инжир, который очень внезапно исчез. Асаад - ясноглазый мальчик и каждый день помогает своей матери.

Когда он входит, он говорит: Субах кум биль кхире, "Доброе утро тебе". Тогда Асаф, повар, отвечает ему: "Юсаид Субахак", "Пусть Бог сделает счастливым твое утро". Если я выхожу, когда он здесь, он подбегает поцеловать мне руку, так как арабских детей учат уважать своих начальников. Когда маленький арабский мальчик заходит в комнату, полную пожилых людей, он обходит вокруг и целует руку каждому из них, а затем прикладывает ее к своему лбу. Асаад носит красную кепку на голове, свободную куртку и мастерки, которые похожи на синюю сумку, собранную вокруг талии, с двумя маленькими отверстиями для прохода ног. Они натянуты почти до колен, а ноги босые, так как он не носит чулок. Он носит красные туфли с заостренными носками. Когда он входит в дверь, он оставляет обувь снаружи, но не снимает кепку с головы.

Люди никогда не снимают своих шапок или тюрбанов, входя в дом или навещая друзей, но всегда оставляют обувь у двери. Причина в том, что их полы покрыты чистыми циновками, а в мусульманских домах мужчина становится на колени на свой коврик для молитвы и прижимается лбом к полу, так что было бы неприлично или неуважительно входить в грязной обуви и пачкать свой сиджади, на котором он стоит на коленях для молитвы. У них нет ковров для ног или скребков, и гораздо дешевле и проще оставить обувь, грязь и все остальное у двери. Иногда намочень неловко обращаться к сирийцам старого образца, поскольку они с ужасом смотрят на наши грязные ноги, и нам не так-то просто снять нашу европейскую обувь. Но это должно быть сделано, и лучше приложить немного дополнительных усилий и считаться с их чувствами и обычаями, чем показаться грубым.

Очень любопытно зайти в сирийские школы и увидеть груды обуви у дверей. Есть новые ярко-красные туфли, и старые рваные туфли, и коб-кобы, и черные туфли, а иногда и желтые туфли.

Коб-кобы - это деревянные сабо, сделанные для того, чтобы поднимать ноги из грязи и воды, с небольшим ремешком на носке, чтобы удерживать их на ноге. Вы часто увидите маленьких мальчиков и девочек, сбегаящих по ступенькам и мощеным улицам на этих опасных коб-коб. Иногда они поскальзываются, а потом падают носом вниз, и коб-кобы отлетают и стучат по камням, а маленький Али, или Юсеф, или как там его зовут, начинает кричать: "Я имме!" Я иммею! "О, моя мама!" - и плачет совсем как маленькие дети в других странах.

Но самое забавное - наблюдать за мальчиками, когда они выходят из школы и пытаются найти свои ботинки. Там будет пятьдесят мальчиков и, конечно, сотня туфель, все смешано в одну кучу. Когда занятия заканчиваются, мальчики устремляются к двери. Затем начинается перетягивание каната. Дюжина мальчишек стоят и шаркают ногами по куче обуви, смотрят вниз, отбрасывают другие туфли, натыкаются носками на свои, спотыкаются о коб-кобы, а затем бросаются вон из толпы. Иногда бьют по голениям, таскают за волосы, сбрасывают тарбуши, и за этим следуют громкие крики и проклятия, которые прекращаются только тогда, когда приходит муаллим со своим "Асой" или палкой и подавляет бунт. Этой куче обуви придется ответить за множество школьных драк, разбитые носы и обиды в Сирии. Вы бы удивились, как они могут отличить свою обувь. Я тоже. И мальчики часто стягивают обувь друг с друга по ошибке или нарочно, и тогда вы увидите, как Селим бежит в одной ботинке и с ботинком Ибрагима в руке, крича и проклиная отца и дедушку Ибрагима, пока не вернет свою потерянную собственность. Иногда, когда мужчины оставляют свою обувь за дверью дома, куда они заходят, кто-нибудь ее крадет, и тогда они оказываются в плачевном положении. Обувь считается очень грязной, и когда вы разговариваете в приличном обществе, никогда не стоит говорить о ней, не попросив прощения. Вы могли бы сказать: "На днях кто-то украл мои новые туфли, аджеллак Аллах", т.е. Да возвысит вас Бог над таким мерзким предметом! Вы бы использовали те же слова, если бы разговаривали с мусульманином и говорили о собаке, свинье, осле, девушке или женщине.

В Сирии невысокого мнения о девочках. Большинство людей очень сожалеют, когда рождается дочь. Они думают, что это ужасно, и бедная мать будет плакать так, как будто у нее вот-вот разорвется сердце. И соседи приходят и говорят ей, как им жаль, и соболезнуют вместе с ней, как будто они пришли на похороны. В Кесраване, районе на горе Ливан недалеко от Бейрута, у арабских женщин есть пословица: "Порог плачет сорок дней, когда рождается девочка".

Сейчас в Сирии происходят большие перемены в чувствах людей по отношению к девочкам, но во внутренних городах и деревнях, где еще не воссиял свет Евангелия и нет школ, до сих пор сохраняются древние представления о них.

Я знал старую сирийскую бабушку в Триполи, которая не целовала свою внучку в течение шести месяцев после ее рождения, потому что она родилась девочкой! Но я знаю другую семью в этом городе Триполи, где не обращаются с девушками подобным образом. Отец - мистер Антониус Янни, добрый христианин и член Миссионерской церкви. Он американский вице-консул, и на крыше его дома установлен высокий флаг, на котором развеваются звезды и полосы, отмечающие Четвертое июля, день рождения султана, день рождения королевы Виктории и другие великие праздники. Однажды, когда женщины Триполи услышали, что "у Ситт Кариме, жены Янни, родилась еще одна *"бунт"* (девочка), они пришли толпами, чтобы утешить ее в ее великом горе! Когда Янни услышал об этом, он не смог сдержаться. Он очень любил свою старшую дочь Феодору и был благодарен Богу за еще одну милую девочку, поэтому сказал

женщинам, что не потерпит в своем доме этого языческого траура. Затем он крикнул своему янычару или кавассу, седобородому старому мусульманину по имени Амр: "Амр, подними Бандайра эль Американийе (американский флаг), чтобы показать миру, как я рад, что у меня есть еще одна дочь". "На мою голову, на мою голову, сэр", - сказал Амр и пошел поднимать звездно-полосатый флаг. Теперь дворец паши находится недалеко, и вскоре турецкая стража увидела флаг и поспешила к паше с известием, что у американского консула был какой-то большой праздник, поскольку его флаг был поднят. Паша, предположив, что это какой-то важный национальный праздник американского правительства, о котором он был настолько глуп, что не знал, немедленно послал своего главного секретаря к мистеру Янни спросить, что это может быть за праздник? Янни вежливо принял его и заказал наргиле, кофе и шербет, и после того, как он снова и снова повторял "доброе утро", "да здравствуете вы вечно" и "Да продлит Бог ваши дни!" и желал, чтобы Доулет Америка когда-нибудь процветала, секретарь спросил, какой из великих американских праздников он отмечает в этот день. Янни рассмеялся и сказал: "Эффендум, ты знаешь, как много невежественных людей в Сирии настолько глупы, что скорбят и сокрушаются, когда Бог посылает им дочь, но я верю, что все Божьи дары хороши, и что дочерей следует ценить так же, как сыновей, и, чтобы осудить это глупое представление среди людей, я поднимаю свой флаг в знак радости и благодарности". "Себхан Аллах! вы поступили правильно, сэр"... был ответ секретаря, и он отправился к паше. Что сказал паша, я не знаю, но, вероятно, в тот день в большом дворце Триполи было больше проклятий, чем обычно, поскольку мусульмане считают рождение дочери особым судом Божиим.

Когда рождается мальчик, наступает великая радость. Ему присылают подарки, и люди звонят поздравить отца, и весь дом полон веселья и радости. Через несколько дней готовится изысканное блюдо под названием "Мугли", которое рассылается по округе в подарок всем родственникам. Его готовят из толченого риса, приправляют специями и сахаром и раскладывают по маленьким мисочкам, посыпая сверху миндалем и другими орехами. По одной такой маленькой мисочке отправляют каждому из друзей. Но когда рождается девочка, не бывает ни радости, ни раздачи подарков, ни приготовления вкусного "мугли".

Вот идут две маленькие девочки, неся глиняные горшки с молоком. Это бедные девочки, дочери двух наших соседей, феллахов или фермеров. Ни у одного из них нет ни обуви, ни чулок. Они носят простые синие платья из грубой хлопчатобумажной ткани, окрашенной в индиго, на головах у них порыжевшие тарбуши, а на голову наброшен маленький кусочек грязного белого муслина в качестве вуали, которой прикрывают лица, когда появляются мужчины. Один называется Лебеби, а другой Локунда, что означает *Отель*. Они ведут себя очень хорошо, когда приходят сюда, так как у них перед глазами стоит страх перед большой Ховаджей, но когда они бегают по дому, они часто используют ужасные выражения. У маленьких мальчиков и девочек в Сирии есть несколько ужасных ругательств, которые они постоянно используют. Я полагаю, что бедняжки не знают значения половины плохих слов, которые они используют. Одна из самых распространенных - "Иланбук", "проклинай своего отца!" Ее используют повсюду плохие люди, и дети постоянно используют ее в своих играх. Когда маленькие девочки приходят в наши школы и семинарии, проходит много времени, прежде чем они бросают "учебу". Один из наших друзей в Америке обучает милую маленькую девочку в Бейрутской семинарии, и несколько дней назад мыспросили о ней учительницу. Ответ был таким: "Она все еще лжет и ужасно ругается, но за последние два года ей значительно стало лучше, и мы воодушевлены ее поведением".

Иногда мальчик скажет другому илану абуку: "Будь проклят твой отец", а другой ответит: "Ва джиддак", "и твой дедушка", и тогда они будут перекликаться, как кошки с собаками. Я увидел мальчика-мусульманина недалеко от моего дома, который стоял на углу, прикрываясь от камней, которые бросал другой мальчик, и кричал: "ва джид, джид, джид, джид, джиддак", - "и твой пра-пра-пра-прадедушка", а другой мальчик убежал, крича на бегу: "и твой пра-пра-пра-пра-гр-е-ат", и больше я ничего не слышал. И потом, есть очень много очень непослушных и мерзких слов, которые употребляют дети, которые я не могу записать, и все же мы слышим их каждый день. Очень трудно удержать наших детей от их изучения, поскольку они говорят по-арабски лучше, чем мы, и часто усваивают выражения, значения которых не знают. Одна из наиболее распространенных привычек - использование имени Бога всуе. Имя Бога - Аллах, а "О Боже" - *Юлла*. Затем есть *Аллах* и *Бисмиллах*, "Во имя Бога", *Хамдлиллах*, "Хвала Богу", *Иншуллах*, "Если Бог пожелает". Самые ужасные клятвы - "Аллах" и "Биллах". Люди используют "*Юлла*" всегда и по всем поводам. Погонщики ослов и погонщицы мулов произносят "*Юлла*", когда ведут своих животных. Несколько лет назад один добрый человек из Америки, который боится Бога и не стал бы произносить его имя всуе, путешествовал по Святой Земле и прибыл в Бейрут. Когда он добрался туда, кто-то спросил его, выучил ли он что-нибудь по-арабски за время своего путешествия. Он сказал, что да, он узнал, что *Бахшиш* означает "подарок", а *Юлла* означает "продолжай". Его друг спросил его, часто ли он употреблял последнее слово по дороге. Он сказал, что, конечно, он использовал его всю дорогу. Его друг ответил: "Профессор, вы ругались всю дорогу по Святой Земле". Конечно, он этого не знал и не имел в виду ничего дурного. Но это показывает, что такие слова настолько часто используются в Сирии, что незнакомцы не считают их сквернословием, а также показывает, что путешественникам следует быть осторожными в использовании слов, которые они узнают от погонщиков мулов и моряков на арабской земле.

В некоторых частях страны маленькие мальчики и девочки так ужасно ругаются, что вам невыносимо находиться рядом с ними. Особенно среди нусайрийе, они думают, что ничему не поверят, если они не добавят клятву. Доктор Пост однажды упрекнул старого шейха за то, что он так часто употребляет слово "Аллах", и так горячо спорил по этому поводу, что мужчина пообещал никогда больше его не употреблять. Старик через мгновение повторил это. Доктор сказал: "Можете ли вы теперь пообещать мне, что больше не будете произносить "Аллах"?" Он ответил: "Аллах, я буду".

Иногда погонщик ослов теряет терпение из-за своего длинноухого зверя. Осел ляжет со своей ношей в глубокую грязевую яму или среди острых камней. Какое-то время мужчина будет пинать его, бросать в него камни, и, наконец, когда больше ничего не удастся, он отступит назад, сверкая глазами и подняв кулак в воздух, и закричит: "Да проклянет Аллах бороду твоего дедушки!" Я полагаю, что после этого осел всегда встает, то есть если погонщик мулов сначала снимает с него поклажу, а затем помогает ему, сильно потянув за хвост.

Я говорил вам, что одну из девушек, которые приносят нам молоко, зовут "*Локунда*", или *Отель*. Она представляет собой небольшой образец отеля, но поставляет нам более чистое и сладкое коровье молоко, чем многие шестиэтажные отели на Бродвее. Вы скажете, что это странное имя для девушки, но если вы остановитесь и подумаете о многих наших английских именах, вы тоже сочтете их странными. Здесь, в Сирии, у нас есть дом Волка, дом "Голубцов", Леопард Ховаджи, леди "Волчицы", и один из наших односельчан в Абейхе, где мы проводим лето, является Эман эд Дином "вероисповедания", хотя у него нет ни веры, ни вероисповедания.

Среди имен мальчиков - Селим, Ибрагим, Муса, Якоб, Ишок, Мустафа, Ханна, Юсеф, Али, Сайед, Ассаф, Джурджиус, Фаур и Аббас. Однажды я встретил мальчика в "Ливанских кедрах", которого называли Джидри, или "Оспа", потому что эта болезнь свирепствовала в деревне, когда он родился. Очень часто младенцев называют в зависимости от того, что происходит в мире, когда они рождаются. У моего друга в Триполи родилась дочь, когда американский корабль стоял в гавани, поэтому он назвал ее Америкой. Когда родилась еще одна дочь, в порту стоял русский корабль, поэтому он назвал ее Россией. В Сук-эль-Гурбе живет молодая женщина по имени Фетнех, или Гражданская Война, а ее сестру зовут Хада, или Мир. Недавно в Бейруте умерла пожилая леди по имени Фейнус, или Фонарь. В школе Бейрута есть и были девочки по имени Перл, Даймонд, Утренняя Заря, Дью, Роза, Только одна и Мэри Фли. Полное имя этой девушки Америки было Америка Вулвз, любопытное имя для сирийского ягненка!

Иногда детям дают имена, и если через несколько лет они заболевают, родители меняют их имена и дают им новые, думая, что первое имя им не подошло. Один друг рассказал мне, что в младенчестве он назвал своего сына Асаадом (или счастливее), но он был болезненным, поэтому они изменили его имя на Ахмед (Хваленый), и после этого ему стало лучше! Теперь он стал христианином и вернул себе свое первое имя Асаад.

Однажды я посетил человека в деревне Бруммана, у которого было шесть дочерей, которых он называл *Солнце*, *Утро*, *Зефирный бриз*, *Драгоценности*, *Агат* и *Изумруд*. Я знаю девушек по имени Стар, Бьюти, Шугар, Одноглазая и Кристиан Варвар. Некоторые имена красивы, например Лейла, Зарифех, Люлю, Сельма, Люсия, Мириам и Фереди.

Всех мужчин зовут Абу-некто; *то есть* отец кого-то или чего-то. Старого шейха Хассейна, в доме которого я живу, зовут Абу Аббас, *то есть* отец Аббаса, потому что его старшего сына зовут Аббас. Молодого парня из деревни, который вот-вот поступит на первый курс Бейрутского колледжа, в течение многих лет называли Абу Хабиб, или отец Хабиба, хотя у него вообще нет детей. Элиаса, дьякона церкви в Бейруте, звали Абу Насиф более пятидесяти лет, и, наконец, на старости лет он женился, и у него родился сын, которого он назвал Насифом, так что в конце концов он получил свое имя правильно. Они часто дают молодым мужчинам такие имена, и если у них нет детей, они называют их по имени сына, который у них мог бы родиться. Но они не назовут мужчину Абу Лулу или Абу Лейла. Если у мужчины дюжина дочерей, ему никогда не отзовут ни одну из них. Они "всего лишь девочки". Станный старик в Гурзузе однажды попытался назвать себя по имени своей дочери Селимех, но всякий раз, когда кто-нибудь называл его Абу Селимом, все феллахи смеялись так, что готовы были взорваться, а мальчики кричали ему: "Вон идет старина Абу Селимех", как будто это была отличная шутка.

Мусульмане и друзья обычно дают своим детям старые несмешанные арабские имена, но марониты, греки и протестанты часто используют европейские имена. Молодая леди по имени мисс Мейсон когда-то была преподавательницей в Сидонской семинарии и провела лето в горной деревне Дейр-Мимас. Одной из деревенских женщин понравилось ее имя, и она назвала свою дочь "мисс Мейсон", и если бы вы пошли туда, то услышали бы, как маленькие сорванцы Дейр-Мимаса кричат "Мисс Мейсон!". маленькой арабской девочке в синем платье и тарбушах.

Что за шум мы слышим внизу, в деревне, под большими ореховыми деревьями у фонтана? Он перекачивается, булькает, рычит и ревет так, что может напугать целую деревню, полную детей. Но маленькие арабские мальчики и девочки играют вокруг, а женщины наполняют свои

кувшины у фонтана, как ни в чем не бывало. Но, несмотря на все это, это ужасный шум. Это мычание верблюдов, на которых навьючивают тяжелую поклажу. Они стоят на коленях на земле, их длинные шеи раскачиваются и вытягиваются, как у удава. Эти верблюды - очень полезные животные, но мне всегда нравится наблюдать за ними на расстоянии, особенно в феврале месяце, потому что в это время они становятся "безумными, как мартовский заяц". Арабы называют их "тайш", и они часто жестоко кусают мужчин. В Хумсе один из них откусил мужчине всю макушку, а в Триполи другой откусил мужчине руку. Однажды я видел верблюда "тайш" в Бейруте, и он гнал перед собой весь город. Куда бы он ни приходил, с высунутым языком и обильной пеной изо рта, когда он рычал и ревел на улицах, люди бросали свои лавки и табуретки и в смятении убегали. Это было ужасное зрелище. Я ехал по городу и, увидев толпу и приближающегося ко мне верблюда, пришпорил свою лошадь и поскакал домой.

Когда верблюды связаны вместе в длинный караван с маленьким мышиного цвета осликом во главе фургона, на котором восседает длинноногий Бедави, который сидит в полудреме и курит свою трубку, вы могли бы подумать, что они самые ручные и невинные создания в мире, но когда они впадают в панику, они выходят из-под всякого контроля. Несколько лет назад через город Дамаск проезжало стадо верблюдов. Арабы гоняют верблюдов, как овец, сотни, а иногда и тысячи в стаде, и они выглядят достаточно неуклюжими. Когда это стадо вошло в город, что-то напугало их, и они бросились бежать. Только представьте бегущего верблюда! Что это, должно быть, было за зрелище! Сотни из них прошли по узким улочкам, сбивая с ног мужчин, женщин и ослов, опрокидывая лавочников и рассыпая их товары по земле, и многие люди получили сильные ушибы. Наконец плотник увидел, что они приближаются, и поставил поперек улицы бревно, которое остановило поток разъяренных верблюдов, и они бились друг о друга, пока все не оказались зажатыми вместе, и таким образом их владельцы закрепили их.

В августе 1862 года знаменитый вождь бедавинов по имени Мохаммед эд Духи из Хурана, к востоку от Иордании, восстал против турецкого правительства. Друзы присоединились к нему, и турки послали против них небольшую армию. В лагере Мухаммеда было несколько тысяч лучших арабских верблюдов, и они стояли в ряд позади тысяч его арабских и друзских всадников. За верблюдами шли женщины, дети, овцы, крупный рогатый скот и козы. Когда турецкая армия впервые открыла ружейный огонь, верблюды не вызвали особого беспокойства, так как они привыкли слышать звуки стрелкового оружия, но когда турецкий полковник отдал приказ стрелять из пушек, "корабли пустыни" задрожали. Загремела артиллерия, и бедные верблюды больше не могли этого выносить. Они совершенно обезумели от страха и разбежались по стране во всех направлениях в большей панике, чем при бегстве Быков. Некоторые спустились к Галилейскому морю, другие - к болотам Мерома, сотни - к Баниасу, древней Кесарии Филипповой, и далее на Запад до Дейр-Мимаса. Ничто не могло остановить их. Их языки были высунуты, глаза сверкали, и они продолжали идти. Феллахи ловили их на дорогах, как могли, и продавали соседям. Прекрасные верблюды стоимостью в восемьдесят долларов продавались по четыре-пять долларов за голову, а в некоторых деревнях жирных животных забивали и продавали на говядину. Некоторые из них приехали в Дейр-Мимас, где жили двое миссионеров. Протестанты сказали миссионерам: "Здесь продаются благородные верблюды за пять и десять долларов, не купить ли нам? Другие покупают". "Ни в коем случае", - сказали они им. "Это украденная или разбредшаяся собственность, ивы раскаетесь, если прикоснетесь к ним". Другие покупали и угощались верблюжьими бифштексами, верблюжьим супом и верблюжьим кибби, но протестанты к ним не прикасались. Через день или два турецкая кавалерия прочесала местность в поисках верблюдов, поскольку они были военной добычей.

Тогда бедные феллахи пожалели о том, что купили и съели верблюдов, потому что турки заставили их заплатить двойную цену за животных, а протестанты пришли к выводу, что "честность - лучшая политика".

Верблюд очень уверенно передвигается, но не может передвигаться по грязным и скользким дорогам. Арабы говорят: "верблюд никогда не падает, но если он упадет, то больше никогда не встанет". Они перевозят длинные бревна по Ливану, по крутым и каменистым дорогам, при этом бревна балансируют на вьючном седле, один конец которого вытянут вперед, а другой - сзади. Иногда бревно начинает раскачиваться, и верблюд падает с обрыва и разбивается вдребезги.

Арабы рассказывают, что однажды человек спросил верблюда: "Почему *твоя шея* такая кривая?" Верблюд ответил: "Моя шея? Почему ты спросил о моей шее? Есть ли во мне что-нибудь еще прямое, что заставило тебя обратить внимание на мою шею?" Это имеет значение, которое заключается в том, что когда у человека все привычки плохие, нет смысла говорить об *одной* из них.

Возможно, вы спросите, ели ли вы когда-нибудь верблюжатину? Конечно. Мы не получаем его в Бейруте, поскольку верблюды на морском побережье слишком дороги, чтобы использовать их в пищу, но во внутренних городах, таких как Хумс и Хамат, которые граничат с пустыней или, скорее, с великими равнинами, населенными десятками тысяч бедавинов, верблюжатина - обычный товар на рынке. Они забивают жирных верблюдов и молодых верблюжатят, которые сломали ноги, и иногда их мясо такое же вкусное, как бифштекс. Но когда они убивают старого, тощего, измученного верблюда, который много лет был вымазан смолой и тащился с тяжелым грузом из Алеппо в Дамаск, пока не превратился в то, что арабы называют "корзиной костей", а затем убивают его, чтобы спасти его жизнь, или, скорее, его говядину, мясо получается не очень нежным.

Арабское название верблюда "Джемель", что означает *красота*! Они называют его так, возможно, потому, что в нем нет красоты. Вы прочтете в книгах, что верблюд - это "корабль пустыни". Он очень похож на корабль, поскольку несет тяжелый груз по похожим на океан равнинам и "могильникам", или диким местам сирийских и аравийских пустынь. Он также подобен кораблю в том, что вызывает морскую болезнь у людей, которые едут на его спине, и потому, что от него исходит сильный запах смолы, как от корабельного трюма, который иногда можно ощутить на большом расстоянии.

ЧАСТЬ II.

Возможно, вы хотели бы как-нибудь прокатиться со мной и посетить некоторые миссионерские станции в Сирии. На чем вы поедете? Лошади смирные, но на осле вы чувствовали бы себя в большей безопасности. Иногда хорошо ездить верхом на мулах, но я предпочитаю оставить их в покое. Я ездил на муле всего один раз. Я был в Хасбейе и хотел посетить битумные колодцы. Моя лошадь была не в том состоянии, чтобы ездить верхом, поэтому я взял мула Монсура. У него было только джиллал, или вьючное седло, и Монсур сделал для меня стремяна из веревки. Мои спутники ушли вперед, и когда я тронулся в путь, мул горел желанием догнать их. Все шло хорошо, пока мы не приблизились к небольшому ручью, который впоследствии становится рекой Иордан. Земля опускалась, и дорогу покрывали рыхлые камни. Остальные члены нашего

отряда переходили ручей, и мул подумал, что он побежит рысью и догонит их. Я попытался удержать его веревочным недоуздом, но он покачал головой и помчался дальше. Примерно на середине спуска он споткнулся и упал плашмя на нос. Я перекинулся через его голову на руках, но мои ноги крепко держались в веревочных стремях. Видя, что он пытается подняться, я попытался снова сесть в седло, но едва я дотянулся до его головы, как он вскочил. Теперь я оказался в любопытной и не очень безопасной ситуации. Мул шел рысью, а я сидел у него на голове, держась за уши и крепко держа ноги в веревочных стремях. Маленький арабский мальчик проходил мимо с подносом с хлебом на голове, и я позвал его на помощь. Его так позабавил вид ховаджи в шляпе, скачущего с такой скоростью на голове мула, что он расхохотался, его поднос упал на землю, а арабский хлеб покатился по камням. Это была великая милость, что я не упал под ноги зверю, но я держался до тех пор, пока он не перешел на другой берег Иордана, когда с мельницы выбежал человек и остановил его. Теперь Монсур вел его за повод, и я благополучно добрался до битумных колодцев.

Ты можешь сесть на своего осла, Гарри поедет на другом, а я на своей лошади, и мы попробуем совершить путешествие по Сирии. Поскольку у нас нет времени добираться из Бейрута в Триполи по суше, я послал Ибрагима отвезти животных по берегу, а мы отправимся наверх на французском пароходе, прекрасном большом судне под названием "Ганг". Мы спускаемся в Кумрук, или Таможню, и там маленькая арабская лодка доставляет нас на пароход. В плохую погоду это очень опасно выходить на пароварки, а иногда и маленьких лодок перевернулась, но в эту ночь никакой опасности. Вы находитесь на палубе парохода. Какой очаровательный вид открывается на Бейрут и гору Ливан. Далеко на оконечности мыса находятся новые здания Сирийского колледжа, а рядом - Прусская больница, а затем протестантский прусский институт диаконисс, в котором обучаются 130 сирот и 80 платных учеников. Здесь есть дом доктора Томсона, доктора Ван Дейка и доктора Поста, и турецкие казармы, и школа миссис Мотт, и наша прекрасная церковь с башенными часами, и вы можете услышать, как часы бьют шесть. Затем рядом с церковью находится Женская семинария со 100 ученицами и Паровой печатный станок, где ежегодно печатается так много книг и Священных Писаний на арабском языке. Эти высокие кипарисы растут на Миссионерском кладбище, где похоронены Плиний Фиск, Илай Смит, и мистер Уайтинг, и очень много маленьких детей. Рядом находятся дома доктора Блисса, доктора Льюиса и наш дом, и вы можете увидеть мечети, и минареты, и купола, и красные черепичные крыши, и красивые арочные коридоры, и зеленые деревья во всех направлениях. Вы видите красивые фиолетовые оттенки на Ливанских горах, когда заходит солнце? Разве не стоит совершить долгое путешествие, чтобы увидеть эту высокую вершину, позолоченную и окрашенную пурпуром, розовым и желтым, когда солнце опускается в море?

Какой шум поднимают эти лодочники! Сомневаюсь, что вы когда-нибудь слышали такой крик раньше.

Теперь вы можете представить, что ложитесь спать в кают-компании этого огромного парохода, и мы отчаливаем. Якорь поднимается с лязгом, с лязгом, когда огромный цепной трос заводится двигателем donkey, и теперь мы отчаливаем бесшумно и плавно. Примерно за пять часов мы прошли пятьдесят миль и снова бросили якорь в гавани Триполи. На рассвете триполийские лодочники обходят пароход. Мы находимся в двух милях от берега, и дует сильный северный ветер. Давайте поторопимся и сойдем на берег, пока ветер не усилился до шторма, поскольку эти северные ветры очень свирепы на сирийском побережье. Вот подходит Мустафа, старый

лодочник, и умоляет нас взять его фелюку. Мы выглядываем из-за борта парохода и видим, что его лодка большая и чистая, и соглашаемся взять ее за двенадцать пиастров, или пятьдесят центов, за всех нас и наш багаж. Тогда подбегают другие лодочники, кричат, проклинают и пытаются уговорить нас сесть в их лодки, но мы ничего не говорим, проталкиваемся сквозь них и спускаемся по ступенькам в лодку. Белые колпачки перекатываются, и лодка мелко танцует. Мустафа поднимает большой треугольный парус, Али садится за руль, и одним-двумя взмахами весел мы разворачиваемся по ветру и несемся к берегу. Мина (порт) перед нами, этот белый ряд домов на мысе; а позади, среди садов, находится город Триполи. Менее чем через полчаса мы достигаем берега, но прибой такой высокий, что мы не можем приблизиться к пирсу, поэтому они направляются к песчаному пляжу, и, прежде чем мы достигаем его, лодка натывается на небольшую отмель, и мы останавливаемся. Оттуда выпрыгивают лодочники, а с берега подбегают полуголые носильщики и каждый кричит нам, чтобы мы ехали на берег у него на плечах. Они с легкостью понесут тебя и Гарри, но я всегда стараюсь держаться на плечах этих грубых парней. На берегу есть Ибрагим с нашими животными и два мула для поклажи. Мы возьмем кровати, подстилки, кухонные принадлежности, провизию и палатку. Ибрагим купил хлеб, картошку, рис, семя (арабское масло), мазок (фарина), свечи, немного сахара, соли и других предметов первой необходимости. Мы примем приглашение тети Энни позавтракать, и тогда все будет готово для начала.

Что случилось с теми парнями в темной комнате? Они что, на рокерах? Они продолжают раскачиваться взад-вперед и кричать во весь голос все одновременно, а сбоку сидит слепой старик с длинной палкой в руках. Все они сидят на полу и держат в руках книги или жестяные карточки. Это мусульманская школа, и мальчики учатся читать и писать. Все они учатся вслух, и старый слепой шейх так хорошо знает их голоса, что, когда кто-то прекращает заниматься, он замечает это и протягивает свою длинную палку в ту сторону, пока мальчик не начинает снова. Когда к нему подходит мальчик для декламации, он должен кричать громче остальных, чтобы шейх мог различить его голос. Там дерутся два мальчика. Шейх не может и не будет допускать драк в своей школе, и он призывает их к себе. Они начинают кричать, брыкаться и звать своих матерей, но это бесполезно. Шейх Мохаммед наведет порядок. Ложись, Махмуд! Махмуд ложится, а шейх берет палку, похожую на лук, с привязанным к ней шнуром, и обматывает шнуром свои лодыжки. Скрутив шнур как можно туже, он берет свою палку и бьет Махмуда по подошвам ног до тех пор, пока лицо бедного мальчика не становится почти черным от криков и боли. Затем он точно так же служит Салеху. Это *бастинадо*, о котором вы слышали и читали. Когда миссионеры открыли обычные школы в Сирии, учителя использовали бастинадо без их ведома, хотя мы никогда не допускаем ничего подобного. Но мальчики так плохо себя ведут и так сквернословят друг с другом, что терпение учителя часто совершенно истощается. Я слышал об одной школе, где учитель пригласил посетителя послушать, как мальчики декламируют, а затем предложил поколотить всю школу, от самого большого мальчика до самого маленького, чтобы показать, как хорошо он управляет школой! В мусульманских школах не используют алфавит. Мальчики начинают с Корана и заучивают *слова наизусть*, не зная букв, из которых они состоят.

Навстречу нам идут двое молодых людей. Они тоже отличные ребята. Одного зовут Юргиус, а другого Леопольд. Когда они были маленькими мальчиками, они однажды очень позабавили меня. Мистер Янни, поднявший свой флаг в связи с рождением Барбары, отправил своего сына Джурджиуса и племянника Леопольда в школу старика по имени Ханна Тоома. Этот старик всегда спал днем, и мальчики не очень хорошо учились, когда он спал. Однажды я был в доме

Янни, когда мальчики возвращались домой из школы. Они были в приподнятом настроении. Один из них сказал своему отцу: "Наш учитель проспал всю вторую половину дня, и мы назначили комитет мальчиков обмахивать его веером и отгонять мух, пока остальные спускались на корт поиграть, а когда он шевелился, мы все замолкали, пока он снова крепко не засыпал". Но когда он *все-таки* проснулся, он взял большой "Аса" и бил направо и налево, и задал порку каждому мальчику в школе. Отец спросил, но почему он выпорол их всех? Потому что он сказал, что знает, что некоторые из нас поступили неправильно, и он был полон решимости наказать того, кто прав, поэтому выпорол нас всех!

Посмотрите на груды фруктов на улицах! Виноград и инжир, арбузы и гранаты, персики, груши, лимоны и бананы. В другое время года у вас есть апельсины, *сладкие лимоны*, сливы и абрикосы. Здесь каждую неделю в течение года на деревьях растут свежие фрукты. Сейчас мы проходим мимо лимонадного киоска, где по центу за стакан продается лимонад со льдом, охлажденный снегом с вершины горы Ливан высотой 9000 футов. Виноград стоит около цента за фунт и столько же инжир, а в марте вы можете купить пять апельсинов или десять сладких лимонов за цент. Огромные арбузы стоят около восьми-десяти центов за штуку. Мы покупаем так много фунтов молока, масла, картофеля и древесного угля. Опунция, или субир, - восхитительный фрукт, хотя и покрытый острыми шипами. В нем много твердых крупных древесных семян, но люди очень любят этот фрукт. Шейх Насиф эль Язиджи был известным арабским поэтом и ученым, и однажды молодой человек принес ему стихотворение, которое нужно было исправить. Он сказал ему позвонить через несколько дней и забрать это. Он пришел снова, и шейх сказал ему. "Ваше стихотворение похоже на опунцию миссионера!" "Опунция миссионера?" - спросил молодой поэт. "Что вы имеете в виду?" "Ну, - сказал шейх, - доктор ... миссионер, когда он впервые приехал в Сирию, перед ним поставили блюдо с опунциями. Не любя есть семена, он начал их выковыривать, и когда он выковырял все семена, ничего не осталось! Итак, ваше стихотворение. Вы попросили меня удалить ошибки, и я обнаружил, что, когда я удалил все ошибки, ничего не осталось".

Самое время начинать. Мы проедем по апельсиновым садам и увидим, как сочные фрукты пригибают деревья почти к земле. Осторожно прокладывайте себе путь сквозь толпу мулов, вьючных лошадей, верблюдов и ослов, нагруженных ящиками с фруктами, спешащих в Мину на пароход, который сегодня вечером отправляется на Север.

Вот Янни со счастливым улыбающимся лицом выходит нам навстречу. Мы спешимся и поприветствуем его. Он расцелует нас в обе щеки и настоит на том, чтобы мы зашли к нему домой. Дети рады видеть вас, а Ситт Кариме спрашивает, как поживают "сохраненные Богом"? то есть *дети*. Потом малыши подходят поцеловать мне руку, а я, Антониус, старая бабушка, подходит и очень ласково приветствует нас. Так было не всегда. Когда-то она была очень враждебна к миссионерам. Она считала, что ее сын совершил ужасный поступок, когда стал протестантом. Хотя она когда-то любила его, она ненавидела его и ненавидела нас. Она постилась, давала обеты, молилась Пресвятой Деве и святым и била себя в грудь в агонии из-за своего сына. У нее были брат и еще один сын, которые были похожи на нее, и все они преследовали Янни. Но он терпеливо переносил это, не сказав ни одного дурного слова в ответ на все их оскорбления. Наконец брат Ишок заболел. Им Антоний принес изображения, надел их себе на голову и позвал священников. Он сказал: "Мать, убери этих идолов. Отошли этих священников. Скажи моему брату Антонию, чтобы он пришел сюда, я хочу попросить у него прощения". Пришел Янни. Ишок сказал ему: "Брат, твоя доброта и терпение сломали меня. Ты

прав, а я ошибаюсь. Я скоро умру. Ты простишь меня? "Да, и пусть Бог простит и благословит тебя тоже". "Тогда принеси свою Библию и почитай мне. Почитай о каком-нибудь *великом* грешнике, который был спасен". Янни прочел об умирающем разбойнике на кресте. "Прочти это еще раз! Ах, это мой случай! Я - главный из грешников". Каждый день он заставлял Янни читать и молиться вместе с ним. Он любил говорить об Иисусе и в конце концов умер, веря в Спасителя! Дядя Михаэль тоже заболел и на смертном одре не захотел видеть ни священника, ни картины и заявил всем людям, что верит только в Спасителя, которого Янни так любил и которому так хорошо служил. После этого Им Антониус смягчилась, и теперь ей нравится слушать, как Янни читает Библию и молится.

Слуга сейчас принесет шербет, сладкоемясо и арабский кофе в маленьких чашечках величиной с яичную скорлупу. Вы заметили, как блестят мраморные полы? Их натирают и полируют, и за чистотой следят трудолюбивые женщины, которых вы видите сейчас в таких великолепных нарядах. Эти милые дамы принадлежат к акабир, или аристократии Триполи, но они очень добросовестно выполняют свои домашние обязанности. Но, увы, они не умеют ни читать, ни писать! И вряд ли во всем этом городе с населением в 16 000 человек найдется женщина, умеющая читать или писать! Однажды я присутствовал на собрании приглашенных гостей в одном из богатых домов Триполи, и в большой комнате было тридцать триполитанских дам, одетых в самом элегантном стиле. Я думаю, вы никогда не видели такого великолепия. Они были одеты в шелка, атлас и бархат, расшитые золотой нитью и жемчугом, на руках и шеях у них были золотые браслеты и ожерелья, усыпанные драгоценными камнями, а на головах - венки из золота и серебра, сверкающие бриллиантами и благоухающие свежими цветами апельсина и жасмина. Многие из них были красивы. Но ни один из них не умел читать. Маленькие мальчики и девочки тоже одеты в том же богатом стиле, что и представители более богатых классов, и сейчас они начинают учиться. Многие маленькие девочки, которые учились в здешней школе Сади тринадцать лет назад, сейчас являются главами семей и знают, как читать Евангелие.

Заходит Ибрагим и говорит, что нам нужно поторопиться, если мы хотим добраться до Халбы и переночевать. Итак, мы прощаемся с семьей Янни. Мы говорим им: "Будьте хатеркумами". "По вашему желанию", и они говорят "Ма эс Саламе", "с миром". — Затем они говорят: "Бог облегчит вам путь", и мы отвечаем: "Мир вашим жизням". Теперь Сайед, погонщик мулов, говорит своим мулам "Дих, Ооах", и мы едем дальше по каменистым тротуарам и под темными сводами города, на восток. Мы пересекаем мост через реку Кадиша, проходим через рынок пшеницы и ячменя и выходим из ворот Тиббанех, среди мусульман, маронитов, бедавинов, Нусайрийе, цыган и греков, которые покупают и продают среди караванов Хамат и Хумс.

Видишь тех мальчиков, которые играют у каменной стены? Они ловят скорпионов. Они наносят немного воска на палочку и засовывают ее в отверстия в стене, и скорпионы запускают свои когти в воск, когда их легко вытаскивают, и мальчикам нравится играть с ними. Укус скорпиона не смертелен, но он очень болезненный, что-то вроде укуса полудюжины шершней.

Сюда приходит группа греческих священников с греческим епископом Аккара. Все священники - сирийцы, но епископ из Греции и почти не знает арабского. Священники очень невежественны, потому что их обычно выбирают из числа самых низших слоев населения.

Когда бывший греческий епископ умер в Триполи в 1858 году, его мертвое тело было облачено в золотую ткань, с золотой короной на голове, а затем труп был водружен на стул посреди греческой церкви с непокрытыми лицом и руками, чтобы все люди могли его видеть. Все пальцы

были черными и распухшими, но мужчины, женщины и дети столпились, чтобы поцеловать их. Когда тело перевезли из города в Дейр-Кефтин, в трех милях от него, греческие горцы толпой спустились вниз, чтобы получить благословение от трупа. И как, по-вашему, они получили благословение? Они напали на носильщиков и сбили куски гроба, а затем стащили покров и разорвали его на куски, сражаясь за него, как голодные волки. Несколько человек были ранены. После погребения они выкопали землю на некотором расстоянии вокруг могилы и унесли ее, чтобы использовать в качестве лекарства. Маленькая девочка принесла ко мне домой обрывок епископского носового платка, услышав, что кто-то заболел, и сказала, что если мы сожжем его и разведем пепел водой, то мгновенно выздоровеем.

У сирийцев есть много историй о своих священниках, над которыми они смеются, и все же они повинуются им, какими бы невежественными они ни были. Абу Селим из Мины часто рассказывал мне такую историю: "Однажды жил священник, который не умел считать. Это было для него большим испытанием, так как у греков так много постов и застолий, что приходится все время считать, иначе попадешь в беду. У них длительный пост, называемый *Сума-эль-кебир*, и иногда он длится почти шестьдесят дней. Однажды начался пост, и священник так часто совершал ошибки, что пошел к епископу и попросил его научить его как-нибудь считать дни до праздника Пасхи. Епископ сказал ему, что на это уйдет сорок дней, и дал ему сорок зернышек "хумуса", или гороха, сказав, чтобы он клал их в карман и выбрасывал по одному каждый день, а когда все они закончатся, объявлять праздник! Это был счастливый план для бедного священника, и он продолжал добросовестно выбрасывать по одной горошине каждый день, пока однажды не отправился в соседнюю деревню. Переходя ручей, он упал со своего осла в грязь, и его черная мантия была сильно испачкана. Добрая хозяйка дома, где он спал, сказала ему, чтобы он снял халат, и она почистит его ночью. Поэтому, когда он уснул, она встала и дочиста вымыла его, но, к своему огорчению, обнаружила, что уничтожила горошины в кармане священника. - Бедный священник, - сказала она, - он растерял в дороге весь горошек, который ел на обед! Но я возьму ему это. Поэтому она подошла к своему глиняному кувшину, взяла большую двойную горсть хумуса, положила его в карман священнику и больше ничего не сказала. Он продолжал свой путь и неделями каждое утро выбрасывал горошину. Наконец, кто-то из его феллахов услышал, что праздник начался в другой деревне, и рассказал священнику. Невозможно, сказал он. Мой карман еще наполовину полон. Приходили другие и спрашивали: "Вы заставите нас поститься весь год?" Он только ответил: "Посмотри в мой карман". Ты мудрее епископа? Наконец кто-то пошел и сказал епископу, что священник заставлял свой народ поститься в течение двадцати дней после положенного срока. А потом история просочилась наружу, и бедная женщина рассказала, как она наполнила карман, и епископ увидел, что бесполезно пытаться научить мужчину считать.

Посмотрите на жнецов в поле и женщин, убирающих после них урожай, точно так же, как это делала Руфь много тысяч лет назад! С этой стороны находится "домик на грядке с огурцами".

Теперь мы снова спускаемся к морскому берегу, и справа от нас раскинулась великая равнина Аккар, ровная, как пол, и покрытая полями индийской кукурузы и хлопка. По нему разбросаны стада и арабские лагеря с черными палатками. Вот мальчик-пастух, играющий на своей "зиммаре", или свирели, сделанной из двух связанных вместе тростинок с отверстиями. Он играет на нем час за часом и день за днем, когда ведет своих овец, коз или крупный рогатый скот по равнине или через горы. Тебе это нравится не больше, чем ему понравился бы мелодеон

или пианино. Когда царь Давид был мальчиком-пастушком, он играл на такой свирели, бродя по горам Иудеи.

Теперь мы отворачиваем от моря и идем на восток, к Хальбе. Вскоре мы пересекаем реку Арка по узкому каменному мосту и проезжаем высокий холм под названием "Тель-Арка". Здесь жили аркиты, которые упоминаются в книге Бытия x: 17. Это было четыре тысячи двести лет назад. Какая цепочка деревень опоясывает эту равнину! Люди строят свои деревни на холмах для защиты и здоровья, но спускаются пахать, сеять и пастись свои стада на плодородную равнину. Теперь мы пересекаем небольшой ручей и смотрим вверх по ущелью, где на склоне холма напротив Хальбы стоит дом Ишока. Ишок и его жена Им Ханна выходят нам навстречу, и он помогает нам разбить палатку у большой смоковницы рядом с его домом. Мы разворачиваем палатку, соединяем шесть палатки, открываем пакет с палаточными булавками, берем молоток и, хотя дует сильный ветер, вбиваем колышки так глубоко, что не будет опасности их сдуть.

Абу Ханна, или Ишок, благородный христианин, один из лучших людей Сирии. Он очень много страдал ради Христа. Греки из деревни на холме пытались отравить его. Они наняли Нусайри Мугладжи, чтобы тот застрелил его. Ночью они вырубили его деревья и уничтожили его овощные плантации. Они пришли ночью, сорвали крышу с его дома и выстрелили в него насквозь, но не попали. Но мусульманин умоляет там всегда помогать ему, потому что он честный человек и помогает им в их бизнесе и счетах. Когда греки начали преследовать его, они сказали ему стрелять из ружья всякий раз, когда они будут подходить к его дому, и они придут и будут сражаться за него. Они даже предложили пойти и сжечь греческую деревню и положить конец этим преследованиям. Но Ишок им не позволил. Он сказал: "Мохаммед-бек, ты знаешь, что я христианин, не такой, как эти греки, которые лгут, крадут и убивают, но я следую словам Господа нашего Иисуса Христа, который сказал: "Любите своих врагов", и я не хочу причинять вред одному из них". Беги были поражены этим и ушли, убеждая его, что, если ночью будут еще какие-нибудь неприятности, пусть стреляет из своего ружья, и они немедленно приедут из Хальбы.

Я люблю этого хорошего человека Ишока. Его чистая жизнь, его терпение и мягкость проповедовали этим диким людям в Аккаре больше, чем все проповеди миссионеров.

Хочешь посмотреть, как я, Ханна, испеку хлеб к нашему ужину? Эта яма в земле, облицованная штукатуркой, - это печь, из которой вырывается пламя. Они нагревают его с шипами и чертополохом. Она сидит у духовки, положив рядом плоский камень, и лепит из комочков теста тонкие лепешки, похожие на вафли, размером с поля вашей соломенной шляпы. Теперь огонь догорает, и угли остаются на дне духовки, как если бы они были на дне бочки. Она берет одну тонкую вафлю в руку и кладет ее на гладкую стенку духовки, и по мере выпекания она сворачивается, но прежде чем она упадет на угли, она быстро вытаскивает ее и кладет на ее место другую. Какой сладкий и свежий хлеб! Он сделан из индийской кукурузы. Она называет его "хубс дура". Абу Ханна говорит, что сегодня вечером мы должны поужинать с ними. Они простые феллахи, и у них нет ни столов, ни стульев, ни ножей, ни вилок. У них есть несколько деревянных ложек и несколько тарелок. Но голодные путешественники и искренняя дружба сделают самую простую еду сладкой и приятной.

Ужин уже готов, и мы отправляемся в дом Абу Ханны, ибо он пришел сказать нам, что "все готово". Дом представляет собой одну низкую комнату, примерно шестнадцать на двадцать футов. Потолок, который вы видите, сделан из бревен, закопченных до черноты и блестящих,

как будто их покрыли лаком. Поверх бревен лежат плоские камни и колючки, на которые насыпана земля глубиной в фут. Зимой эту землю прикатывают тяжелым каменнымкатком, чтобы уберечь от дождя. Во многих домах семья, крупный рогатый скот, овцы, телята и лошади спят в одной комнате. Семья спит в приподнятой части комнаты, по краю которой расположено корыто, в которое они кладут ячмень для животных. Это "медхвад", или ясли, подобные тем, в которые был положен младенец Иисус. Теперь мы примем любезное приглашение Им Ханны поужинать. Все тарелки стоят на маленьком подносе на коврике посреди пола, а по краям разложены четыре горки хлеба. Для всех нас есть одна чашка воды, и у каждого есть деревянная ложка. Но Абу Ханна, как вы увидите, предпочитает есть без ложки. После того, как просят благословения на арабском, Абу Ханна говорит: "тефуддулу", что означает "угощайтесь сами". Здесь и кибби, и тушеная верблюдица, и похлебка Исава, и оливки, ирис, и инжир, запеченный в котлетах, и курица, отваренная на кусочки, и белый свежий сыр, и простокваша, и яичница.

Кибби - это арабский сливовый пудинг, пирог с мясным фаршем и ростбиф в одном флаконе. Его готовят путем растирания мяса в ступке с пшеницей, пока то и другое не превратится в мягкую кашу, затем заправляют орехами, луком и сливочным маслом и запекают или запекают в виде лепешек на огне. Доктор Томсон считает, что об этом блюде упоминается в Притче 27: 22: "Хотя ты растолкешь дурака пестиком в ступке среди пшеницы, все равно глупость его не покинет его". То есть положите дурака в каменную ступку Им Ханны с пшеницей и разотрите его в крошку, и он все равно останется дураком! Нужно что-то еще, кроме побоев, чтобы выбить дурь из глупых людей.

Вы видите, что для нас нет отдельных тарелок. Мы все выбираем себе разные блюда по своему вкусу. Абу Ханна хочет, чтобы вы попробовали "меджеддару", приготовленную из "одди". Она похожа на густой гороховый суп, но со своеобразным вкусом. Это то, из чего Иаков варил похлебку, когда искушал Исава и купил его право первородства. Я надеюсь, что вам это понравится, но мне нет. После семнадцати лет попыток я не могу насладиться этим, но Гарри съест все, что ему подадут, а маленькие арабские дети наслаждаются этим. Ты плохо управляешься с этой огромной деревянной ложкой. Вам лучше попробовать, как ест Абу Ханна. Многие лучшие люди, чем любой из нас, ели таким образом, и я полагаю, что наш Спаситель и его ученики ели так, как ест Абу Ханна. Он отламывает маленький кусочек тонкого, похожего на вафлю хлеба, складывает его треугольной ложкой, макает в рис или подцепляет им кусочек кибби, а затем съедает его вместе с ложкой! Им Ханна говорит, что, боюсь, этим маленьким мальчикам не понравится наша еда, поэтому она берет ложку и обмакивает кусочек курицы, подходит к тебе и говорит: "миншан кхатри", ради меня, съешь это, а ты открываешь рот, и она кладет это в него. Именно таким образом наш Спаситель обмакнул "соп" и вложил его в рот Иуды Искарота, чтобы показать ученикам, кто это был. Раздача соуса была обычным делом, и я не сомневаюсь, что Иисус часто раздавал его Иоанну, Петру и другим ученикам в качестве доброго жеста, когда они вместе ели.

Я, Ханна, чиню лампу. Это маленькое глиняное блюдце с выступом с одной стороны, с которого свисает фитиль. Фитиль только начал дымиться, и она налила еще оливкового масла, и он снова ярко загорелся. Помните ли вы, что сказал пророк Исайя (42:3): "Надломленную трость он не сломит, и дымящийся лен он не погасит". Это цитируется в Евангелии от Матфея. 12 от Господа

нашего Иисуса. Слово "лен" означает "*фитиль*". По-арабски это "фетиле", и это именно то, чем занималась Им Ханна. Она увидела, что фитиль дымится и мерцает, и вместо того, чтобы задуть его и погасить, она принесла фляжку с маслом и осторожно налила в нее прозрачное оливковое масло, и вы увидели, как быстро разгорелось пламя. Итак, наш Господь хочет, чтобы мы учились у Него. Когда пламя нашей веры и любви почти погасло и не осталось ничего, кроме дымящегося мерцающего фитиля, Он не гасит его и поступает с нами сурово, но он приходит во всей мягкости и любви и изливает елей Своей благодати, и тогда наша вера возрождается, и мы снова живем.

ЧАСТЬ III.

Сюда идут несколько маленьких цыганских детей-бедавинов. Один смеется над моей шляпой. Он никогда раньше их не видел и называет меня "Абу Саттл", "отец Ведро", и удивляется, почему я ношу ведро на голове. Люди любят использовать слово Abû, [отец] или Im, [мать]. Они называют мускито Abû Fas, отцом топора. Сороконожка - это "Им Арба ва Арб-айн"; "Мать сорока четырех ног". Арабский поэт Харири называет *стол* "отцом собрания"; *хлеб* - "отцом приятности"; *пирог* - "матерью радости", *соль* - "отцом помощи", *мыло* - "отцом мягкости"; арабские поэты называют Смерть "Отцом Живых", потому что все живые подчиняются ему.

После завтрака мы отправляемся в Сафиту. Видите тот белоснежный купол на вершине холма! и еще один на следующем холме под тем огромным дубом, а потом еще и еще. Они называются Неби, или Зиарат, или Вели. В каждом из них есть одна или несколько гробниц святых Нусайри или шейхов, и бедные женщины посещают их, зажигают лампы и приносят обеты святым, которые, по их мнению, живут в них. Они ничего не знают о Христе, и когда они чувствуют грусть и беспокойство и хотят утешения, они входят в маленькую комнату под белым куполом и там взывают: "О Джафар и Тийяр, услышь меня! О шейх Хасан, услышь меня!"

Это точно так же, как старые ханаанские женщины поднимались и поклонялись на каждом высоком холме и под каждым зеленым деревом тысячи лет назад, а эти бедные Нусайрийе считаются потомками старых ханааниток.

Сюда приезжают мужчины на лошадях, чтобы посетить эту "зияру". Они поднимаются в маленькую комнату с белым куполом и все спешиваются. Старый шейх, который отвечает за них, выходит им навстречу. Они паломники и должны дать обеты и принести подношения. У одного из них был больной сын, и однажды он поклялся, что, если его сын выздоровеет, он принесет овцу и бушель пшеницы в жертву этому святилищу. Итак, на одной из лошадей сидит овца, а этот мул везет пшеницу. Если у старого шейха будет много таких посетителей, он разбогатеет. Некоторые из них так и делают. И все же люди смеются над этими святыми местами и рассказывают о них какие-то странные истории. Одна из историй такова:—

Давным-давно жил великий шейх Али, святой человек, который хранил святую гробницу древнего пророка. Гробница находилась на холме под большим дубом, и белый купол был виден на многие мили вокруг. В гробнице день и ночь горели лампы, и если кто-нибудь их гасил, они чудесным образом зажигались снова. Люди с воспаленными глазами приходили туда и исцелялись. Землю вокруг могилы унесли, чтобы использовать в качестве лекарства. Пришли женщины и привязали старые тряпки к ветвям дерева в качестве клятвы чудесному пророку.

Никто не знал имени пророка, но гробница называлась "Кобр эн Неби", или "гробница пророка". Над гробницей под куполом была расстелена зеленая ткань, и шейх продавал благовония тем, кто хотел исцелить своих больных или изгнать злых духов из своих домов. Паломники приезжали издалека, чтобы посетить святое место, и слава о нем распространилась по всей стране. Шейх Али становился богатым человеком, и все паломники целовали ему руку и просили благословения. Теперь у шейха Али был верный слуга по имени Мохаммед, который служил ему долго и хорошо. Но Мухаммеду надоело жить на одном месте, и он попросил разрешения отправиться на поиски своего созвучия в отдаленные края. Тогда шейх Али благословил его и подарил осла, который был у него много лет, чтобы он мог ездить верхом, когда устанет ходить пешком. Затем Мухаммед отправился в путь. Он прошел через города, поселки и деревни и, наконец, вышел к горам к востоку от Иордана в пустынном месте. Ни деревни, ни дома не было видно, и наступила ночь. Уставший, голодный и обескураженный бедный Мухаммед лег рядом со своим ослом на большую грудку камней и заснул. Утром он проснулся, и, увы, его осел был мертв. Он был в отчаянии, но его добрая натура не позволила бедному животному лежать там на съедение шакалам и стервятникам, поэтому он навалил на его тело кучу камней и сел, чтобы поплакать.

Пока он плакал, мимо прошел богатый хаджи или паломник, возвращавшийся из Мекки. Он был удивлен, увидев человека одного в этой глуши, и спросил его, почему он плачет? Мухаммед ответил: "О Хаджи, я нашел гробницу святого пророка и поклялся быть ее хранителем, но я в большой нужде. Хаджи поблагодарил его за новость, спешил, чтобы посетить святое место, и преподнес Мухаммеду богатый подарок. После того, как он ушел, Мухаммед поспешил в ближайшую деревню и купил провизии, а затем вернулся к могиле своего святого пророка. Хаджи распространил новость, и паломники потянулись к месту происшествия с богатыми подарками. Когда появились деньги, Мохаммед привел каменщиков и построил дорогую гробницу с высоким белым куполом, который был виден по ту сторону Иордана. Он жил в маленькой комнатке рядом с гробницей, и вскоре по ночам в гробнице начали появляться чудесные огни, которые Мухаммед зажигал, когда никого не было рядом. Его слава и богатство возросли, и гробница Пророка стала одной из величайших святынь страны.

Наконец шейх Али услышал о славе нового святого места в пустыне и, поскольку число его собственных посетителей начало уменьшаться, решил отправиться туда сам и удостоиться чести посетить могилу этого знаменитого пророка. Когда он прибыл туда со своими богатыми подарками в виде зеленой ткани, благовоний и денег, он молча склонился, чтобы помолиться в сторону Мекки, как вдруг узнал в святом хранителе гробницы своего старого слугу Мухаммеда. "Салам алейкум", - сказал шейх Али. "Алейкум эс Салам", - ответил Мухаммед. Когда он спросил его, как он попал сюда и как нашел эту гробницу, Мухаммед ответил: "Эта гробница - великая "сирр", или тайна, и мне запрещено разглашать эту тайну". "Но ты *должен* сказать мне, - сказал шейх Али, - потому что я тебе отец". Мохаммед отказывался, а Али настаивал, пока, наконец, Мохаммед не сказал: "Мой достопочтенный шейх, ты помнишь, что подарил мне осла. Это был верный осел, и когда он умер, я похоронил его. Это могила того осла!" "Машаллах! Машаллах!" - сказал шейх Али. Да будет воля Аллаха! Затем они вместе поели и выпили, и восстановили в памяти свою прежнюю жизнь, и тогда шейх Мухаммед сказал шейху Али: "Мой господин, поскольку я рассказал тебе о "сирре" могилы моего пророка, я хочу узнать твою тайну". "Невозможно, - сказал Али, - ибо это одна из древних тайн, слишком священная, чтобы быть упомянутой устами смертного". "Но ты *должен* рассказать мне, как я сказал тебе". Наконец старый шейх Али погладил свою белоснежную бороду, поправил белый тюрбан и прошептал

Мухаммеду: "А мое святое место - *могила отца этого осла!*" "Машаллах, - сказал Мухаммед, - да благословит Аллах бороду святых ослов!"

Люди рассказывают эту историю, которая показывает, что они высмеивают и презируют свои святые места, и все же слишком суеверны, чтобы отказаться от них. Самое замечательное в шейхах, которые их содержат, - это *пластры, которые* они получают от посетителей.

Когда мы поднимаемся на холм в Сафиту, вы видите высокий, красивый Бурдж, или башню крестоносцев, построенную, как и многие замки и башни, руины которых вы видите на здешних холмах, французами и англичанами восемьсот лет назад, чтобы сдерживать диких и непокорных людей. Протестантская церковь находится на востоке. Это две сторожевые башни. Одна была построена для воинов, которые сражались мечом и копьем, а другая - для простой евангельской войны. Можете не сомневаться, нам здесь окажут радушный прием. Близится закат, и люди возвращаются со своих полей, пастбищ и виноградников. Дауд, Никола и Михаэль, Сулейман, Ибрагим и Юсеф, Мириам, Рахиль и Неджми и толпы других, а также толпа маленьких оборванных мальчиков и девочек, выбегают поприветствовать нас. "Слава Богу, мы увидели вас в мире!" "Эхелан ва Сехелан", "Добро пожаловать!" "Будьте предпочтительнее!" "Почтите нас своим присутствием!" "Как ваше состояние?" "Иншуллах, у вас все хорошо!" "Как поживают те, кого вы оставили?" "Как дела у сохраненных Богом?" "Надеюсь, ты не устал от долгой поездки в этот жаркий день?" "Откуда ты пришел, с миром?" "Какой счастливый день сегодня для Сафиты!" - и мы отвечаем так быстро, как только можем, спешиваемся и ставим палатку перед дверью церкви, на маленьком участке земли рядом с домами некоторых братьев. Церковь построена из известняка кремового цвета, того же цвета, что и великий Бурдж, и сильно контрастирует с домами местных жителей. Вы когда-нибудь видели такие дома? Они едва ли достаточно высоки, чтобы в них можно было встать, и сложены из округлых валунов черного траппового камня, без извести, и выглядят так, как будто малейший толчок обрушил бы их все. В каждом доме всего одна комната, и здесь крупный рогатый скот, козы и ослы спят в одной комнате. Люди беднее, чем любые феллахи (крестьяне), которых вы когда-либо видели. В деревне нет ни стула, ни стола, за исключением семьи Бешур. Они единственные богатые люди здесь, и в прошлые годы они самым жестоким образом притесняли протестантов. Бешур затеял тяжбу с людьми из-за земли в деревне. Она принадлежала им, и он хотел ее заполучить. Поэтому он привел правительственных всадников, выгнал их с их земель и сам забрал урожай. Они думали, что попробуют новый способ добиться справедливости. Все правительственные чиновники были подкуплены, так что надежды не было никакой. Поэтому они решили обратиться в протестантизм и таким образом получить помощь. Они не знали, что такое протестантская религия, но имели некоторое представление о том, что это поможет им. Они отправились в Триполи к миссионерам со списком из трехсот человек, которые хотели стать англичанами или протестантами. Люди иногда называют нас англиз, или англичанами, другие называют нас "Бустрант" или "Бростант", но общее название - "Инджилиин", или люди Энджила, или евангелисты, то есть евангелисты.

Доктор Пост и твой дядя Сэмюэль приехали в Сафиту, чтобы разобраться в этом вопросе. Они обнаружили, что люди крайне невежественны и живут как скот, называя себя протестантами и ничего не зная о Евангелии. Поэтому они послали учителя и начали учить их. Когда люди обнаружили, что миссионеры пришли не для того, чтобы раздавать деньги, некоторые из них вернулись к грекам. Но другие сказали "нет"; эта новая религия больше, чем мы ожидали. Чем больше мы слышим, тем больше она нам нравится. Мы будем жить и умрем протестантами.

Тогда Бейт Бешур встревожился. Они сказали, что если у этих людей будет школа, учитель и они будут читать Библию, мы не сможем их угнетать. Их нужно держать в невежестве. Поэтому они начали всерьез. Протестанты были арестованы и отправлены в Дурайкиш в тюрьму. Женщины и дети были избиты. Жестокие всадники были расквартированы в их домах. Это означает, что грубый парень, вооруженный пистолетами и саблей, пришел в дом Абу Асаада и пробыл там две недели. Он заставлял их готовить цыплят, каждый день приносить яйца, хлеб и все, что он хотел, и приносить ячмень для его лошади. У бедняка не было ячменя, и ему приходилось покупать, а греки заставляли его платить за него двойную цену. Когда он больше ничего не мог добиться, его избивали, а жену оскорбляли, и так было почти в каждом протестантском доме. Они полюбили Евангелие, и мужчины, которые умели читать, собирались вместе, чтобы читать и молиться. Однажды вечером все протестанты собрались вместе в одном из домов. Их страдания были очень велики. Их зимние запасы были разграблены, оливки собраны в Бейт-Бешуре, и они разговаривали и молились о своей беде. Была темная, холодная, дождливая ночь, и дул сильный ветер. Пока они разговаривали, в комнату вбежал мужчина с криком: "Бегите, спасая свои жизни!" всадники здесь! Прежде чем они успели выйти, у дверей появился отряд негодяев дикого вида. Мужчины бежали, унося старших детей, а женщины - младенцев, и они ушли в пустыню в бурю и темноту. Несколько женщин были схвачены, привязаны веревками за талию к всадникам и отправлены за несколько миль в тюрьму. Пойманных мужчин заковали в цепи. Некоторое время спустя они снова вернулись домой. Но они не отказались от Евангелия. Бешур послал людей, которые сказали им, что они могут обрести мир, если только вернуться в греческую церковь. Но он предложил мир слишком поздно. Теперь они научились любить Евангелие, и оно было для них дороже всего на свете. Однажды ночью они собрались в маленьком низком черном домике, когда какие-то мужчины подошли к двери и бросили туда горящие пучки соломы, а затем закрыли дверь, так что они почти задохнулись от дыма. Они послали гонца в Бейрут. Дело было передано паше, и он телеграфировал, чтобы протестантов оставили в покое. Но Бешура ничто не волновало. Нусайри был нанят, чтобы застрелить Абу Асаада, ведущего протестанта. Его дом посетили днем, и мужчина увидел, где стоит кровать Абу Асаада. Ночью он прокрался на крышу, вырыл дыру и выпустил в это место три пули. Но посмотрите, как Бог защищает свой народ! В тот вечер Абу Асаад сказал своей жене: "Пол в углу становится влажным, давай перенесем кровать и циновку на другую сторону". Они так и сделали, и когда мужчина выстрелил, пули вошли в землю как раз там, где Абу Асаад спал прошлой ночью! Он выбежал, увидел убийц и узнал в одном из них слугу сына Бешура. На следующий день он пожаловался правительству, но они отказались его слушать, потому что он не привел свидетелей!

Но бедняки не сдавались. Каждый день они ходили на свои поля, неся Заветы за поясами, а в полдень читали и находили утешение. Их дети были полуголодными и полуголодными. Когда весть достигла Бейрута, местные протестантки собрались вместе и собрали несколько сотен пиастров (пиастр равен четырем центам) для женщин и девочек Сафиты. Они собрали тюк с одеждой и отправили вместе с ним очень трогательное и доброе письмо, в котором просили своих бедных преследуемых сестер терпеливо переносить свои испытания и всецело уповать на Господа Иисуса. О том, что помощь, вместе с кон-tributions, сделанные миссионерами и другими, в Beirût, дал им некоторое облегчение, и теплые слова сочувствия укрепили их сердца. Школа продолжала функционировать несмотря на все эти трудности. Один из мальчиков обучался в семинарии Абейха, а две девочки были отправлены в женскую семинарию Бейрута.

Вам было бы забавно увидеть этих девушек, когда они впервые приехали в Бейрут. Они прошли босиком от Сафиты до Триполи около сорока миль, а затем дядя С. отвез их в Бейрут. Он купил им обувь и нанял двух маленьких осликов, чтобы они катались верхом, но они предпочитали часть пути идти пешком, несли обувь в руках и бежали по песчаному пляжу во время прилива, далеко опережая животных. Я выехал им навстречу, и на них было жалко смотреть. Дядя С. ехал на жалкого вида лошади, а рядом с ним шли двое оборванцев из Сафиты, за которыми следовали две оборванные толстолицые девочки верхом на маленьких осликах. Девушки были почти сбиты с толку городскими достопримечательностями. Вскоре мы встретили карету, и они были так напуганы, что побледили, а их ослы были почти парализованы страхом. Одна из маленьких девочек, когда ее спросили, знает ли она, что это такое, сказала, что это ходячая мельница.

Первые несколько дней в школе они так скучали по Сафите, что несколько раз сбежали из дома. Они не могли вынести, когда их мыли, расчесывали и отправляли в турецкую баню, но хотели вернуться сюда, к козам, телятам и ослам. Однажды ночью они пошли в свою комнату и громко заплакали. Руфка, учительница, спросила их, чего они хотят? Они сказали, указывая на белые кровати: "Нам не нравятся эти белые вещи для сна. Мы не хотим оставаться здесь. Здесь нет телят и ослов, и в комнате так светло и холодно!" Люди здесь, в Сафите, думают, что скот помогает поддерживать тепло в комнате. Днем они жаловались на то, что устали сидеть на стульях за учебой, и хотели *встать и отдохнуть*. Одному было 11, а другому 12 лет, и это было в 1865 году.

Одна из них, Рахиль, через некоторое время заболела и была сильно обеспокоена своими грехами. Ее учительница Сара, которая спала рядом с ней, услышала, как она молилась и говорила: "О Господь Иисус, дай мне новое сердце! Я бедная грешница. Ты думаешь, что из-за того, что я из Сафиты, ты не можешь дать мне новое сердце? О Господь, *я знаю*, что ты можешь. Сжался надо мной!"

Кто эти чистые и хорошо одетые люди, выходящие из церкви? Наш дорогой брат Юсеф Ахтия, местный проповедник, и его жена Хадла, и Мириам, учительница школы для девочек. Юсеф - один из самых утонченных и милых молодых людей в Сирии. Какие у него ясные глаза и какое приятное лицо! Он тоже многое вынес ради своего Господина. В 1865 году, когда он оставил греческую церковь, он жил со своим братом в Бейруте. Брат выгнал его ночью из дома без постели и одежды. Он пришел ко мне домой и пробыл у меня некоторое время. Он сказал, что ему было тяжело, когда его выгоняли брат и мать, но он мог вынести все, ради Христа. Он сказал: "Я могу вынести проклятия, побои и потерю имущества. Но моя мать плачет и причитает надо мной. Она думает, что я еретик и потерян навсегда. О, это трудно выносить, "преследование слезами"!" Но Господь даровал ему благодать перенести это, и теперь он счастливый духовный наставник этой большой протестантской общины, и шейхи Нусейри смотрят на него с уважением, в то время как его брат-гонитель беден и болен и едва может прокормить своих детей.

Учительница Мириам - героиня. Ее родители были греками, но отправили ее в школу учиться читать. За короткое время она научилась читать Новый Завет, полюбила его и свято соблюдать субботу. Соблюдение субботы было чем-то новым для Сафиты. У нусайрийе вообще нет святого дня, а у греков их так много, что они не соблюдают ни один из них. Они работают, покупают, продают и путешествуют в субботу, как и в другие дни, и гораздо больше думают о некоторых

святых днях, чем о субботе. Когда Мириам было всего семь лет, ее отец сказал ей однажды субботним утром: "Пойди со мной в хурш (лес), чтобы нагрузить осла дровами". Она ответила: "Отец мой, я не могу пойти, это неправильно, потому что сегодня Божий день". Отец пошел без нее, и когда он рубил дрова, его осел заблудился, и ему пришлось несколько часов рыскать по горам, так что домой он добрался только к двенадцати часам ночи, да и то без всяких дров. Он сказал, что ему больше не следует ходить за дровами по воскресеньям.

Но через несколько воскресений наступил сезон сбора оливок, и мать Мириам сказала ей пойти с женщинами и девушками собирать оливки. Всю неделю они были на работе, и мать считала, что Мириам должна пойти в воскресенье вместе с остальными. Но Мириам сказала: "Разве ты не помнишь, что отец потерял осла, и что он сказал по этому поводу? Я не могу пойти". "Тогда, - сказала ее мать, - если ты не будешь работать, ты не будешь есть". - "Очень хорошо, имме, я не буду есть. Если я соблюду день Господень, Он сохранит меня". Мать ушла в оливковый сад, а Мириам отправилась на проповедь и в воскресную школу. Вечером, когда вся семья вернулась домой, Мириам прочитала Новый Завет и легла спать, не поужинав. На следующее утро она сказала: "Мама, теперь я готова собирать оливки. Разве я не говорил тебе, что Господь сохранит меня?"

После этого отец Мириам стал протестантом и позволил миссионерам отправить ее в семинарию в Сидоне, где она была лучшей девочкой в школе. Когда она поехала домой на каникулы в 1869 году, против протестантов начались новые гонения. Греческий епископ с толпой священников и отрядом вооруженных всадников прибыл в деревню, чтобы заставить всех протестантов вернуться к старой религии. Вооруженные люди приходили в протестантские дома, хватали мужчин и женщин и тащили их к большому Бурджу, в котором находится греческая церковь. Отец и мать Мириам были сильно напуганы и вернулись с ними к грекам. Затем они позвали Мириам. "Никогда, - сказала она епископу, - я больше никогда не буду поклоняться картинам и молиться святым. Ты можешь разрезать меня на куски, но я не сдвинусь с ними ни на шаг. Старый епископ повернулся и оставил ее одну. Рядом был человек по имени Абу Исбир, который был так напуган, что сказал: "Да, я вернусь, не бейте меня!" Но его жена, Им Исбир, не желала сдаваться. Она упрекнула своего мужа, схватила его за руку и фактически потащила обратно в дом, чтобы избавить его от стыда за то, что он отрекся от Евангелия. Он твердо стоял на своем и впоследствии объединился с Церковью.

А вот и Им Исбир. Бедная женщина, теперь она вдова. Ее муж умер и оставил ее с этими маленькими детьми, а прошлой ночью умерла ее ценная корова, и она в большом горе. Юсеф, проповедник, говорит, что она самый нуждающийся человек в Сафите. Можно было бы так подумать, судя по оборванному виду детей. Они похожи на детей в Восточной Турции, которых часто описывал мистер Уильямс из Мардина, чья одежда была такой рваной, что едва хватало ткани, чтобы *сделать бортики для дырок!* Они выкапывают корни в полях для пропитания, и время от времени соседи дают им немного своего кукурузного хлеба грубого помола. Греки говорят ей вернуться к ним, и они помогут ей, но она говорит: "Когда человек нашел свет, может ли он снова вернуться во тьму?" Юсеф хочет, чтобы мы вошли и сели, так как людям не терпится увидеть нас. Он живет в церкви по необходимости. Он не может снять дом в деревне, кроме этих темных, похожих на пещеры комнат с сырыми полами, и поэтому миссионеры велели ему занять половину церковного помещения. Занавеска разделяет его на две комнаты по воскресеньям

занавеска задергивается, его вещи складываются с одной стороны, и женщины и девочки сидят в этой части, в то время как мужчины и мальчики сидят с другой стороны. Все сидят на циновках на полу. Эта колыбель, подвешенная к кольцу в арке между двумя комнатами, хранится там по воскресеньям? Да, и когда я проповедовал здесь в июне прошлого года, ребенок Юсефа качался там на протяжении всего служения. Одна из женщин осторожно поддерживала его, дергая за веревку, которая свисала с него. Это нисколько не помешало собранию. Никто этого не заметил. По ночам они держат телят и коров, ослов и коз в своих собственных домах и достаточно сладко спят, так что раскачивание подвесной люльки внутри церкви вовсе не считается неприличным.

Видишь ту полку на стене? Это напоминает мне маленькую девочку по имени Мириам, которая однажды пришла к твоей тете Энни в Дейр-Мимас, чтобы спросить о сидонской школе, куда она собиралась поступить через несколько недель. Она сказала Мириам, что ее нужно будет каждый день тщательно мыть и расчесывать, и она будет спать *на кровати*. Тогда Мириам попросила разрешения взглянуть на изголовье кровати, так как не знала, что бы это могло быть. На следующую ночь, около полуночи, мать Мириам услышала, как что-то тяжело упало на пол, а затем детский плач. Она прошла через комнату и увидела Мириам, сидящую на коврике. - В чем дело, Мириам? - спросила она. Мириам сказала: "Мама, учитель сказал мне, что я должна спать на кровати в школе Сайдон, и я подумала, что мне стоит попрактиковаться заранее, поэтому я попыталась уснуть на полке и свалилась во сне!"

Абу Асаад говорит, что шейх Нусайри, арестованный несколько месяцев назад, был отравлен. Отравления раньше были очень распространены в Сирии. Если мы заходили в дом Нусайри и он приносил нам кофе, он сам делал глоток из чашки, прежде чем подать ее нам, чтобы показать, что она не отравлена. Однажды дядя С. и тетя А. были приглашены отобедать в Хумсе в доме дьякона церкви. Его мать - невежественная женщина и часто угрожала убить его. Когда они поели, им внезапно стало плохо, и они сильно пострадали от последствий этого. Было установлено, что мать подсыпала яд в еду, намереваясь убить своего сына, миссионеров и других приглашенных гостей, но по милости Божьей никто из них серьезно не пострадал.

Михаэль говорит, что в этом году у них собрана только половина урожая кукурузы, поскольку *саранча* пожрала вторую половину весной. Ты помнишь, однажды я прислал тебе в письме несколько крылышек саранчи. Когда они появляются в стране, паши, мудирь и Каймакамы отдают приказ людям выйти и собрать яйца саранчи, как только они начнут расселяться, чтобы зарыться в землю. Тело самки саранчи подобно икре рыбы, наполненной одной массой икринок. Каждый мужчина обязан принести столько-то унций этих яиц паше, чтобы их взвесили и затем сожгли. Портной из Бейрута принес целый мешок таких вещей, и так как было уже поздно, оставил их в своей мастерской на ночь и ушел домой. Несколько дней ему нездоровилось, а когда он снова пришел в свой магазин, открыл дверь, и тысячи маленьких черных прыгающих существ, похожих на бесенят, облаком бросились ему в лицо. Они вылупились в его отсутствие.

Эта земля опасна для лжи; в этих горах вокруг нас нельзя полагаться ни на одно слово, которое услышишь. Люди говорят, что в начале мира сатана спустился на землю с семью мешками лжи, которые он намеревался распространить по семи царствам земли. В первую ночь после того, как он достиг земли, он спал в Сирии и открыл один из мешков, выпустив ложь на волю. Но пока

он спал, кто-то пришел и открыл все остальные мешки! так что Сирии досталось больше, чем ей причиталось!

Один старик из Бейрута однажды сказал: "Сэр, вы должны быть осторожны с тем, во что вы верите и кому доверяете в этой стране. Если в мире есть двадцать четыре дюйма лицемерия, то в Сирии их двадцать три". Этот человек был уроженцем с большим опытом. Я думаю, он был довольно суров к своим соотечественникам. И все же люди прошли тяжелую подготовку. Все нусайрийе лгут. Они даже не притворяются, что говорят правду. Религия друзов учит людей, что правильно лгать всем, кроме друзов. Мусульмане лучше любого из этих двух классов, но они лгут, не краснея, и вы должны быть очень осторожны, веря им.

В маронитских и греческих сектах их священники говорят людям, что они могут прощать грехи. Когда человек лжет, или крадет, или делает что-то еще порочное, он платит несколько пиастров священнику, который дает ему то, что они называют отпущением грехов. Таким образом, люди могут делать все, что им заблагорассудится, без страха, поскольку священник готов простить их за деньги. Эти секты называют себя христианскими, но среди них очень мало христианства. Грек из Триполи однажды сказал мне, что в греческой церкви в Триполи нет человека, который не солгал бы, за исключением *одного* священника.

Покинув Сафиту, мы вернемся по другой дороге, перейдя прямо к морскому берегу, а затем вдоль побережья в Триполи. Вот маленькая убогая деревушка, и люди выглядят такими же убогими, как и сама деревня. Их соседи смеются над ними за их глупость и рассказывают следующую историю: у них в деревне нет колодцев, а маленького фонтана недостаточно для содержания их скота, поэтому они поят их из Раме, или пруда, который наполняется дождями и длится почти все лето. Однажды вода в Раме начала перебои, и между двумя кварталами деревни возникла ссора из-за того, какая часть должна иметь первое право на воду. В конце концов они решили разделить бассейн на две части, соорудив посередине изгородь из жердей. Это сработало очень хорошо. Одна часть поила их скот с одной стороны, а другая - с другой. Но однажды ночью в деревне произошел большой бунт. Несколько мужчин с северной стороны видели, как южанин набирал воду с северной стороны и выливал ее через забор в другую часть бассейна. Конечно, это не имело никакого значения, поскольку забор представлял собой всего лишь открытую решетку, но люди были слишком глупы, чтобы увидеть это, поэтому они долго дрались и били друг друга синяками.

В другой деревне, *Алейхе*, недалеко от Бейрута, люди раньше были настолько глупы, что арабы рассказывают, что однажды, когда облака поднялись из-за гор и осели, как слой тумана, под скалой, на которой построена их деревня, они подумали, что это море, и отправились ловить рыбу в облаках!

Итак, вы видите, что сирийцы так же любят юмористические истории, как и другие люди.

ЧАСТЬ IV.

Но вот мы натыкаемся на цыганский табор. Арабы называют их Новар, и вы обнаружите, что арабские женщины в деревнях старательно присматривают за своими маленькими детьми, когда поблизости находятся цыгане. Они часто крадут детей в городах, когда могут застать их уходящими из дома в сумерках, а затем продают их в качестве слуг в мусульманские семьи. В

прошлом году нас всех очень заинтересовала история подобного рода, которую, я знаю, вы будете рады услышать.

После ужасной резни в Дамаске в 1860 году тысячи греческих и греко-католических семей мигрировали в Бейрут, и среди них был человек по имени Халил Ферах, который избежал огня и меча вместе с своей женой и маленькой дочерью Захиди. Я хорошо помню, как однажды вечером в 1862 году мы были поражены, услышав, как по улицам ходит глашатай: "Потерялся ребенок! потерялась девочка!" На следующий день он пришел снова: "Потерялся ребенок!" Это вызвало большое волнение. Бедные отец и мать почти обезумели. Маленькая Захиди, которой тогда было около шести лет, возвращалась днем домой из школы с другими девочками, и они сказали, что пришел мужчина с мешком за спиной и сказал Захиди, что ее мать послала его купить ей сахарных слив, а потом отвезти ее домой, и она ушла с ним. Предполагается, что он заманил ее на какую-то проселочную дорогу, а затем положил в большой мешок и унес к арабам или цыганам.

Бедный отец не упустил ни малейшего шанса найти ее. Он написал в Дамаск, Александрию и Алеппо, описав девочку, и умолял своих друзей повсюду присматривать за ней и прислать ему весточку, если они ее найдут. На ребенке была одна отметина, по которой, по его словам, ее наверняка можно было отличить. Когда она была младенцем и кормила грудью свою мать, ее мать опрокинула маленькую чашечку с обжигающе горячим кофе на грудь ребенка, отчего та обожгла ее до волдыря, оставив шрам, который невозможно было удалить. Этот знак описал отец, и его друзья помогли ему найти маленькую девочку. Они отправились в лагерь цыган и осмотрели всех детей, но все напрасно. Отец путешествовал по суше и по морю. Услышав о маленькой девочке в Алеппо, которая не могла рассказать о себе, он отправился туда, но это был не его ребенок. Затем он отправился в Дамаск и Александрию и, наконец, услышав, что у французской графини в Марселе есть маленькая сирийская девочка-сирота, родители которой неизвестны, он послал в Марсель и обследовал девочку, но она была *не его ребенком*. Проходили месяцы и годы, но отец не переставал говорить и думать об этой маленькой потерянной девочке. Мать тоже была почти рассеянна.

Наконец забрезжил свет. Прошло девять лет, и жители Бейрута почти забыли историю о пропавшей девочке из Дамаска. Твой дядя С. и твоя тетя А. однажды сидели у себя дома в Триполи, когда Таннус, мальчик, принес известие, что мужчина и женщина из Бейрута желают их видеть. Они вошли и представились. Это были Халил, отец маленькой потерявшейся девочки, и его сестра, которые услышали, что Захида находится в Триполи, и приехали ее искать. Мать не могла выйти из дома.

Похоже, что местный врач из Триполи по имени шейх Айуб эль-Хашим был старым другом отца и знал семью и все обстоятельства исчезновения маленькой девочки, и в течение многих лет он искал ее. Наконец, однажды его позвали навестить больную служанку в семье мусульманина по имени Сайед Абдулла. Бедная девушка заболела из-за жестокого избиения мусульманином. Ее лицо и руки были покрыты татуировками в стиле бедавинов, и она сказала ему, что она бедавинская девушка, и живет здесь уже несколько лет, и зовут ее Ходра. Осматривая синяки на ее теле, он заметил странный шрам на ее груди. Он был поражен. Он посмотрел снова. Это был именно тот шрам, который так часто описывал ему его друг. Судя по ее возрасту, чертам лица и всему остальному, он был уверен, что она и есть потерянный ребенок. Он ничего не сказал, но вернулся домой и написал обо всем отцу в Бейрут. Он поспешил в Триполи, взяв с собой сестру,

поскольку, будучи мужчиной, не мог быть допущен в мусульманский гарем. Тогда возник вопрос, как сестра должна видеть девушку! Они пришли и поговорили с твоим дядей, и отправились к Янни и другим вице-консулам, и, наконец, узнали, что женщины из этой мусульманской семьи были искусны в изготовлении шелковой и золотой вышивки, которую они продавали. Поэтому его сестра решила пойти и заказать какую-нибудь вышивку и повидаться с девушкой. Она поговорила с мусульманками и с их бедной служанкой и дала им поручения принести ей образцы их работы, что дало ей возможность поговорить со служанкой. Она увидела шрам и убедилась в поразительном сходстве девочки со своей матерью, что это была давно потерянная Захиди.

Теперь отец принял меры, чтобы обезопасить свою дочь. Вице-консулы США, Пруссии, Англии и Франции направили турецкому паше объединенное требование о том, чтобы девушка была доставлена в суд для встречи с ее отцом и чтобы дело рассматривалось в Меджлисе, или городском совете. Мусульмане были теперь очень взволнованы. Они знали, что в их семьях было не менее двадцати девочек, похищенных таким образом, и если удастся вернуть одну, возможно, удастся и остальным, поэтому они решили сопротивляться. Они пригласили арабов-бедавинов присутствовать на суде и наняли их, чтобы они лживо поклялись. Когда привели девушку, отец был совершенно потрясен. Он мог видеть черты своего дорогого ребенка, но она была так изуродована татуировками бедавинов и жестоким обращением мусульман, что у него упало сердце. И все же он осмотрел ее и поклялся, что это его дочь, и потребовал, чтобы ее отдали ему. Теперь привели мужчин и женщин-бедавинов. Один из них поклялся, что он был отцом девочки, а женщина поклялась, что она была ее матерью. Затем несколько человек поклялись, что они были ее дядями, но было доказано, что они никоим образом не были связаны с тем, кто сказал, что он ее отец. Были вызваны другие свидетели, но они противоречили друг другу. Потом они спросили девушку. Бедняжка, ею так долго пренебрегали и над ней издевались, что она *забыла своего отца*, и мусульманки пригрозили убить ее, если она скажет, что она его дочь, поэтому она заявила, что родилась среди бедавинов и была мусульманкой по религии. Некоторым членам Меджлиса были переданы деньги, и в конце концов они решили, что девушка должна отправиться в мусульманский дом Дервиша Эфенди и ждать окончательного решения.

Бедный отец пошел теперь к консулам. Они составили заявление по делу и отправили его Генеральным консулам в Бейруте, которые направили совместную депешу Вали всей Сирии, проживающему в Дамаске, с требованием, чтобы, поскольку дело не могло быть рассмотрено справедливо в Триполи, девушку доставили в Бейрут для рассмотрения Специальной комиссией. Вали немедленно телеграфировал в Триполи, чтобы девушку первым же пароходом отправили в Бейрут. Мусульманские женщины сказали девушке, что пришел приказ убить ее и что ее должны посадить на пароход, как будто она направляется в Бейрут, но на самом деле они собирались бросить ее в море, и что, если она доберется до Бейрута живой, они разрежут ее на куски и сожгут! Итак, бедное дитя в совершенном ужасе взойшло на пароход и добралось до Бейрута в состоянии полного изнеможения. Когда она отдохнула, была сформирована Комиссия, состоящая из мусульманина кади Бейрута, который был исполняющим обязанности губернатора, политического агента Деленды Эфенди, греко-католического епископа Агабиуса, маронитского священника Юсефа и агента греческого епископа, а также всех членов Исполнительного совета.

Теперь привели ее отца, мать и тетю и усадили рядом с ней. Она отказывалась узнавать их и постоянно боялась получить травму. Затем Кади повернулся к ней и сказал: "Не бойся, дитя мое. Ты среди друзей. Не бойся людей, которые угрожали тебе. Никто не причинит тебе вреда". Кади-мусульманин, греко-католические священники и другие, таким образом, доброжелательно поговорив с ней, отец и мать рассказали историю о том, как маленькая девочка пропала девять лет назад и что у нее был шрам на груди. Шрам был осмотрен, и все начали чувствовать, что она действительно их собственная дочь. Девочка начала чувствовать себя более спокойной, и Кади сказала ей, что ее собственная мать хотела задать ей несколько вопросов.

Теперь ее мать подошла к ней и сказала: "Дитя мое, разве ты меня не помнишь?" Она ответила: "Нет, не помню". "Разве ты не помнишь, что *когда-то тебя звали Захиди*, и я звал тебя так, и ты жила в доме с маленьким двориком и цветами перед дверью, и что ты ходила с маленькими девочками в школу, и возвращалась домой вечером, и что однажды пришел мужчина и предложил тебе сахарные сливы, и увел тебя, и унес к арабам? Разве ты не узнаешь *меня*, мою *родную дочь*?" Бедная девушка задрожала, ее губы задрожали, и она сказала: "Да, у меня *было* другое имя. Я *был* Захиди. Я действительно ходил с маленькими девочками. О, я имме! Моя мама! ты *аге* моя мать", - и она бросилась к ней в объятия и заплакала, и мать заплакала и засмеялась, и кади-мусульманин, и муфтий, и священники, и епископы, и эфенди, и огромная толпа зрителей вытерли глаза и склонили головы, и наступила великая тишина.

Немного погодя Кади сказал: "Этого достаточно. Эта девушка- дочь Халиля Фераха. Сэр, возьмите своего ребенка, и да пребудет с вами Аллах!"

Отец вытер слезы и сказал: "Ваше превосходительство, вы видите эту бедную девушку, всю в татуировках и обезображенную. Вы видите, какая она невежественная и слабая. Если бы она не была моим ребенком, в ней не было бы ничего такого, что вызывало бы у меня желание взять ее. Но она мое собственное дорогое дитя, и, несмотря на все ее недостатки и немощи, я люблю ее". Затем весь Совет встал и поздравил отца и мать, и огромная толпа провожала их домой. Толпы людей пришли повидать ее и поздравить семью, и через некоторое время девочку отправили в школу-интернат.

Даже сейчас я с трудом могу вспоминать эту историю без слез, потому что думаю, как был бы рад снова заполучить своего ребенка, если бы он был потерян. И у меня есть еще одна мысль об этой маленькой потерянной девочке. Если этот отец любил свою дочь так, что искал ее, тратил деньги и годами путешествовал по суше и морю, пытаясь найти ее, и когда, наконец, он нашел ее, такую покинутую, несчастную и униженную, все же любил ее по-прежнему, потому что она была *его дочерью*, не думаете ли вы, что Иисус любит нас еще больше? Мы были потерянными, жалкими и покинутыми. Существо похуже, чем цыгане-бедавины, наложило свой отпечаток на наши сердца и нашу природу. Мы забрели далеко-далеко. Мы служили миру и забыли нашего дорогого Небесного Отца. Мы даже отказались принять Его, когда Он приблизился к нам. И все же Иисус пришел, чтобы выискать и спасти нас. И когда он нашел нас такими деградировавшими, грешными и изуродованными, Он все еще любил нас, потому что мы Его собственные дети. Не думаете ли вы, что маленькая заблудшая девочка из Дамаска была благодарна, когда добралась до своего дома, и ее любили и по-доброму относились к отцу, матери, родственникам и друзьям? И разве мы не должны быть очень благодарны, когда Иисус приводит нас домой, называет "дорогими детьми" и открывает нам небесные врата?

Эта история о потерянном дамасском ребенке напоминает мне песенку, которую женщины-марониты в Ливане поют своим младенцам в качестве колыбельной. История гласит, что дочь принца была похищена арабами-бедавинами и доставлена в их лагерь. Она выросла, вышла замуж за бедавинского шейха и родила маленького сына. Однажды в лагерь прибыла группа погонщиков мулов, продававших виноград, и она узнала в них людей из ее собственной деревни. Она не осмеливалась заговорить с ними, поэтому начала петь колыбельную своему малышу и жестом приглашала продавцов винограда подойти поближе, а когда бедавины не слушали, она пела им свою историю тем же тоном, что и колыбельную.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Спи, малышка, спи! сон такой сладкий и безмятежный,
Спи, мой арабский мальчик, мое маленькое бедавинское дитя!
В сторону от Когда-то я была счастливой девушкой,
продавщицей винограда, дочерью принца Абдуллы.
Играл с деревенскими служанками,
Приносил дрова и воду.
Внезапно бедавины
Унесли меня;
Одели меня в халат Аба
И заставили остаться здесь.
Спи, малыш, спи! сон такой сладкий и нежный,
Спи, мой арабский мальчик, мое маленькое бедавинское дитя!
В сторонке Вы, продавцы винограда, послушайте, что Я говорю.
Я был одет в богатый и веселый атлас.
Они забрали мои дорогие одежды,
И одели меня в грубую серую одежду Аба.
Я питался дорогими и редкими яствами,
А теперь сырое верблюжье мясо - моя пища.
Спи, малыш, спи! сон такой сладкий и безмятежный,
Спи, мой арабский мальчик, мое маленькое бедавинское дитя!
В сторону, О, продавец винограда, я умоляю тебя, услышь,
Иди, скажи моим дорогим маме и папе,
Что ты видел меня здесь сегодня.
Прямо возле Церкви, где живут мои родители,
бедавин украл меня в канун четверга.
Пусть придут люди и спасут свою сестру,
Пусть они придут с воинами смелыми и отважными,
Иначе я умру от горя и сойду в могилу.

Затем продавцы винограда расходятся по домам, и приходят воины, спасают ее и забирают домой.

Мы остановимся здесь на минутку и сделаем карандашный набросок этого арабского лагеря, но мы должны быть очень осторожны, чтобы они не увидели, как мы пишем. У них большой страх перед искусством письма, суеверная идея, что человек, который пишет или делает наброски в

их лагере, сочиняет какое-то заклинание, чтобы навлечь на них беду. Однажды я слышал о миссионере, который отправился переночевать в арабскую деревню. Все жители были маронитами и крайне невежественными. Он разбил свою палатку и сел отдохнуть. Вскоре вошла толпа грубых молодых людей и начала оскорблять его. Они потребовали бахшиш, очень грубо обращались с его постельными принадлежностями и кухонными принадлежностями и спросили, есть ли у него оружие. Он вспомнил об одном оружии и начал им пользоваться. Он достал карандаш и бумагу и начал набрасывать портрет главаря. Он пристально посмотрел ему в глаза, а затем быстро написал карандашом. Человек начал дрожать, медленно отступал и, наконец, крикнул своим товарищам, и все они ушли. Вскоре после этого они послали человека умолять мистера Л. не отрубать им головы! Их священники учат их, что протестанты обладают магической силой, и что они рисуют портрет человека и забирают его с собой, и если человек делает что-то, что вызывает их неудовольствие, они отрезают голову портрета, и голова человека отваливается! Мистер Л. передал им, что им лучше быть очень осторожными в своем поведении. Они больше не приставали к нему.

Вот мы и недалеко от Триполи, в монастыре *Священной Рыбы*. Какое красивое место! Это большое высокое здание с белоснежным куполом и огромный платан, стоящий у круглого бассейна с кристально чистой водой, создают прекрасную картину. Какая толпа мусульманских мальчиков! Они проделали долгий путь из Триполи, примерно в двух милях, чтобы покормить Священную Рыбу. Они представляют собой веселую компанию в своих красных, зеленых, синих, желтых, белых и фиолетовых одеждах, ярко-красных шапочках и обуви, а некоторые из них в белых тюрбанах. В праздничные дни они выходят поиграть на эту зеленую лужайку и покормить рыб. Старый шейх, который хранит это святое место, очень верит в этих рыб. Он говорит, что все они добрые мусульмане и населены душами мусульманских святых, и есть одна черная рыба, шейх святых, который не часто показывается зрителям. Здесь обитают сотни, если не тысячи рыб, напоминающих американскую плотву или голавля. Он говорит, что во время Крымской войны многие из тех, кто постарше, ушли под воду в Севастополь и сражались с русскими неверными, и некоторые из них вернулись ранеными. Люди думают, что если кто-нибудь съест эту рыбу, он немедленно умрет. Я *знаю*, что это ложь, потому что я пробовал это. Когда американский консул был здесь в 1856 году, его мусульманские спутники поймали несколько рыб и принесли их в дом мистера Лайонса. Мы приготовили их и съели, но сочли грубыми и невкусными. Это было шестнадцать лет назад, и мы еще не ощутили пагубных последствий.

У этой бедной женщины больной ребенок, и она пришла попросить шейха прочитать над ним Коран и вылечить его. Большинство сирийских врачей - невежественные шарлатаны, а у людей так много суеверий, что они предпочитают ходить к гробницам святых, а не обращаться к хорошему врачу. Сейчас в Бейруте есть медицинский колледж, и вскоре в Сирии появятся опытные врачи. Я знал в Думе старого египетского врача по имени Хадж Ибрагим, который был тщеславным парнем. Раньше у него шла кровь от всех болезней. Старик восьмидесяти лет умирал от чахотки, и хадж вскрыл вену и позволил ему истечь кровью до смерти. Когда мужчина умер, он сказал, что если бы он взял еще немного крови, старик бы выздоровел. Я был удивлен, когда однажды он пришел ко мне и попросил несколько американских газет. Я предположил, что он хотел завернуть в них лекарства, и дал ему несколько газет "Нью-Йорк Трибюн". Через несколько дней он пригласил нас отведать инжира и винограда на его винограднике, и мы остановились у него дома. Он сказал, что очень благодарен за документы. Они оказались очень полезными. Мне стало интересно, что он имел в виду, и я спросил его. Он показал мне банку в

углу, в которой он растворил бумажки в масле и воде в кашу и давал кашу людям как лекарство! Он сказал, что это сильное лекарство. Он предположил, что английские печатные буквы будут оказывать какое-то магическое влияние на болезни.

Один из юношей-мусульман носит короткое железное копье в знак того, что он собирается стать дервишем. Однажды доктор Де Форест оказался в мусульманской деревне, окруженный отрядом маленьких мусульман, у каждого из которых в руке было копье с железным наконечником. Мавританский шейх, или вождь, в течение примерно двух лет обучал местных мусульман обычаям их святых приверженцев, и в результате все мальчики стали дервишами, или мусульманскими монахами. Он был проницательным старым шейхом. Он знал, что истинный способ увековечить его религию - *это учить детей*. Он научил их мусульманским молитвам и земным поклонам, а также соблюдению определенных моральных правил. Как бы мы были рады, если бы эти мальчики подошли и сели рядом с нами, пока мы рассказываем им об Иисусе! Вот они идут. Посмотрите, как блестят их глаза, когда я говорю с ними. Они никогда раньше не слышали о Евангелии. Но я должен говорить тихо, поскольку приближается старый шейх, который смотрит на нас свысока, как на неверных собак! Возможно, когда-нибудь кто-то из них задумается над этими словами и доверится нашему Божественному Спасителю.

Многие люди, похоже, думают, что дом миссионера подобен пещере Адулам, где жил Давид (1 Цар. ххii: 2), когда "все, кто был в беде, и все, кто был в долгу, и все, кто был недоволен, собрались к нему". Очень трудно иметь дело с людьми, когда так много из них приходят к нам с неподобающими мотивами. Они приходят и говорят, что любят Евангелие, хотят наставлений и пережили гонения, как вдруг вы обнаруживаете, что они хотят денег, или быть защищенными от наказания, или получить должность, или выйти замуж за какого-нибудь неподобающего человека, или что-то еще неправильное.

Однажды шейх из Даннии в Ливане приехал в Триполи и объявил себя протестантом. Он был очень ревностным и хотел, чтобы мы почувствовали, что он слишком хороший человек, чтобы его отвергли, поскольку он был богат и происходил из знатной семьи. Он был вооружен небольшим арсеналом оружия. У него был слуга, который носил его ружье и трубку, и он приходил день за днем читать книги и беседовать о религии. Он сказал, что все, что ему нужно, - это защита американского консула, и тогда он обратит всю свою деревню в протестантов. Мы сказали ему, что не можем иметь ничего общего с политикой. Если он хотел стать христианином, он должен был взять свой крест и следовать за Христом. Он сказал, что это именно то, что он хотел сделать, только он хотел принести пользу делу, побуждая других следовать за Ним. Он казался очень серьезным, но в его поведении было что-то темное и таинственное, и мы боялись его. Теперь у арабов есть пословица: "*Ни одно дерево не срубается иначе, как одной из его собственных ветвей*", то есть рукоятью топора, и мы подумали, что только туземец может понять туземца, поэтому повели знаменитого новообращенного посмотреть на Янни. Он прошел в кабинет Янни, а мистер Л. и я сели в саду под апельсиновыми деревьями. Через несколько минут Янни позвал: "Входите, будьте любезны, ваши превосходительства! Я все выяснил. Я понимаю суть дела". Мы вошли и поднялись на платформу, расположенную рядом со столом в офисе. Кандидат от маронитов в члены церкви сидел, улыбаясь, как будто думал, что теперь его сразу примут. Янни продолжил: "Я точно понимаю суть дела. Этот человек - сын шейха из Даннии. Он находится в смертельной ссоре со своим отцом и братьями из-за собственности и говорит, что, если мы предоставим ему защиту американского консульства, он вернется домой, убьет своего отца и братьев, конфискует все

имущество, а затем приедет, присоединится к церкви и будет жить в Триполи!" Мы были поражены, но жестокий парень повернулся к нам и сказал: "Да, и тогда я обращаю всю деревню в протестантов, а если у меня не получится, то отрубите мне голову!" Мы сказали ему, что если он сделает что-нибудь в этом роде, мы постараемся, чтобы его повесили, и американское консульство не будет иметь к нему никакого отношения. "Очень хорошо, - сказал он, - я сделал вам *справедливое предложение*, и если вы его не примете, мне больше нечего сказать". Мы резко отчитали его и прочитали проповедь, которая ему не понравилась, потому что он сказал, что торопится, и очень вежливо пожелал нам доброго утра. Он был тем, кого я бы назвал адулламитом.

Греческий священник из деревни Барбара однажды отвел меня в сторонку, в уединенное место за своим домом, и сказал, что хочет поведать мне глубокую тайну. Он хотел стать протестантом и сделать протестантами всю деревню, но при одном условии: я куплю ему шляпу, пальто и панталоны, водружу флагшток на его дом и назначу его американским консулом. Я сказал ему, что вопросом о шляпе, сюртуке и панталонах он мог бы заняться с небольшими затратами, но я не имел права назначать консулов и устанавливать флагштоки. Тогда он сказал, что не может стать протестантом.

В 1866 году человек по имени Юсеф Керам восстал против правительства Ливана, был схвачен и сослан. В тот день, когда его привезли в Бейрут, ко мне домой зашел высокий, грубоватого вида горец. Помимо пистолетов и кортиков, он был вооружен мушкетом и шпагой. Усевшись, он сказал: "Я хочу стать англичанином и американцем". "Зачем?" - спросил я. "Только для того, чтобы я был удостоен почетной религии". "Ты что-нибудь знаешь об этом?" "Конечно, нет. Откуда мне знать?" "Неужели ты не понимаешь, что лучше не следовать религии, о которой ничего не знаешь?" "Но я могу научиться". "Откуда ты знаешь, что мы поклоняемся дьяволу?" "Неважно. Чему бы ты ни поклонялся, я буду поклоняться". Затем я спросил его, зачем он пришел. Он сказал, что служил в повстанческой армии, попал в плен, сбежал и снова воевал, а теперь боялся, что его расстреляют, поэтому хотел стать англичанином и американцем. Я сказал ему, что ему нечего бояться, поскольку паша даровал прощение всем. "Это так?" "Да, это так". Услышав это, он сказал, что у него есть дела, которые нужно уладить, и пожелал мне доброго вечера.

Но вам, наверное, надоест слушать об адулламитах. Если те, кто приходил к Дэвиду, были похожи на недовольных и должников, которые приходят к нам, он, должно быть, тоже устал. К нам приходит так много подозрительных личностей, что мы часто спрашиваем людей, когда они приходят, исповедуя большое рвение к Евангелию, не убивали ли они кого-нибудь, не крали ли, не ссорились ли с кем-нибудь? И не всегда легко узнать правду. Если в деревне пятьдесят человек становятся протестантами, возможно, пятеро или десять будут твердо стоять на своем, а остальные вернутся, и часто возвращаются все.

Но начинается дождь, и мы поспешим в Мину, в дом дяди С., где сможем отдохнуть после этого утомительного и поспешного путешествия из Сафиты. Ради вас я рад, что мы взяли с собой удобные постельные принадлежности. Нанять вьючное животное стоит на несколько пиастров дороже, но в конечном итоге это дешевле. Одно время я отправлялся в трудное путешествие и думал, что буду экономным, поэтому взял только свою лошадь и несколько вещей в моем хурдж или седельных сумках, с маленьким мальчиком, который показывал мне дорогу и заботился о моей лошади. Добравшись до деревни, я остановился у дома человека, который, как говорили,

был протестантом. Он жил самым жалким образом, и вскоре я понял по его сквернословию по отношению к своей семье и соседям, что он нуждался во всех проповедях, которые я мог ему преподать в тот вечер. В доме была только одна комната, и та была маленькой. К девяти часам мать и дети улеглись на циновку, чтобы поспать, а зашедшие соседи начали дремать. Я был очень утомлен долгой поездкой в жаркий августовский день и спросил у хозяина, где мне прилечь поспать. Он подвел меня к небольшому возвышению в задней части комнаты, где для меня была расстелена кровать. При тусклом свете масляной лампы я увидел, что постель и покрывало не были чистыми, но я слишком устал, чтобы тратить много времени на их разглядывание, и, постелив на подушку свой льняной носовой платок, попытался заснуть. Но этого нельзя было сделать. Ползучие твари, большие и маленькие, ползали по мне с головы до ног. В стене рядом с моей головой была дыра, и яркий лунный свет показывал, что происходит. Блохи, клопы, муравьи (привлеченные хлебом в моем хурдж) и, что еще ужаснее, полчища вшей покрывали кровать и мою одежду. Я больше не мог этого выносить. Собрав свои вещи и осторожно ступая по полу, чтобы не наступить на спящую семью, я подошла к двери. Но она была заперта на арабский замок и огромный деревянный ключ, и открыть ее можно было только сильным сотрясением и дребезжанием. Это, сопровождаемое скрипом петель, разбудило моего хозяина, который вскочил посмотреть, в чем дело. Я сказал ему, что решил продолжить путешествие при лунном свете. Был час ночи, и я продолжал скакать, такой усталый, что, когда в десять часов добрался до Джебаа, мне пришлось лечь спать. Я не мог оправиться от нашествия паразитов в течение нескольких недель.

Я знал миссионеров, которые путешествовали без кроватей, палаток или коек и проводили утомительные дни и бессонные ночи, будучи совершенно непригодными для своей великой работы проповеди людям. Если ты когда-нибудь вырастешь и станешь миссионером, я надеюсь, что ты будешь жить так просто, как сможешь, но будь осторожен со своим здоровьем и постарайся прожить как можно дольше ради людей, на которых ты работаешь, и Господа, который посылает тебя вперед. Для миссионера нехорошо экономить, становясь мучеником из-за изучения арабского языка, или из-за плохой еды, или изнурительных путешествий. Человек может покончить с собой за короткое время, если пожелает, на миссионерской почве, но он мог бы сделать это дома, не прибегая для этого к большим затратам, и, кроме того, миссионер отправляется не за этим. Он должен прожить как можно дольше. У него должен быть сухой дом в здоровом месте, хорошая еда и надлежащие удобства для безопасного путешествия.

Как приятно слышать этот нежный звон колокольчика! Давайте заберемся на крышу и прочитаем надпись на нем. "От маленьких учеников Субботней школы в Америке до Миссионерской церкви в Триполи, Сирия". Оно было отправлено в 1862 году детьми церкви на Четвертой авеню в Нью-Йорке, а также в Ньюарке, Сиракузах, Овего, Монтрозе и других местах.

Мусульмане ненавидят колокола. Говорят, колокола привлекают злых духов. Мы пока не можем устроить звоночек в Хумсе из-за мусульманской оппозиции. Они не пользуются колоколами, но на маленьких балкончиках вокруг высоких минаретов расставлены люди, называемые муэдзинами, которые пять раз в день призывают людей приходить на молитву. Они выбирают мужчин и мальчиков с высокими, чистыми голосами, и временами их голоса звучат очень нежно в тихом вечернем воздухе. Они говорят: "Нет Бога, кроме Бога". Это правда. Затем они добавляют: "и Мухаммед - Апостол Бога", а это неправда. Как сказал великий историк Гиббон, в этих словах содержится "вечная истина и вечная ложь".

Мусульмане обязаны молиться пять раз в день, где бы они ни находились. Дома, в своих магазинах, на улице или в путешествии, всякий раз, когда наступает назначенное время, они падают на колени и выполняют всю рутину молитв и земных поклонов. Однажды несколько мусульман навели нас в Триполи в восьмом часу дня (около 2 часов дня), и после того, как они некоторое время посидели, увлеченные беседой, один из них встал и сказал своим спутникам: "Я должен помолиться". Все они спросили: "Почему? Сейчас не время для молитвы". "Потому что, - сказал он, - когда я пошел в мечеть в полдень помолиться, у меня на ноге было чернильное пятнышко, и я заметил это только после того, как вышел, и, следовательно, моя молитва не имела значения. Я только что соскребу его и должен повторить свою полуденную молитву". С этими словами он расстелил свой плащ на полу, а затем, опустившись на него на колени лицом к Мекке, начал свои молитвы, в то время как его спутники развлекались разговорами о его церемониальной строгости. Один из них сказал мне: "Он думает, что он святой, но если бы вы могли заглянуть в его *нутро*, вы бы нашли его черным как смоль!" Он повернул голову, чтобы слышать, о чем говорят, и, закончив, оспорил замечание одного из них, сделанное во время молитвы. Такие люди поклоняются Богу своими устами, в то время как их сердца далеки от него.

Мусульмане испытывают большой ужас перед свиньями. Они считают нас варварами, раз мы едим ветчину или свинину. В феврале 1866 года мусульмане Бейрута соблюдали пост Рамадан. В течение целого месяца каждого года они не могут ничего есть и пить между восходом и заходом солнца и становятся очень сердитыми и раздражительными. В Хумсе некоторые мусульмане увидели собаку, грызущую кость в Рамадан, и убили ее, потому что она не соблюдала пост. Они постятся весь день и пируют всю ночь. Рамадан - действительно великий ночной праздник, но работающим людям трудно дождаться ночи, прежде чем начать праздник. Во время этого поста 1866 года в Бейрут приехал феллах-маронит, гнавший стадо свиней на рынок. В настоящее время из всех зрелищ в мире вид свиней является для ортодоксального мусульманина самым невыносимым, особенно в священный месяц Рамадан. Даже в обычное время, когда свиньи входят в город, мусульмане подбирают свои одежды, отворачиваются и кричат: "Хаб, хаб, хаб", "хаб, хаб, хаб", и если свиньи не спешат, "хаб, хаб, хаб" очень часто превращается в гвалт. 28-го числа того священного месяца большое стадо вошло в Бейрут по дамасской дороге. Мусульмане увидели их, и тотчас же толпа мусульманских юношей и юношей поспешила в бой. За несколько дней до этого маронит Юсеф Керам вошел в город под ликование маронитов. Эти свиньи, которых мусульмане называли "христианский ханзир", должны были встретить другой прием. Их гнев победил их предубеждения. Маронитские погонщики свиней были разогнаны, и все стадо с насмешливыми криками погнало вверх по Ассуру, забрасывая камнями и дубинками. "Ты, ханзир, ты, маронит, ты, керам, прочь отсюда!" и воздух зазвенел от криков, смешанных с визгом и ворчанием. Я увидел приближающуюся толпу. Он набирал силу по мере приближения к Баб-Якубу, где верующие в белых тюрбанах поднялись из своих лавок и конюшен, чтобы присоединиться к преследованию бегущих свиней. "Пусть Аллах сократит их дни! Будь проклята борода их деда! Будь проклят отец их владельца! Хаб, хаб! Аллах, избавь нас от их скверны!" - раздавались крики толпы, устремившейся вперед. Маленькие мальчики смеялись и хорошо проводили время, а мужчины выдыхали гнев и табачный дым. Увы бедным свиньям! Что с ними стало, я не мог сказать, но последнее, что я видел, была разъяренная толпа, загнавшая их в расположенный неподалеку хан Мухаеддин, где неизвестно, что с ними могло случиться. Я надеюсь, что они не украли свинину и не съели ее "потихоньку", как это сделали бедавины на горе Синай, которые выбросили окорока, которые

путешественники везли в качестве провизии, и заявили, что их верблюды не должны быть осквернены нечистым животным! Путешественники были *очень* возмущены такой потерей, но сочли, что это слишком плохо, чтобы оскорблять чувства правоверных мусульман, и больше ничего не сказали. Каков же был их ужас и ярость, когда на следующую ночь они услышали, что бедавинов видели готовящими и поедающими свои окорока в полночь, когда они думали, что их никто не увидит!

Все ли сирийцы курят? Почти все. Они говорят об этом как о "покуривании трубки, выкуривании сигары", и можно подумать, что они считают табак таким же необходимым для них, как вода. Старые и молодые мужчины, женщины и даже дети курят, когда работают или отдыхают, находясь дома или в путешествии, и измеряют расстояния с помощью своих трубок. Я путешествовал и спросил мужчину, далеко ли до следующей деревни. Он сказал, что примерно в двух трубках табака! Я обнаружил, что это почти час, или три мили. Жители Востока проводят так много времени за курением, что кто-то сказал: "Мусульмане пришли к власти с Кораном в одной руке и мечом в другой, но уйдут с Кораном в одной руке и трубкой в другой!"

Вот мы и на песчаном пляже. Какие мириады морских раковин и какие у них красивые цвета. А вот и бесчисленные губки, но они ничего не стоят. Там, в море, стоят маленькие шлюпы ловцов губок. Они находятся там все лето, и рыбаки ныряют в море, где глубина воды составляет от 100 до 200 футов, и ходят по дну, затаив дыхание, а когда они больше не могут этого выносить, дергают за веревку, которая обвязана вокруг талии, и тогда их товарищи вытаскивают их наверх. Живут они недолго, так как это очень тяжелый и неестественный труд. Иногда их убивают акулы или другие морские чудовища. Один из них рассказал мне, что однажды он был на дне и как раз собирался поднять красивую белую губку, когда увидел приближающегося к нему огромного монстра с огромными когтями, руками и огромными глазами, и он едва избежал того, чтобы его сожрали. В другой раз люди в лодке почувствовали внезапный рывок за веревку и, подтянувшись, обнаружили на ней только голову, руки и грудь человека, остальное его тело было сожрано какой-то крупной рыбой или морским животным. Губки растут на камнях, гальке или ракушках, и некоторые из них представляют большую ценность. Здесь трудно достать лучшие из них, так как компания, нанимающая дайверов, экспортирует все хорошее в Европу.

ЧАСТЬ V.

Пришло известие, что в Одессе холера, так что все русские пароходы, идущие в Бейрут, будут помещены в карантин. Провести неделю в бейрутском карантине будет неприятно, поэтому мы оставим наших вьючных животных и отправимся по суше. Это два долгих дня по девять часов каждый, и вы достаточно устанете. Попрощавшись с нашими дорогими друзьями здесь и пожелав им Божьего благословения в их трудной работе среди таких людей, мы отправляемся в путь! Янни, дядя С. и некоторые учителя немного проведут нас, согласно восточному обычаю, а затем мы спешимся, расцелуем их всех в обе щеки и продолжим наш монотонный путь вдоль побережья, иногда объезжая скалистые мысы, а затем по песку и гальке рядом с ревущим прибоем.

Посмотрите, сколько монастырей по бокам Ливана! Между Триполи и Бейрутом их около сотни. Мужчин, которые живут в них, называют монахами, они дают обет никогда не вступать в брак и проводят свою жизнь, поедая плоды трудов других людей. Им принадлежат почти все ценные

земли в этом горном массиве на протяжении пятидесяти миль, и феллахи живут в своих поместьях как "арендаторы по желанию". Когда мужчина ленив или неудачлив, если он не женат, его первая мысль - стать монахом. Они самые продажные и никчемные бродяги в стране, и вскоре должен наступить день, когда монастыри будут упразднены, а их собственность возвращена людям, которым она по праву принадлежит.

Сейчас мы едем вдоль телеграфных проводов. Кажется странным видеть телеграф Морзе на этом старом финикийском побережье, и это покажется еще более странным, когда мы прибудем в Бейрут, получать ежедневную утреннюю газету, напечатанную на арабском языке, с телеграммами со всех концов света!

В июле на телеграф в Бейруте пришла женщина и спросила: "Где находится телеграф?" Клерк, Юсеф Эфенди, спросил ее: "Кого вы хотите, Режиссера, Оператора или Кавасса?" Она сказала: "Мне нужен сам Телеграф, потому что мой муж прислал мне сообщение, что он находится в тюрьме в Захлахе и хочет, чтобы я поскорее приехала, а я слышала, что Телеграф принимает людей быстрее, чем кто-либо другой. Пожалуйста, сообщите мне стоимость проезда и пришлите мне как можно скорее!" Эфенди посмотрел на нее, снял с нее мерку и затем сказал: "Ты слишком высокая, чтобы пользоваться телеграфом, поэтому тебе придется ехать на муле". Бедная невежественная женщина ушла сильно разочарованная.

Другая пожилая женщина, чей сын был призван в турецкую армию, пожелала прислать ему пару новых ботинок, поэтому повесила их на телеграфный провод. Вскоре после этого подошедший путник с изношенными ногами снял новые ботинки и надел их, а на их место повесил свои старые. На следующий день пожилая леди вернулась и, найдя старые туфли, сказала: "Машалла, Мохаммед получил свои новые туфли и отправил обратно свои старые в ремонт".

Телеграф преподавал всему миру полезные уроки, и сирийцы извлекли из него один урок, который имеет огромную ценность. Когда они пишут письма, они используют длинные заголовки и цветистые приветствия, так что целая страница будет занята этими пустыми формальностями, оставляя лишь несколько строк в конце или в постскриптуме для важного дела. Но когда они отправляют телеграмму и им приходится платить за каждое слово, они опускают цветистые приветствия и отправляют только то, что необходимо.

Ниже приведен очень распространенный способ начала арабской буквы:

"В присутствии любящего и наиболее выдающегося, почтенного и простодушнейшего Ховаджи, почтенного, да продлится его пребывание!"

"После преподнесения драгоценных жемчужин привязанности, ароматных цветов любви и усиления чрезмерного стремления, после интимного присутствия света вашего роста в процветании, мы хотели бы сказать, что в самый благословенный и благоприятный час ваше драгоценное письмо оказало нам честь" и т.д.

Это стоило бы слишком дорого, чтобы отправлять по телеграфу. Драгоценные жемчужины и ароматные цветы стали бы дорогой роскошью по два цента за слово. Поэтому их нужно приберечь для писем, если у кого-нибудь найдется время их написать.

Вот мы и подошли к знаменитой реке Дог. Вы прочтете в книгах об этой реке и ее старинных надписях. Если вы не забыли латынь, вы можете прочитать урок латыни, который был написан здесь почти две тысячи лет назад. Там вы можете увидеть слова.

Имп. Цезарь М. Аврелий
Антонин Пий Феликс Август
Пар. Макс. Брит. Максимум. Микроб. Maximus
Pontifex Maximus
Montibus Imminentibus
etc. etc.

Этот император Марк Аврелий, должно быть, прорубил эту дорогу в скалах примерно в 173 году нашей эры. Но выше есть другая надпись, с иероглифами в виде стрелок, и несколько других табличек. Они ассирийские и египетские. Одна из ассирийских табличек была вырезана Сеннахерибом 2500 лет назад, а одна из египетских - Сесострисом, царем Египта, 3100 лет назад. Разве вы не чувствуете себя очень юными и ничтожными, глядя на такие древние памятники? Все эти люди привели сюда свои армии и обнаружили, что тропа вдоль высокого обрыва, нависающего над морем, настолько плоха, что они прорубили дорогу для своих лошадей и колесниц в твердой известняковой скале. Только подумайте, стоять там, где прошли Сеннахериб и Александр Македонский со своими армиями!

Какая крутая и узкая дорога! Мы спешимся и пройдем этот опасный перевал пешком. Не очень приятно встретить верблюдов и навьюченных мулов на таком головокружительном обрыве, когда вверху высокий утес, а далеко внизу ревущие морские волны! Хорошо, что мы спешили. Наши лошади боятся этих верблюдов, несущих на спине длинные бревна. Давайте свернем в сторону и подождем, пока они пройдут.

Вид этих верблюдов напоминает мне о том, что я видел здесь в 1857 году. Я спускался по побережью из Триполи и достиг вершины этого перевала, в самой узкой части, как раз в тот момент, когда караван верблюдов приближался с противоположной стороны. Я немного повернул назад и встал поближе к краю обрыва, чтобы пропустить верблюдов. Они были нагружены огромными холщовыми мешками с тибном, или нарезанной соломой, которые свисали с обеих сторон, так что невозможно было пройти мимо них, не пригнувшись очень низко. Как раз в этот момент я услышал голос позади себя и, оглянувшись, увидел пастуха, поднимавшегося по перевалу со своим стадом овец. Он шел впереди, и все они следовали за ним. Я крикнул ему, чтобы он возвращался, когда верблюды проходили через перевал. Он сказал: "Ма ахлайк", или "не утруждай себя", и пошел дальше. Когда он встретил верблюдов, они находились в самой узкой части, где вдоль края пропасти проходит низкая каменная стена. Он наклонился и ступил на узкую стену, все время окликая своих овец, которые шли гуськом за ним по пятам. Он сказал "тал, тал", "приди, приди", а затем издал пронзительный жужжащий крик, который был слышен сквозь рев волн, бьющихся о скалы внизу. Было удивительно видеть, как внимательно они следовали за пастухом. Казалось, они не замечали ни верблюдов с одной стороны, ни пропасти с другой. Если бы они сошли с узкой тропы, их либо раздавили бы тяжело нагруженные верблюды, либо они упали бы в темные воды внизу. Но они были полны решимости следовать за своим пастухом. Они слышали его голос, и этого было достаточно. Погонщики верблюдов кричали своим верблюдам, чтобы они не поскользнулись на этих

гладких камнях, но овцы не обращали на них внимания. Они узнали голос пастуха. Они и раньше следовали за ним через реки и заросли, среди скал и песков, и он всегда вел их в безопасности. Волны бились и ревели о скалы внизу, но они не боялись, потому что пастух шел впереди. Если бы одна из этих овец свернула в сторону, она потеряла бы опору под ногами, была бы уничтожена и привела бы все стадо в замешательство.

Вы знаете, почему я рассказал вам эту историю. Вы знаете, что Иисус - Добрый Пастырь. Он сказал: "Мои овцы слышат мой голос, и я знаю их, и они следуют за мной". Куда бы Иисус ни вел, нам идти безопасно. Сколько на свете мальчиков и девочек, которые думают, что знают лучший путь, чем тот, которым призывает их следовать Иисус. Со всех сторон раздаются "чужие" голоса, и многие дети сходят с пути Доброго Пастыря и отворачиваются в сторону, чтобы послушать, что они скажут. Если бы они действительно были агнцами из стада Иисуса, они любили бы Его и следовали бы за Ним в тишине и шторме, и никогда не прислушивались бы к голосу незнакомцев.

Однажды я путешествовал из Думы в Акуру, высоко на хребте Ливана. Был жаркий летний день, и в полдень я остановился передохнуть у фонтана. Сточные воды фонтана стекали в квадратную каменную бирку, или бассейн, а вокруг бассейна отдыхали несколько пастухов со своими стадами овец и коз. Пастухи пришли и поговорили со мной, и просидели, покуривая, почти час, как вдруг один из них встал и ушел, призывая свою паству следовать за ним. Все стада были перемешаны, но когда он позвал, его овцы и козы начали поднимать головы и вместе идти за ним. Он продолжал идти и звать, пока все его стадо не ушло. Остальные овцы и козы вели себя тихо, как будто ничего не произошло. Затем другой "Рай", или пастух, побежал в другом направлении, крича пронзительным голосом, и его овцы последовали за ним. Они узнали голос своего пастуха. Наши погонщики мулов все время разговаривали, но овцы не обращали на них внимания. Они знали один голос и не хотели следовать ни за каким другим.

Теперь мы поспешим в Бейрут. Вам захочется увидеть Женскую семинарию, Субботнюю школу, Паровой печатный станок и многие школы Бейрута, прежде чем мы снова отправимся в Абейх.

Здесь находится Женская семинария. Здесь сотни девушек изучают арабскую грамоту, географию, арифметику, грамматику, ботанику, физиологию и астрономию, а несколько изучают английский, французский и музыку. Но великое исследование - это Библия. Я боюсь, что очень немногие школы в Америке преподают столько Библии, сколько получают девочки в этой семинарии и Сидонской семинарии. Вы были бы удивлены, услышав, как девочки правильно произносят имена всех патриархов; царей и пророков Ветхого Завета, с указанием года, когда они жили, и даты всех важных событий истории Ветхого и Нового Завета, и Жизнь Христа, и путешествия апостола Павла, и пророчества о Христе в Ветхом Завете, а затем декламируют Катехизис всей Вестминстерской ассамблеи на арабском языке! Я раздал *сто двадцать* Библий и Сборников гимнов в качестве наград детям в школах Бейрута, которые в совершенстве выучили Краткий Катехизис на арабском.

Пять лет назад в школе жила девочка, которая когда-то была очень грубой и своевольной, и ее было очень трудно контролировать. У нее был бедный брат, прикованный к постели, который много лет был калекой и очень заботился о семье. В хорошую погоду они выносили его в сад и укладывали на скамейку под деревьями, а иногда его сестра приходила домой из школы и читала ему отрывки из Библии, которые он слушал с большим удовольствием. Вскоре после этого он умер, и за его сестрой послали, чтобы она приехала домой на похороны. Вернувшись

домой, она обнаружила большую толпу женщин, собравшихся со всего этого квартала города, которые, согласно восточному обычаю, визжали и причитали по поводу его смерти. Когда А. вошла маленькая девочка, одна из женщин из аристократической греческой семьи громко говорила, что любому человеку нехорошо переходить из дома скорби в другой дом, прежде чем отправиться домой, потому что тот, кто уходит из дома скорби, унесет с собой *дурное влияние*. А. выслушала, а затем смело высказалась перед семьюдесятью женщинами: "Как долго вы будете держаться за эти глупые суеверия? Бейрут - место света и цивилизации. Где вы можете найти подобное учение в Евангелии? Нам пора отказаться от подобных суеверий". Пожилая женщина спросила: "Где эта девушка научилась всем этим вещам? Воистину, она права. Все это суеверия, но они не умрут, пока *не умрем мы, старые женщины*". От А. потребовалось большое мужество, чтобы так смело высказаться, когда умер ее собственный брат, но все чувствовали, что она говорила правду, и никто не упрекнул ее.

Рядом с домом А. находится еще один красивый дом, окруженный садами и украшенный самым дорогим образом. Маленькая девочка из этой семьи посещала школу в 1867 году. Ее звали Фриди. Она была пансионеркой и самой воспитанной девочкой в школе. Однажды во время каникул ее мать подошла к Руфке и сказала: "Что ты сделала с моей маленькой дочерью Фриди? Она приехала домой в прошлую субботу со своей сестрой и сразу же взяла на себя всю заботу о маленьких детях, так что у меня не было с ними никаких хлопот. И когда наступила ночь, она уложила своих младших сестер спать и помолилась вместе со всеми, а затем утром она снова помолилась вместе с ними. Я никогда не видела такого ребенка. Она похожа на маленького ангела". Мать принадлежит к греческой секте, а маленькой девочке было всего двенадцать лет.

А вот история еще об одной суеверии феллахов и о том, чему маленькая девочка научила людей о них. Эта маленькая девочка по имени Л. отправилась со своим отцом провести лето в горную деревню, где у людей было странное суеверие по поводу дуба. Однажды она вышла прогуляться и подошла к большому дубу, который одиноко стоял на склоне горы. Вы знаете, что в древние времена хананеи ставили идолов под зелеными деревьями. Когда Л. добралась до дерева, она обнаружила, что земля покрыта мертвыми ветвями, упавшими с дерева. Сейчас в Сирии древесина очень дефицитна и дорога, а люди очень бедны, так что она удивилась, увидев, что древесина остается гнить на земле, и спросила людей, почему они не используют ее в качестве топлива. Они сказали, что не осмеливаются, так как дерево принадлежало Пророку Моисею, и он защищал дерево, и если бы кто-нибудь взял дрова, они *упали бы замертво*. Она сказала: "Моисей на небесах, а не живет на дубах, а если бы и жил, то он хороший человек и не причинил бы мне вреда за то, что я сжигаю старые сухие ветки". Поэтому она спросила их, можно ли ей взять дрова? Они сказали: "Да, если ты *осмелишься* взять это, потому что мы боимся к этому прикасаться". Тогда она подошла к дереву, собрала столько, сколько смогла унести, и отнесла это домой. Люди закричали, когда увидели ее, и сказали ей бросить это, иначе это убьет ее, но она пошла дальше, а потом вернулась и принесла остальное. Затем она поговорила с невежественными женщинами, и ее отец рассказал им о безумии их суеверий и прочитал им в Библии о Моисее, и они слушали с большим вниманием. Я часто думал, что хотел бы съездить в ту деревню и посмотреть, оставляют ли сейчас люди сухие ветки под дубом Моисея или используют их в качестве топлива во время сильных зимних снежных бурь.

ЧАСТЬ VI.

Вот мы и снова дома, в Абейхе. Здесь Асаад, Халил и еще несколько человек. Однажды я попросил Халила составить для меня список всех игр, в которые играют мальчики в Абейхе, и он принес мне список из *двадцати восьми* различных игр и сказал, что их гораздо больше.

I. Первое называется Хатим, или Кольцо. Мальчик надевает кольцо на тыльную сторону ладони, подбрасывает его и ловит тыльной стороной пальцев. Если она попадает на средний палец, он трясет ею до указательного, и тогда он султан и назначает визиря, которому приказывает бить других мальчиков. Потом все мальчики поют,

Динь-дон, вращай колесо,
Наматывай фиолетовую нить:
Пряди белую и пряди красную,
Наматывай ее на катушку:
Из шелка и льна, насколько сможешь,
Сотки халат для Великого султана.

II. Киллех. Нравится игра в стрелялки шариками.

III. Owal Howa. То же, что лягушка-прыгун.

IV. Бизнес Зовайя. Кот в углу.

Против Тайя я Тайя. Все мальчики встают в ряд, а один напротив, лицом к ним, который выкрикивает Тайя я Тайя. Затем они все бегут за ним и бьют его. Затем он прыгает на одной ноге, как будто хромает, и ловит одного из них, который занимает его место.

VI. Эль Манья. Привет, тиг.

VII. Биль Коббе. Мальчики стоят в кругу, склонив головы. Другой круг встанет снаружи и по заданному сигналу попытается взобраться на спины мальчиков из внутреннего круга. Если им это удастся, они остаются стоять таким образом; если нет, мальчик, потерпев неудачу, должен занять внутреннее место.

VIII. Гуммайда. Игра в жмурки.

IX. Табех. Базовый мяч и отбрасывающий мяч.

X. Курдский Мурбут или Привязанная обезьяна. К вбитому в землю колышку привязана веревка, и один мальчик крепко держит ее. Остальные завязывают узлы на своих носовых платках и бьют его. Если он ловит их, не выпуская веревки, они занимают его место.

XI. Шуха или ястреб. Раскачайся на ветке дерева. Мальчик опирается на качели и бежит среди мальчиков, пока не поймает одного, чтобы занять его место.

XII. Джора. Бросание шариков в джору или ямку в земле.

XIII. Хабби Мухзинак. "Галька-галька". Один мальчик ходит по кругу, вкладывает камешек в руку одному из участников круга и спрашивает: "Камешек, камешек, у кого камешек". Это как "Пуговка, пуговка".

Тогда есть другие игры, такие как шашки и "Моррис", шахматы, а также игры, которые используются в азартных играх, о которых вам вряд ли захочется слышать.

Иногда во время игры они поют песню, которую я перевел:

Я нашел черную ворону,
С пирожным во рту,
Я попросил его покормить меня,
Он закричал: "кау, кау".

Я нашла курицу
С буханкой хлеба —
я попросила его покормить меня.
Он плакал, сказано было достаточно.

И черный орел
С бревном на спине
Сказал: "Я пришел из Египта"
, И он закричал: "кляц, кляц".

Итак, вы видите, что арабские мальчики так же любят игры и песни, как и американские. У них есть десятки песен о газелях, и жемчугах, и султанах, и бедавинах, и вурдалаках, и "гузах", и Дурном глазу, и арабских кобылах, и пашах.

Несколько дней назад один друг по имени шейх Али зашел ко мне и продекламировал странную песню, которая напомнила мне истории "Кто убил петуха Робина" и "Дом, который построил Джек". В некоторых арабских деревнях, где блохи водятся в изобилии, люди время от времени подходят к теннуру, или печи (которая похожа на большой глиняный кувшин, утопленный в землю), чтобы стряхнуть блох в огонь. История, которую я перевел, звучит так: Блестящий жук и благородная блоха однажды подошли к печи, чтобы стряхнуть постыдных блох со своей одежды в огонь. Но, увы, увы, благородная блоха оступилась, упала в огонь и сгорела. Тогда блестящий жук начал плакать и причитать, говоря:

Увы! Ах я!
Благородная Блоха!
Пока он так плакал,
И нес свою печальную вахту,
Блестящий ворон над головой
быстро слетел вниз и мягко сказал:
О мой друг, о блестящий жук,

Почему ты плачешь на коврике?
Жук ответил: "О лоснящийся ворон,
С твоей остриженной головой,
Я сейчас плачу,
И печально несущую вахту
Надо мной!"
Благородная Блоха.
Ворон он,
Заплакал над блохой,
И полетел к зеленой пальме —
И от горя уронил перышко,
Как снег зимой.
Пальма сказала: "Мой лоснящийся ворон,
Почему ты выглядишь таким трусливым,
Почему ты уронил перо,
Как снег зимой?"
Ворон сказал:
Блоха сдохла!
Я видел, как блестящий жук плакал
И как он печально нес свою вахту,
Увы, Увы, Ах я!
Над Благородной Блохой.
Тогда зеленая Пальма,
Плакала над благородной блохой.
Сказал он, блоха сдохла!
И все его ветки опали!
Косматый Волк, он заблудился,
Чтобы отдохнуть в тени Пальмы,
Он увидел сломанные ветви, знак
глубочайшего горя,
И сказал: "О зеленая пальма,
Какую печаль ты видела?"
Какой благородный человек мертв,
Что ты сбрасываешь свои ветви?
Он сказал: "О волк, такой косматый,
Живущий в таких скалистых местах,
Я видел лоснящегося ворона,
Выглядевшего несчастным и малодушным,
Роняющего перо,
Как снег зимой.
Он увидел плачущего блестящего жука
И его печальную вахту,
Увы, Увы, Ах я!
Над Благородной Блохой!
Тогда Волк в отчаянии
Сбросил свою лохматую шерсть.

Тогда река стала чистой и сияющей,
Увидел волка, тоскующего в печали,
Спросил его, почему в печальном отчаянии
Он сбросил свою лохматую шерсть?
Сказал Волк, О сияющая Река,
Я в глубокой печали тоскую,
По Пальме, которую я видел,
Сбрасывающей все свои зеленые ветви,
И он увидел лоснящегося ворона,
Выглядевшего таким несчастным и малодушным,
Когда он ронял пушистое перо,
Похожее на снег зимой.
Он увидел, как блестящий жук плачет,
А он печально наблюдает,
Увы, Увы мне,
За Благородной Блохой!
К сожалению, тогда сверкающая Река
навсегда высушила свои воды.
Тогда Пастух со своими овцами
спросил Реку, когда-то такую глубокую,
Какое великое горе, о сияющая река,
Иссушило твои воды навсегда?
Сказала река, когда-то такая сияющая,
Я в глубокой печали тоскую,
С тех пор как я увидел отчаяние волка,
Когда он сбросил свою лохматую шерсть,
Из-За Пальмы, которую он видел,
Сбросившей все свои зеленые ветви,
И он увидел лоснящегося ворона,
Выглядевшего таким несчастным и малодушным,
Когда он уронил пуховое перо,
Похожее на снег зимой,
Он увидел блестящего жука, плачущего,
И печально несущего вахту.
Увы, увы, Ах я!
Над Благородной Блохой!
Тогда Пастух в глубокой печали
Вырвал рога у всех своих овец,
Печально повязал их себе на голову,
Так как услышал, что блоха мертва.
Тогда дорогая мать Пастуха,
Спросила его, почему в пустынной тоске
Он в глубокой печали вырвал
Все рога у всех своих овец,
Печально повязал их себе на голову,
Как будто умер друг?

Сказал он, это потому, что Река
навсегда Искушила его воды,
С тех пор как он увидел отчаяние Волка,
Когда тот сбросил свою лохматую шерсть.
За Пальму, которую он видел,
Сбрасывающую все свои зеленые ветви,
За лоснящегося ворона,
выглядевшего таким несчастным и малодушным,
Когда он ронял пушистое перо,
Похожее на снег зимой.
Он увидел плачущего блестящего жука,
И его печальную вахту,
Увы, Увы, Ах я!
Над Благородной Блохой!
Мать сэд заплакала,
воткнула иголку в ушко;
Больше не могла видеть свою нитку,
Так как услышала, что блоха сдохла.
Тогда Отец, серьезный и вежливый,
Услышав это, *отсекает себе руку*;
А дочь, когда она слышит,
В отчаянии *отрезает себе уши*;
И по городу распространяется глубокая скорбь,
Потому что они услышали, что блоха умерла.

ДЕТСКИЕ СТИШКИ АРАБОВ.

Кто это поет таким сладким жалобным голосом в комнате под нашим крыльцом? Это Сит Лейла, жена шейха Аббаса, поющая колыбельную своему маленькому сыну шейху Фриду. Мы будем сидеть на крыльце в этом ярком лунном свете и слушать, как она поет:

Тот, кто не любит тебя,
Мой маленький мальчик;
Пусть он будет изгнан из своего дома,
И никогда не узнает радости!
Пусть "Гхуз" съест своего мужа,
А мышь уничтожит ее масло!

Это не очень приятные слова для нежной леди, обращающейся к маленькому мальчику, но дружские и мусульманские женщины используют такого рода ругательства во многих своих детских песенках. Катрина говорит, что многие греческие и маронитские женщины тоже поют их. Эта молодая женщина Лайя, которая сидит здесь, повторила для меня не менее ста двадцатитаких детских стишков, свадебных песенок, похоронных причитаний и т.д. Некоторые из этих проклятий ужасны.

Они, кажется, думают, что лучший способ показать свою любовь своим детям - это ненавидеть тех, кто их не любит.

Им Фарис говорит, что слышала это в Хасбейе, на своей родине:

О, спи с Богом, дитя мое, мои глаза,
Твое сердце не узнает зла;
Кто любит тебя не так сильно, как я,
Пусть Бог разрушит ее дом!
Пусть мечеть и минарет, купол и все остальное
падут на ее злую голову в гневе!
Пусть арабы ограбят ее гумно,
И ни одного зернышка не останется в ее запасах.

Служанка Нидех, которая посещает Сит Лейлу, думает, что пришла ее очередь, и поет:

У нас есть белое и румяное на щечках нашего ребенка,
В фунтах и тоннах в запасе;
Но чернота и ржавчина,
плесень и сусло
Для соседских детей есть!

Я надеюсь, что она имеет в виду не *нас* потому что мы ее ближайшие соседи. Но на самом деле я не предполагаю, что они на самом деле имеют в виду то, что поют в этих измаильских песнях. Возможно, они так и делают, когда злятся, но, вероятно, они поют их обычно, вообще не задумываясь об их значении.

Иногда с потолков этих домов с земляными крышами спускаются змеи и наводят ужас на людей. В других случаях приезжают правительственные всадники и уводят их в тюрьму, как это было в Сафите. Об этих вещах говорится в следующей песне, которую поет Нидех:

Если она не любит тебя, мой мальчик,
Да разрушит Господь ее жизнь!
Семь мулов топчут ее,
Волокут ее тело через весь город!
Змеи, которые свисают с потолка,
Жалют ее насмерть ядовитыми клыками!
Солдаты из города Дамаск,
Утащите ее и не проявляйте жалости!
И не отпускать ее ни на день,
Хотя она заплатит тысячу фунтов!

Пожалуй, хватит проклятий, и нам будет приятнее послушать Катрину, потому что она споет нам самые сладкие сирийские детские песенки.

Спи, моя луна, мое дитя, спи!
Плеяды продолжают сиять на своих часах.
Весы сияют так ярко,
Звезды сияют, тише, моя дорогая!

В мелодиях, которые они поют на эти слова, не так уж много музыки. Мелодии обычно жалобные и монотонные, с печальным и утомленным звучанием.

Вот еще один:

Мой мальчик, моя луна, желаю тебе доброго утра!
Кто желает тебе мира, тот не узнает печали!
Тому, кого вы приветствуете, его земля подобна небесам,
Его заботы облегчены, его грехи прощены!

Она говорит, что последняя строчка экстравагантна, и я так же думаю. Следующая - мусульманская колыбельная.

О Владыка небес, Знающий и Мудрый,
Сохрани моего Али, свет моих очей!
Господь высоких небес, Милосердный!
Сохрани моего дорогого мальчика в любом состоянии!

Этим именем пользуются женщины всех сект, но во всех песнях название изменено в соответствии с именем ребенка, которому поет мать,

Али, твои глаза спят,
Но глаза Бога никогда не спят:
Их часы одинокого плача
Никто не может хранить вечно.
Как сладка ночь здоровья,
Когда Али спит спокойно!
О, пусть такие ночи продолжаются,
И никогда, никогда не прекратятся!

Среди множества детских песенок я слышала лишь очень немногие, адресованные девочкам, но некоторые из них прекрасны. Послушайте, как Катрина поет эту песню:

Люлю, дорогая, в доме светло,
От солнечного света твоего чела;
Мужчины, которых твой отец почитает сейчас,
Когда они видят твое прекрасное чело.
Если отец придет домой грустный,

Увидев тебя, он приободрится.

"Мыло фуллера", упомянутое в Малахии 3: 2, - это растение, называемое по-арабски "Ашнан или Шенан", и арабы иногда используют его вместо мыла. Ниже приводится еще одна песня, адресованная маленькой девочке:

Приходи, Верблюжонок, как можно скорее,
И сделай нам мыло из зеленого "Шенана",
Чтобы искупать нашу дорогую Люлю;
Мы вымоем ее и оденем,
А потом приласкаем ее,
Она будет спать в своем маленьком серере. (колыбель)

Эту песню поют дружские женщины своим маленьким девочкам:

Твой глаз черный, как смоль, и ресницы у него темные,
Между изогнутыми бровями он вспыхивает, как полумесяц;
При нанесении "kohl" он намного ярче,
Чем полная луна или утренняя звезда.

Предполагается, что женщина-друга обращается к своей соседке, у которой есть дочь брачного возраста, со следующими словами, когда она обязана закрывать лицо вуалью:

Спрячь свою дочь, закрой ей лицо,
Сосед, не медли:
Ибо моя Ханна достигла совершеннолетия,
Говорит, что хочет жениться.
Когда я спросила о его выборе,
сказал, что он не нуждался:
Но что, если он когда-нибудь женится,
Он думал, что ему понравится Фриди.

Следующий тоже дружский и чисто восточный:

Два исцеления, одно здоровье,
Еще четыре исцеления:
Четыре пакетика семян кунжута,
Разбросанные по полу;
Подберите и пересчитайте их один за другим.
Подсчитайте их количество;
За каждое зернышко пожелайте здоровья Хасану.
Пусть он сладко спит!

Друзские женщины ничему так не радуются, как тому, что их сыновья ездят верхом на прекрасных лошадях:

Мой Юсеф, моя чашка сладкого шербета,
Мое красное сукно, развешанное над улицей,
Когда ты едешь на кровавой кобыле с мечом и пистолетом,
Твое седло золотое, а стремяна хрустальные.

Катрина говорит, что эта маленькая песенка - утреннее приветствие маленьким мальчикам:

Доброе утро тебе, Малыш!
Твое лицо как роса, Малыш!
Никогда еще не было ребенка, такого веселого и кроткого,
Такого доброго утра, Маленький мальчик!

Эту песню поют друзские женщины своим малышам:

О Райский воробей,
Усыпи его?
Твоим перьям "хоть бы хны".
Следи за ним и сохраняй!
Принеси сон мягкий и сладостный
На своих белых крыльях!
Посвящается домашнему любимцу Хассану
И его поющей матери!

Дамасские яблоки известны по всей Сирии, хотя мы должны рассматривать их как очень плохие фрукты:

Какой он из себя? Если кто-нибудь спросит нас,
Цветы и яблоки дамасские;
Ароматные яблоки на подносе,
Розы, источающие сладкий майский аромат.

Лайя говорит, что следующую песню поют друзские женщины своим маленьким мальчикам:

Я люблю тебя, я дорожу тобой и желаю тебе
сотни дубов в долине;
сотни кровных кобыл, привязанных во дворе,
Готовых к набегу или вылазке.
Садись на коня, улетай, распустив свой шарф,
Соберутся вожди племени;
Дамаск, Алеппо и Гута, расположенные рядом,

вздрагнул При звуке твоего приближения.

Неджме говорит, что женщины-бедавинки, которые приезжают в Сафиту, ее родные места, часто поют следующую песню:

Иди, Бедняжка, сядь ко мне на колени,
На твоей маленькой белой шапочке сияют красивые жемчужины, в твоих ушах -
кольца, в носу -
кольца, на твоих пальцах -
кольца,
На пальцах ног - "хна".

Они используют "хну" для окрашивания рук, ног и ногтей на пальцах, когда в семье происходит свадьба или праздничное событие.

Катрина вспоминает еще одну песенку, которую она когда-то пела Гарри:

Добро пожаловать, моя дорогая малышка,
Откуда ты пришла?
У тебя приятный голос,
Какие маленькие ножки!
Чувствуй себя как дома!

Нидех, дружская девушка с лестницы готова спеть еще одну песню. Она укачивает маленького шейха Фирида в его колыбели и говорит:

Спи в своей колыбели, мой мальчик,
Отдыхай от всех своих трудов;
Пусть Эль Хаким, Бог небес,
Всегда будет твоим соседом!

Мне грустно слышать, как бедная женщина молится мужчине. Этот Эль Хаким был человеком, и к тому же плохим человеком, который жил много сотен лет назад, и теперь друзья считают его своим Богом. Но какая разница между поклонением Хакиму, как это делают друзья, и поклонением Марии и Иосифу, как это делают греки и марониты? Лайя говорит, что марониты в нижней части этой деревни поют следующую песню:

Хиллу, Хиллу, Аллилуйя!
Придите, мои дикие газели!
Тот, кто попадает в беду,
взывает К Деве Матери;
Она отправляется В Дамаск,

Все горные монахи отправляются в путь.
Приди, мой священник и приди мой дьякон,
Принеси кадило и маяк,
Мы отслужим мессу,
В церкви Мар Элиас;
Мар Элиас, дорогой мой сосед,
Ты, должно быть, глухой, если не слышал.

Сидящая Лейла поет:

Я люблю тебя, мой мальчик, и это доказательство,
Я бы хотел, чтобы у тебя были все богатства "Шуфа",
Сотни дорогих шелковых тюков,
Сотни кораблей с высокими парусами.
Сотни городов будут повиноваться твоему слову,
И тысячи тысяч будут называть тебя господом!

Катрина снова готова петь:

Я буду петь тебе,
Бог даст тебе,
Все, что тебе нужно, моя дорогая:
Он здесь и там,
Он везде,
И для тебя Он всегда рядом.

Люди говорят, что мать считает каждого ребенка, который появляется на свет, лучше любого другого, когда-либо рожденного. Арабские женщины тоже так думают, и вот как они это поют:

Такой, как ты, никогда не рождался,
Такого, как ты, никогда не приводили;
Все арабы могли состариться,
Не сражаясь так храбро,
Но несмотря на все их сражения,
Такого, как ты, они так и не поймали.

Им Фарис спрашивает, не хотели бы мы услышать стишки, которые поют арабские женщины, играя со своими детьми. Вот некоторые из них. Первое, что вам покажется похожим на то, что вы уже видели в "Матушке Гусыне".

Кузнец, кузнец, подковывай кобылу,
Подковывай жеребенка с величайшей осторожностью;
Держи подкову и вбивай гвоздь,

иначе все твои труды пропадут даром;
Подковывай осла для Селима,
И жеребенка для Ибрагима.

Сахарный тростник в изобилии растет в Сирии, и впервые его завезли из сирийского Триполи в Испанию, а оттуда в Вест-Индию и Америку. Но все, что они делают с ним сейчас в Сирии, это сосут его. Его разрезают на куски и продают людям, старым и молодым, которые чистят его и сосут. Поэтому арабские женщины поют своим детям:

Срывай и соси зеленый сахарный тростник,
Все сладкое дорого и напрасно;
Он отрежет тебе косяк длиной с пядь,
И возьмет за это два пиастра. Теперь покупайте, если сможете!

Верид говорит, что споет нам две или три песни, которые они используют, обучая маленьких арабских младенцев "похлопывать" себя по рукам:

Пирожок с пирожным, детка! Заставь его танцевать!
Пусть его возраст увеличивается, а годы идут вперед!
Пусть его жизнь, подобная скале, продержится долгие годы,
Заросшая лилиями, такими сладкими и чистыми!

И вот Сидящая Лейла снова поет одну из дружских колыбельных:

Тишина за двоих, тишина за двоих!
Льняная рубашка с голубой каймой!
Тканью, которую продает маленький разносчик,
Для отца глаз, похожих на глаза маленьких газелей!
Твоя мать будет ткать, прясть и перевивать,
Чтобы так красиво одеть тебя, о маленький Хассейн!

Ты слышишь крик шакалов, когда они поднимаются из долины? Их крик похож на голоса кошки и собаки, смешанные воедино, и Им Фарис знает некоторые частушки, которые они поют своим детям о шакалах и их любви к цыплятам:

Вы, хитрые негодяи, берегитесь!
Вы, длинношерстные шакалы!
Ты съел цыплят старой Катрин,
И убежал, распевая, как дикий бедавин.

Неприятно, когда нас постоянно раздражает столько блох, но мы не должны больше беспокоиться о том, чтобы не пустить блох, чем о том, чтобы впустить людей, а поскольку

феллахи приходят к нам, они, скорее всего, *заразят* нас тоже. Сафита славится блохами, поэтому неудивительно, что Неджме знает следующую песню мальчиков о блохах:

Я поймал и убил прыгающую блоху,
ко мне пришли дети его сестры:
У одного были барабаны, которые я проколол в ушах,
Другой играл на флейте громко и яростно,
Потом они танцевали со мной, заставляли меня петь,
Как обезьяну на ринге.
Приди, о Диби, приди, я молюсь,
Немедленно приведи Доктора!
Мир вашему сердцу, не чувствуйте тревоги,
Вам не причинили ни малейшего вреда.

Лайя никогда не упускает возможности узнать что-то новое, и я поражен ее памятью. Она загадает нам несколько рифмованных загадок на арабском, а мы, как сможем, переведем их на английский. Первая - о *Муравье*:

Она черна, как ночь,
Но это не ночь:
У нее, как у птицы, есть крылья,
Но она никогда не поет;
Она копается в доме,
Но это не мышь;
Она ест ячмень и траву,
Но это не осел.

Загадка *опистолете*:

Над морем пролетела птица без перьев,
Птица без перьев, как это может быть?
Прекрасная птица, которой я восхищаюсь,
С деревянными ногами и огненной головой!

Загадка на *соли*:

О арабские племена, такие смелые и веселые,
Мало ли у вас сегодня зерна?
Его никогда не видно ни на деревьях,
Ни на цветах и такой зеленой пшенице.
Его источник чист, его приятно есть,
из воды получается оно не сладкое,
Хотя из воды оно получается, и в нем есть вода,
Если положить его в воду, оно умрет через минуту.

Дверь внизу открылась, и несколько друзей Сит Лейлы пришли навестить ее. В тот момент, когда они увидели, что маленький младенец умер, они все начали кричать: "Исм Аллах алейхи", "Имя Аллаха над ним". Они используют это выражение, чтобы уберечься от сглаза. Это суеверие распространено по всей Западной Азии, Северной Африке, а также существует в Италии и Испании. Доктор Мешака из Дамаска говорит, что те, кто верит в Сглаз, "думают, что некоторые люди обладают способностью убивать других одним взглядом. Другие наносят увечья взглядом. Другие собирают виноград, просто глядя на него. Эта сила может заключаться в одном глазу, и один человек, который думал, что обладает этой силой, *прикрыл один глаз* из сострадания к другим! Мусульманские шейхи и другие утверждают, что лечат сглаз и предотвращают его пагубное воздействие, записывая мистические слова-талисманы на бумажках, которые следует носить. Другие пишут эти слова на яйце, а затем ударяют яйцом по лбу сглаза".

Всякий раз, когда строится новый дом, рабочие вешают на входную дверь яичную скорлупу, или кусок квасцов, или старый корень, или ослиный череп, чтобы уберечься от сглаза. Мусульманские женщины оставляют своих детей оборванными и грязными, чтобы люди не любовались ими и, таким образом, не портили их дурным глазом. Они думают, что голубые глаза особенно опасны.

Они думают, что имя Бога или Аллаха - это заклинание против зла, и когда они повторяют его, у них нет ни малейшего представления о благоговении перед этим Святым Именем.

Вот страшное проклятие в адрес женщины, которая наносит удар Сглазом:

Пусть ее рука будет засунута ей в рот,
А глаза сожжены в огне!
Благословения Всемогущего Бога,
Сохрани тебя от ее гнева!

Нидех поет

Над вами имя Аллаха,
Вокруг вас око Аллаха!
Пусть Дурной Глаз будет ослеплен,
И никогда не причинит вреда моему мальчику!

Сейчас десять часов вечера, и Катрина, Лайя, Верид и Хандуме говорят, что пора уходить. Хандуме настаивает, чтобы мы пришли завтра на ее свадьбу. Амин пойдет с ними, чтобы отогнать собак и проследить, чтобы по дороге на них не напали волки, гиены или леопарды.

ЧАСТЬ VII.

Мальчики из Абейха - ранние пташки. Какой у них веселый смех! Какую новую песню они сейчас поют?

Ночью прошел ливень, и Юсеф и Халил поют о дожде. Мы говорим по-английски "идет дождь", но арабы объясняют нам, что означает "это". Они говорят: "В мире идут дожди", "В мире идет

снег", "Мир рушится", "Мир гремит и светлеет". Таким образом, вы сможете сказать своему учителю, когда он попросит вас разобрать "идет дождь", что "это" - это местоимение, обозначающее "мир". Услышь, как они поют:

Дождь, о мир, весь день и ночь,
Мы будем стирать наши одежды добела.
Пролей свои воды дождем, о мир,
На голову моей дорогой бабушки.

Теперь светит солнце, и Халил говорит, что "мир снова стал лучше", поэтому он поет:

Солнце светит ярчайшим лучом
На крыше Им Селима;
Сейчас медведь будет танцевать рил,
На крыше Им Халиля.

Крыши домов низкие и плоские, а на склонах холмов можно пройти с улицы наверху по крышам домов вниз. Когда-то я жил в доме в Думе, где крупный рогатый скот, ослы и овцы каждый вечер прогуливались по нашей крыше, возвращаясь с пастбища. Было не очень приятно просыпаться в полночь от коровьей драки на крыше, когда камни и грязь сыпались нам в лицо, но другого дома у нас не было, и мы должны были извлечь из этого максимум пользы. Тогда вы можете понять песню Халила:

Солнце встает такое яркое
Над дочерью паши:
Смотри, как она подбрасывает кисточки голубого цвета,
Как учила ее мать.
Заведите быков на крышу
деревенского священника;
Он убьет их всех до единого,
И устроит пир беднякам.

Мальчики, кажется, пребывают в приподнятом настроении. Все они знают Хандуме и ее нареченного Шахина Маттар, поэтому они раскачиваются и поют в честь ее свадьбы.

Но пришло время свадьбы, и мы отправимся в Айн-Кесур, примерно в миле отсюда, и присоединимся к свадебной процессии. Когда мы подходим к дому, мы слышим, как женщины внутри поют. Они одевают невесту, и после того, как она одета, они водят ее по кругу и пытаются заставить танцевать. Возможно, они позволят нам посмотреть, как она одета. Ее голова покрыта головным убором из розовой марли, расшитым золотой нитью и пурпурной синелью, украшенным жемчужными бусинами и искусственными цветами, а поверх всего - длинной белой марлевой вуалью, отделанной кружевом. В ушах у нее золотые серьги филигранной работы с подвесками из жемчуга, а наше - нитка бус из чистого янтаря и золотое ожерелье. На ней жакет из черного бархата и позолоченный пояс, расшитый синим и застегивающийся

серебряной позолоченной филигранной пряжкой в виде банта с подвесками. На ее пальце золотое кольцо с сапфиром, а другие - с бирюзой и аметистами. Ее платье из коричневого атласа, а на руках массивные золотые браслеты стоимостью 1400 пиастров, или пятьдесят шесть долларов. Ты знаешь, что Хандуме небогатая девушка, а ее жених - усердный погонщик мулов, и ему пришлось очень потрудиться, чтобы раздобыть денег на все эти вещи, потому что по обычаю жених платит за наряд невесты. Люди всегда вкладывают свои деньги в драгоценности, потому что их легко носить с собой и легко закапывать в землю во время гражданских войн и смут. Братья и родственники Шахин приехали, чтобы отвезти ее в Абейх, но его нигде не видно. С его стороны было бы неприлично приходить к ней домой. Уже несколько недель она не была в Абейхе, разве что пригласила нас на свою свадьбу, и когда Анна спросила ее, в какой день она выходит замуж, она заявила, что ничего об этом не знает. Они думают, что для невесты не скромно беспокоиться о свадьбе, и она попытается сделать вид, что не хочет идти, когда они будут готовы начать. Сейчас женщины поют:

Танцуй, наша невеста, такая прекрасная,
Танцуй и ни о чем не заботься;
Твои браслеты поют, твои ножные браслеты звенят,
Твоя сияющая красота ослепила бы короля!
В Дамаск отправился твой отец,
И твоего жениха зовут Абу Зейд.

И вот молодые люди снаружи танцуют и фехтуют, и все они присоединяются к пению:

Танцуй, мой танцор, рано или поздно,
Хотел бы я, чтобы таких, как ты, было семь или восемь;
Два таких дядюшки, как ты, беспечных и веселых,
Чтобы они стояли за моей спиной в судный день!

И вот молодые люди, родственники жениха, обращаются к брату невесты, так как ее отца нет в живых, и все они поют:

О брат невесты, ты должен скакать на боевом коне;
Тебе следовало бы стать государственным советником;
Когда ты повышаешь голос,
Залы суда ликуют,
И земля содрогается от страха
От Акко до Хузира.

И теперь воинственные друзья, которые являются старыми друзьями Шахина и его отца, хотят проявить свою добрую волю, спев свадебную песню, которую они позаимствовали у древних диких обитателей этой земли Ханаан:

О брат невесты, твоя кобыла перегрызла уздечку,
Беги за кузнецом, не сиди сложа руки.
Она подбежала к могиле, где похоронены ваши враги,

И вырвала их сердца своими железными башмаками!

Но пришло время процессии трогаться в путь, и мы продвигаемся достаточно медленно. Невеста едет на кобыле, которую ведет один из братьев Шахина, и когда мы проезжаем мимо фонтана, люди льют воду под ноги кобыле в качестве возлияния, а Хандуме бросает детям несколько маленьких медных монет. Женщины в труппе настраивают зилагит, высокую пронзительную трель голоса, и все веселятся, как свадебный колокол. Когда мы подъезжаем к дому Шахина, он скрывается из виду, даже не предлагая своей невесте помочь слезть с лошади. Так не пойдет. Он останется среди мужчин, а она - в отдельной комнате среди женщин, пока не наступит час церемонии.

Но женщины снова поют, и на этот раз песня действительно красивая на арабском, но, боюсь, я плохо перевел ее:

Аллах, белали, белали,
Аллах, белали, белали,
Пусть Бог сохранит жизнь твоему отцу,
Нашей прекрасной газели долины!
Пусть Аллах приумножит его богатство
Он принес тебе такое дорогое приданое;
Лунный свет исчез из его дома,
Розы в его садах так цветут.
Убегайте, грубые мужчины, отворачивайтесь,
Уступите место нашей прекрасной невесте:
От ее сладких духов я вздыхаю,
От запаха мускуса я умираю.
Приходи и присоединяйся к нам, прекрасная дева, тебе принесли твоё платье,
Оставь своих павлинов и голубей, приласкай нашу невесту;
Красный шелк! малиновый шелк! ткач кричит на ходу:
Но щеки нашей невесты ещё краснее, они яркие, как роза.
Темный шелк! черный шелк! послушайте его сейчас, когда он поет:
Но волосы нашей невесты черны, как темные крылья ворона;
Со светом наших глаз, с нашей нежной Рукой
Ни одна девушка из Друзов никогда не сможет соперничать.
Она стоит всех богатств ливанских владений,
Всех виноградников и олив, шелковичных червей и зерна.
И ни одна служанка из христиан не может сравниться с ней,
Хотя она сияет жемчугом и столь редкими драгоценностями.

Теперь дом битком набит, все мужчины находятся в одной комнате с Шахином, женщины - в другой, а придворные - с невестой Хандуме. Один из братьев Шахина подходит с кумкумом и брызгает нам всем в лицо водой из цветов апельсина, а Халил спрашивает нас, хотим ли мы, чтобы церемония состоялась сейчас? Мы говорим ему, что он должен спросить об этом у жениха и невесты. Итак, Абу Шахин приходит в суд со старым священником Эклемандусом, поскольку семья Шахина принадлежит к греко-католической секте. Хандуме на самом деле

протестантка, и Шахин не имеет ничего общего со священниками, но "старики" поступили по-своему. Поперек двора висит белый занавес, и с одной стороны стоит невеста со своей подружкой невесты и всеми женщинами и девочками, а с другой стороны - священник с Шахином и все мужчины и мальчики. Затем были розданы и зажжены свечи, и старый священник, поправив рясу, начал читать брачную службу. Помощник, стоявший рядом с ним, заглядывал ему через плечо и отвечал "Аминь" громким и протяжным голосом. Наконец священник окликнул его: "Немного короче в этих "аминь". Нам не нужны долгие "Аминь" на свадьбе!" Это вызвало смех всей толпы, и он продолжал читать отрывки из Священного Писания, молитвы и советы жениху и невесте в самой торопливой и легкомысленной манере, произнося это в нос, так что никто не мог понять, что он говорит. Когда он читал из Евангелия о браке в Кане Галилейской, маленький мальчик с зажженной свечой в руках подошел совсем близко к тому, чтобы сжечь бороду старика, и тот крикнул ему: "Погаси свою свечу! Ты лишил меня жизни этой свечой". Это вызвало еще один смех, и он продолжил читать. Затем он взял два кольца и, отодвинув занавеску, надел одно на голову невесты, а другое - на голову жениха, объявив их мужем и женой, а затем дал каждому из них по глотку вина, и церемония завершилась, все мужчины поцеловали Шахин, а женщины - Хандуме. Затем гостям из деревни были поданы прохладительные напитки, а из других деревень - ужин. Вечером в доме Шахина собралась большая компания, и час был отведен рассказыванию историй. Салех, чей брат женился на сестре Шахина, начнет *с Истории о Козах и упыре*.

Жила-была Коза-нянька, сильная и властная, упитанная, с длинными и крепкими рогами, и однажды она родила близнецов, белокурых и прелестных. Одного звали *Сунайсил*, а другого Рабаб. Теперь Козочка-Нянька каждое утро уходила на пастбище, оставляя своих малышей-близнецов в пещере. Она осторожно закрыла дверь, и они заперли ее изнутри из страха перед Упырем, потому что ее сосед из соседнего дома был Упырем, который заживо глотал маленьких детей. Потом, вечером, когда она приходила домой, она стояла за дверью и пела своим детям-близнецам эту песенку:

Послушай теперь, Сунайсил,
Иди, Рабаб, мой дорогой:
Откройся своей матери,
Никогда, никогда не бойся.
У нее в вымени сладкое молоко.
Пучки травы на ее рогах;
Она накормит вас обоих ужином,
А утром позавтракает.

Маленькие близнецы узнавали ее голос, радостно открывали дверь, сытно ужинали и, выслушав приятную историю от Анзийе (так звали их мать), засыпали сладким сном.

Теперь некоторое время все шло хорошо, пока однажды сосед-упырь, очень проголодавшийся по ужину с детьми-близнецами, не подошел к двери пещеры и не попытался ее открыть. Но это было слишком сильно для нее, поэтому она ушла в недоумении. В конце концов она решила, что споет им ту самую песню, которую Козочка-няня пела им каждый вечер по ее возвращении, и она спела ее:

Послушай теперь Сунайсила,
Приди Рабаб, моя дорогая, и т.д. и т.п.

и когда они услышали эту песню, они с радостью открыли дверь, чтобы поужинать, как вдруг Упырь набросился на них со своей огромной раскрытой пастью и проглотил их обоих сразу. Затем она закрыла дверь и заперла ее, как это было раньше, и пошла своей дорогой. Вечером Козочка-нянька вернулась домой с молоком и травой на ужин для своих близнецов, постучала в дверь и запела:

Послушай теперь Сунайсила,
Приди Рабаб, моя дорогая, и т.д., и т.п.,

как обычно, но дверь никто не открыл. Затем она снова постучала и запела, и в конце концов оставила всякую надежду на то, что они откроют дверь, уперлась в нее рогами и выломала ее. Затем она вошла в пещеру, но там не было детей-близнецов. Все было тихо. Тогда она поняла, что Упырь съел их. И она поспешила к дому Упыря, и взобралась на крышу дома, и начала топтать ногами по крыше. Гуль, услышав топот по крыше, крикнул: "Кто бы ни топал по моей крыше, пусть Аллах топчет его крышу!" Козочка ответила: "Я на твоей крыше; я, чьих детей ты съел". Выходи сейчас, и мы сразимся, столкнувшись лбами. - Очень хорошо, - сказал Гуль, - только подожди немного, пока я не смогу сделать себе пару рогов, как у тебя. Итак, коза подождала, а Гуль ушел делать ей рога. Она сделала из теста два рожка и высушила их на солнце, пока они не стали твердыми, а затем пришла "бодаться" с козой. При первом толчке, когда коза боднула ее рогами, рога из теста разлетелись на куски; затем коза снова боднула ее в живот и разломила надвое, и оттуда выскочили Сунайсил и Рабаб, резвясь, подпрыгивая и крича "я имме", о, моя мама, о, моя мама! Когда Упырь был мертв, они больше ничего не боялись и прожили долгую и счастливую жизнь со своей матерью Аназией.

Вы заметили, как маленькие мальчики слушали историю Салеха о Козах и Упире? Эту историю рассказывают матери своим маленьким детям по всей Сирии, в палатках бедуинов и в домах горожан. Одна из женщин по имени Нур (*т.е. Лайт*), сестра жениха, говорит, что расскажет детям историю о Хамаме, Бутте, Везе и Хамаре, то есть о Голубе, Утке, Гусыне и Осле, если все будут сидеть на полу смирно. Итак, все маленькие мальчики и девочки поджимают под себя ноги и складывают руки, и Нур начинает:

Однажды Голубь, Утка, Гусь и Осел объединились и договорились жить вместе. Затем они посоветовались о своих средствах к существованию и сказали: "Как долго мы будем продолжать испытывать такую нужду в необходимой нам пище?" Давайте вспашем участок земли и посадим каждый такие семена, которые ему по вкусу. Итак, они вспахали участок земли и посеяли семя. Гусь посадил рис, Утка посадила пшеницу, Голубь посадил бобовые, а Осел посадил ячмень, и они поставили Осла сторожить растущий урожай. Теперь, когда семена начали расти и цвести, и Осел посмотрел на них, зеленых, ярких и развевающихся на ветру, он встал и съел все это, а затем пошел и бросился в ближайшую канаву. Затем прилетели Голубь, Гусь и Утка, чтобы

осмотреть растущий урожай, и о чудо, все это было съедено, а земля стала красной и бесплодной. Тогда они сказали: "Где Осел, которого мы поставили охранять наш урожай?" Они искали вдоль и поперек и, наконец, нашли его стоящим в канаве, и спросили его, где урожай, который мы так тщательно посадили и поручили тебе присматривать? Тогда Осел сказал, что бедавины пришли со своими стадами овец и пасли их на наших посевах, а когда я попытался сопротивляться, они бросили меня в эту канаву. Тогда они ответили: "Это ложь, вы сами это ели". Он сказал: "Я не ел". Они сказали: "Да, ты это сделал, потому что ты лоснящийся и толстый", и спор между ними разгорелся с новой силой, пока, наконец, все они не согласились заставить каждого поклясться "жизнью Озера", которое было совсем рядом, и тот, кто принесет клятву и прыгнет в Озеро, не упав, должен быть объявлен невиновным. Итак, Голубь спустился первым и сказал:

Ветчина, Ветчина, Ветчина, Я Голубь Хамам,
Ветчина, Ветчина, Ветчина, Моя еда - простой Котан (пульс),
Ветчина, Ветчина, Ветчина, Если я съел растущий урожай,
Пусть меня внезапно вырвет!
Пусть Аллах сбросит меня в озеро,
И никто никогда не узнает обо мне никаких вестей!

Тогда Голубь прыгнул в озеро, перелетел на ветку дерева на берегу и был признан невиновным.

Тогда Утка спустилась вниз и сказала:

Но, Но, но, я Утенок Батта,
Но, Но, Но, моя пища - пшеница и навоз;
Но, Но, но, если я съел растущий урожай,
Может ли меня внезапно вырвать!
Пусть Аллах сбросит меня в озеро,
И никто никогда не узнает обо мне никаких вестей!

Итак, Утка прыгнула в озеро, а затем перелетела на ветку дерева на берегу, и ее невиновность была доказана.

Тогда Гусь спустился вниз и сказал:

Вез, Вез, Вез, я Гусь и Вез,
Вез, Вез, Вез, я ем египетский рис,
Вез, Вез, Вез, Если я съел растущий урожай,
Могу ли я внезапно его вырвать!
Пусть Аллах сбросит меня в озеро,
И никто никогда не узнает обо мне никаких вестей!

Итак, Гусь прыгнул в озеро, а затем перелетел на ветку дерева на берегу, и его невиновность была доказана.

Тогда Осел спустился вниз и сказал:

Хак, Хак, Хак, я Ослик Джек,
Хак, Хак, Хак, я ячмень ем мешком:
Хак, Хак, Хак, Если я съел растущий урожай,
Могу ли я внезапно его выбросить!
Пусть Аллах сбросит меня в озеро,
И никто никогда не услышит обо мне никаких вестей!

Тогда Осел смело прыгнул в озеро и упал, и ноги его крепко увязли в грязи. Тогда трое его товарищей, увидев, что его вина доказана, улетели и бросили его на произвол судьбы. Тогда Осел начал "реветь", моля о пощаде, и закричал во весь голос:

Тот, кто поможет мне выпутаться из этой беды,
Может съесть мой хвост за один укус!
Медведь услышал рев,
И, не мешкая долго,
Он ответил, сказав:
Длинноухий Осел, ты заплатишь,
За каждое сказанное тобой слово?
Если я спасу тебя своей силой,
Будешь ли ты стоять спокойно, пока я буду кусать?
Лживый Осел лежал неподвижно,
И ответил: "Да, я буду".
Тогда Медведь страшно зарычал,
И потащил Осла к берегу,
И сказал: "Я спас тебя от твоей участи,
Теперь стой смирно, Осел, пока я кусаюсь!"
Он сказал: Подожди, Брат, пока я отдохну,
И "понюхаю воздух" с Востока на Запад,
А потом я побегу изо всех сил,
И поджму хвост, чтобы ты меня укусил!
Тогда Бруин поймал его на слове,
он улетел быстро, как птица,
И крикнул: "Теперь, Браин, я отдохну,
Я понюхаю воздух с востока на Запад,
Теперь я бегу изо всех сил,
я "поджал хвост", чтобы ты меня укусил!"
От горя и боли Медведь решил, что
Он больше никогда не будет помогать Ослу.

У Абу Хабиба, который вот-вот поступит в колледж, есть история, которую знают все арабы и которую они любят слушать. Это называется:

Лев и Ибн Адам, то есть Лев и Человек, сын Адама.

Жил-был Лев, у которого был сын, и он всегда нападал на него, говоря: "Сын мой, остерегайся Ибн Адама". Но в конце концов старый Лев умер, и молодой лев решил, что он обойдет весь мир и увидит то чудесное животное по имени Ибн Адам, о котором так часто предупреждал его отец. И он вышел из своей пещеры и стал бродить взад и вперед по пустыне. Наконец он увидел, что к нему приближается огромное животное с длинными кривыми ногами и шеей, которое бежало во весь опор. Это был Верблюд. Но когда Лев увидел его огромные размеры и быструю поступь, он сказал, что, несомненно, это должен быть сам Ибн Адам. Поэтому он побежал к нему и страшно зарычал. Стой, где стоишь! Верблюд остановился, дрожа от страха перед Львом. Лев спросил: "Ты Ибн Адам?" Нет, сказал Верблюд, я Верблюд, убегающий от Ибн Адама. Сказал Лев: "А что такого сделал тебе Ибн Адам, что ты убежал от него?" Верблюд сказал: "Он взвалил на меня тяжелую ношу и жестоко избил меня, и когда я нашел подходящий случай, я убежал от него в эту пустыню". Лев спросил: "Неужели Ибн Адам сильнее тебя?" Да, действительно, во много раз сильнее. Тогда Лев преисполнился ужаса, что и он тоже попадет в руки Ибн Адама, и он оставил Верблюда, чтобы спокойно идти своей дорогой. Через некоторое время мимо прошел Бык, и Лев сказал: *это*, должно быть, Ибн Адам. Но он обнаружил, что тоже бежит от ига и понуканий Ибн Адама. Затем он встретил Лошадь, бегущую быстро, как ветер, и сказал, что это быстрое животное, должно быть, знаменитый Ибн Адам, но Лошадь тоже убегала от недоуздка, шпоры или сбруи ужасного Ибн Адама. Затем он встретил мула, осла, буйвола и слона, и все они в ужасе побежали от Ибн Адама. Лев подумал, каким ужасным чудовищем он должен быть, чтобы вселить ужас во всех этих чудовищных животных! И он продолжал идти, дрожа, пока голод не загнал его в лес в поисках добычи для еды. Пока он рыскал по лесу, о чудо, Плотник рубил дерево. Лев удивился его странной форме и сказал: "Кто знает, может быть, это Ибн Адам?" Тогда он подошел и спросил его: "Ты Ибн Адам?" Он ответил: "Я". Тогда Лев издал страшный рык и сказал: "Готовься к битве со Львом, царем зверей!" Тогда Ибн Адам сказал: "Чего ты хочешь от меня?" Сказал Лев, я хочу сожрать тебя. Очень хорошо, сказал Плотник, подожди, пока я приготовлю когти. Я пойду и возьму вон тот лес, а потом вернусь и сразюсь с тобой. Если ты убьешь меня, съешь меня, и если я победю тебя, я отпущу тебя, ибо мы, сыны Адама, не едим мяса диких зверей и не убиваем их, но мы отпускаем их. Лев был обманут этими коварными словами, потому что он видел, как Верблюд и его спутники убегали, и подумал про себя: "Теперь, если бы Ибн Адам действительно ел мясо животных, он не позволил бы Верблуду и Лошади, Буйволу и Мулу убежать в пустыню". Поэтому он сказал Плотнику: хорошо, я подожду, пока ты соберешь дрова, и вернусь со своими когтями. - Нет, - сказал Плотник, - я боюсь, что ты не дожدهшься меня. Ты чужой, и я не верю твоему слову. Я боюсь, что ты убежишь до того, как я вернусь. Сказал Лев, невозможно, чтобы Лев от кого-то убежал. Сказал Плотник, я не могу согласиться с тем, что ты говоришь, если ты не согласишься мне кое в чем. И что же это такое, спросил Лев. Плотник сказал: "У меня есть небольшая веревка. Давай я привяжу тебя к этому дереву, пока не вернусь, и тогда я буду знать, где тебя найти". Лев согласился с этим планом, и Плотник привязал его веревками к дереву, пока он и дерево не превратились в один плотный узел. Затем Плотник ушел в свою мастерскую, принес горшочек с клеем и, наполнив его клеем и смолой, вскипятил на огне. Затем он вернулся и обмазал Льва кипящей смесью с головы до кончика хвоста и подносил факел до тех пор, пока он не был весь охвачен пламенем с головы до хвоста, и в таком состоянии Плотник оставил его. Тогда Лев взревел в агонии, пока весь лес не разнесся эхом этого дикого рева, и все звери сбегались посмотреть, что случилось. И когда они увидели его в таком печальном положении, они бросились к нему и ослабили его путы, и он

прыгнул к реке и потушил пламя, но вышел опаленный и покрытый шрамами, без волос и гривы. Теперь, когда все звери увидели это жалкое зрелище, они заключили соглашение вместе убить Ибн Адама. Так они наблюдали и ждали день и ночь, пока, наконец, не нашли его в лесу. Как только он увидел их, он побежал к высокому дереву и взобрался на самую его вершину, взяв с собой только тесло, и там стал ждать своей участи. Теперь вся компания зверей собралась у подножия дерева и тщетно пыталась взобраться на него, и после того, как они ходили вокруг да около, в конце концов они согласились, что один должен встать у подножия дерева, а другой у него на спине, и так далее, пока верхний не доберется до Ибн Адама и не сбросит его на землю. Теперь Лев, спина которого была обожжена и покрыта волдырями, из-за своего великого страха перед человеком потребовал, чтобы он встал у подножия дерева. На это все согласились. Затем Верблюд вскарабкался на спину Льва, Лошадь - на Верблюда, Буйвол - на Лошадь, Медведь - на Буйвола, Волк - на медведя, Осел - на Волка, и так далее по порядку, пока самое верхнее животное не оказалось почти в пределах досягаемости Плотника Ибн Адама. Теперь, когда он увидел, что звери подбираются все ближе и почти готовы схватить его, он закричал во весь голос. Принеси Льву горшок с кипящей смолой! Скорее! Поспеши! И вот, когда Лев услышал о кипящей смоле, он пришел в неопиcуемый ужас, со всей силы отскочил в сторону и убежал. Вниз обрушилась куча зверей, в беспорядке кувыркающихся друг на друга, и все они лежали, стоная, избитые и истекающие кровью, некоторые со сломанными ногами, некоторые со сломанными ребрами, а некоторые с проломленными головами. Но как только утих шум их первой агонии, они всезакричали Льву: "Почему ты выпрыгнул и навлек на нас все эти страдания?" Лев ответил:

Сути истории он так и не узнал,
Тот, Кто никогда не чувствовал горящего клея!

Монсур, который только что побывал в Дамаске, говорит, что если у него будет возможность выкурить еще одну трубку и выпить чашечку арабского кофе, он расскажет историю знаменитого еврея Руфейеля из Дамаска. Итак, он начинает:

История Руфейэля, богатого еврея из Дамаска, и мусульманского дервиша.

Когда-то в Дамаске жил богатый еврей по имени Руфейель. У него было огромное богатство в виде мраморных дворцов и богатых шелковых одежд, и хорошо укомплектованных базаров, а его жена и дочери были одеты в бархат и атлас, в золото и драгоценные камни. Он также обладал большим умом и хитростью и часто помогал своим собратьям-евреям выпутываться из их неприятностей. Итак, паша Дамаска был мусульманином, который испытывал суеверный страх перед святыми мусульманскими дервишами, и они могли убедить его обложить евреев налогами и притеснять их самым жестоким образом. В те дни в Дамаск пришел святой дервиш с длинными нечесаными черными волосами, и хотя он был мерзким и порочным человеком, он заставил людей поверить, что он святой угодник и может творить чудесные чудеса. Паша относился к нему с большим почтением и часто приглашал его на обед, а когда тот входил, то наклонялся и целовал ноги дервиша! И что было самым чудесным из всего, дервиш покидал Дамаск каждый четверг вечером, попрощавшись с пашой, и отправлялся в Мекку, а утром возвращался и рассказывал паше все новости из Мекки и то, что он видел и слышал. Так он делал каждую неделю, хотя все мудрецы смеялись над ним и говорили, что он всего лишь выходил за Городские ворота и спал в садах Дамаска!

Итак, дервиш был злейшим врагом евреев. Он ненавидел их, проклинал, плевал в них и называл неверными собаками, и он убедил пашу увеличить налоги в четыре раза. Теперь их страдания стали очень велики. Им пришлось продать свои дома и мебель, чтобы заплатить высокие налоги, и многие были избиты и брошены в тюрьму. Итак, ведущие евреи в своем бедственном положении пришли к Руфейелю и умоляли его пойти к паше и добиться помощи для них и их семей. Он сказал, что подумает об этом вопросе. Поэтому, когда они ушли, он позвал главного ювелира и трубочиста города и приказал им изготовить длинную трубку изысканной работы с резным стержнем из розового дерева, инкрустированным жемчугом, чашей из чистого золота, усыпанной бриллиантами, и мундштуком из золота и янтаря. Затем однажды он отправился с визитом к паше и преподнес ему в подарок эту изящную трубку, подобной которой никогда не видели в Дамаске. Паша был очень доволен и приказал всем присутствующим удалиться, чтобы он мог насладиться обществом Руфейеля, щедрого еврея. Затем Руфейэль повернулся к паше и сказал: "Да живет ваше превосходительство вечно! Я принес вам эту трубку как слабый знак моего высокого уважения и привязанности, но я преисполнен глубочайшей печали из-за того, что она несовершенна. "Не совершенна?" сказал паша. "Вкаком отношении это может быть более совершенным, чем то, что есть?" Руфейэль сказал: "Вы заметите, что между янтарем и золотом мундштука не хватает маленького кольца. Это кольцо было самоцветом и совершенством трубки. Он был вырезан из Черного камня Каабы в Мекке и обладает чудодейственными свойствами. Но когда трубку привезли из Мекки, кольцо осталось у ювелира Мустафы, который готов прислать его при первой же возможности". "Увы, - сказал паша, - но как мы можем послать за ним сейчас? Караван паломников ушел, и в течение года больше никого не будет". "О, - сказал Руфейэль, - это легко устроить. Сегодня четверг, и сегодня вечером святой дервиш отправится в Мекку и вернется завтра утром. Вашему превосходительству нужно только приказать ему принести черное кольцо, и к завтрашнему времени трубка будет готова во всей своей красоте и превосходстве". "El Hamdû Lillah! Хвала Аллаху! Это будет сделано!" Итак, когда Руфейэль ушел, паша позвал дервиша и рассказал ему об этой чудесной трубке, доставшейся ему из Мекки, и что для ее абсолютного совершенства требовалось только черное кольцо, и что настоящим ему было приказано под страхом смерти привезти кольцо из Мекки до пятницы, в час полуденной молитвы. Дервиш поклонился самым почтительным образом и удалился с черным от ярости и отчаяния лицом. Но ему сразу пришло в голову, что никто в Дамаске, кроме Руфейеля, не смог бы купить такую трубку. Поэтому он вышел из Городских ворот, называемых Баб-Аллах, или Врата Бога, на закате, попрощавшись со своими друзьями, и бродил по садам, пока не наступила ночь. Затем, в шестом часу ночи, он вернулся через другие ворота и подкрался к дверям особняка Руфейэля. Дверь открылась, и Руфейэль принял его с величайшей вежливостью. Дервиш упал на пол, целовал его ноги и умолял сохранить ему жизнь. Он сказал: "Отдай мне то черное кольцо, которое принадлежит трубке паши, и мы будем друзьями навеки! Проси, чего пожелаешь, и это будет сделано с тобой. Только отдай мне это кольцо". - Ты разорил мой народ угнетением, а теперь просишь об одолжении? - спросил Руфейэль. "Да", - сказал дервиш, - "и ты получишь любую услугу, о которой попросишь". Поэтому Руфейэль на мгновение задумался, а затем сказал: "Я прошу об одной вещи. Добейтесь ли вы от паши приказа для всех сборщиков налогов Дамаска, чтобы, когда какой-либо еврей скажет: *"я один из Семидесяти"*, сборщик налогов проходил мимо него, и с него никогда не требовали налога". "Сделано", - сказал дервиш и, обняв Руфейеля, пожелал ему спокойной ночи. Затем утром он поспешил в Баб-Аллах и подарил кольцо паше, который был так рад, что удовлетворил его просьбу, и был отдан приказ никогда не взимать налоги с евреев, которые скажут: "Я один из Семидесяти". Тогда Руфаил собрал всех иудеев Дамаска и велел им говорить

сборщикам налогов, когда бы они ни пришли: *"Я один из Семидесяти"*. Итак, иудеи отдыхали от налогов во все дни Руфаила.

Салех Бунуср, один из лучших людей Горного Ливана и отец Халила, который принес нам список игр арабских мальчиков, уже рассказал нам историю о козах и гуле, и он говорит, что пикантный запах баклажана, который готовят для гостей на свадьбе, напоминает ему историю Бадинджана, или Баклажана.

Жил-был великий эмир или принц, у которого был очень жалкий и подобострастный слуга по имени Диб (Волк). Однажды Диб принес эмиру на ужин блюдо тушеного бадиньяна, которое так понравилось эмиру, что он сделал комплимент Дибу и сказал ему, что это лучший ужин, который он ел за последние месяцы. Диб поклонился до земли, поцеловал ноги эмира и сказал: "Да продлит Аллах жизнь вашего превосходительства! Ваше превосходительство знает, что такое добро. Ничто не сравнится с бадинджаном. Это лучший из овощей. Его плоды хороши, его листья хороши, его плодоножка хороша, и его корнеплод хорош. Его хорошо запекать, тушить, варить, обжаривать и даже в сыром виде. Это полезно для старых и молодых. Ваше превосходительство, ничто не сравнится с бадинджаном." Эмир был необычайно голоден и съел так много бадинджана, что ему стало очень плохо. Поэтому он послал за Дибом и резко упрекнул его, сказав: "Ты негодяй, ты, Диб, тебя зовут Вольф, и ты по праву получил это имя. Этот бадиньян, который вы так высоко расхваливали, чуть не убил меня". "Именно так, - сказал Диб, - да живет вечно ваше превосходительство! Бадиньян - самое мерзкое из растений. Его никогда не едят без вреда. Его плоды вредны, его листья вредны, его стебель ядовит, а его корень самый мерзкий из всех. Не годится, "аджель шанак Аллах", употреблять свиней в пищу, будь то сырыми, жареными, тушеными, вареными или жареными. Это вредно для молодых и опасно для старых. Ваше превосходительство, нет ничего хуже бадинджана! Никогда не прикасайся к бадинджану!" — "Убирайся вон, ты, никчемный малый, придурок! Что ты подразумеваешь под восхвалением бадинджана, когда я восхваляю его, и оскорблением, когда он причиняет мне боль?" "Ах, ваше превосходительство, - сказал Диб, - я слуга бадинджана или слуга вашего превосходительства? Я должен говорить то, что нравится тебе, но не имеет значения, нравлюсь я бадинджану или нет".

Свадебная вечеринка закончилась, и гости расходятся. Каждый, уходя, говорит: "С вашим удовольствием, добрый вечер!" Хозяин отвечает: "Идите с миром, вы оказали нам честь". Гости отвечают: "Нам оказана честь, Аллах дарует молодоженам ареса" (жениха). Они не посмели бы пожелать, чтобы у Шахина и Хандуме когда-нибудь родилась девочка. Это было бы расценено как оскорбление.

Мы поднимемся на холм к нашему горному дому, минуя фонтан и огромные ореховые деревья. Вот приближается всадник. Это Али, который провел месяц среди арабов-бедуинов. Он приедет и погостит у нас, и расскажет нам о своих приключениях. Он говорит, что Сит Харба, жена великого арабского шейха эд Духи, научила его нескольким бедавинским детским песенкам, и хотя он устал от своего путешествия, он повторит некоторые из них по-арабски.

Все они о верблюдах, копьях, битвах и тому подобных предметах, и неудивительно, поскольку они не видят ничего другого и ни о чем другом не думают.

Завтра праздник,
У нас на руках нет "хны";
Наши верблюды отправились за ней,
Из далеких-далеких стран;
Мы встанем ночью и послушаем, как зазвенят верблюжьи колокольчики;
И скажем тысячу приветственных слов
тем, кто принесет "хну".

.
А вот песня, которая показывает, что у бедавинов есть такая же привычка проклинать своих врагов, которую мы заметили в дружских колыбельных:

На розе и нежнейшем мирте,
Пусть уснут твои глаза, мой мальчик;
Но пусть самые острые шипы и колючий кустарник
уничтожат Всех твоих врагов!

Али говорит, что одной из самых заунывных песен, которые он слышал в пустыне, была следующая:

Я подобен раненому верблюду,
я скриплю зубами от боли;
Моя ноша велика и тяжела,
я снова шатаюсь.
Моя спина разорвана и кровоточит,
Моя рана не поддается лечению,
И что еще труднее вынести,
Никто другой не знает моего горя!

Следующая песня, которую люди пели в деревнях на границах пустыни. Под "морем" они подразумевают Галилейское море:

Трое моих спутников,
Рыбачили у моря;
Арабы взяли в плен одного,
курды забрали его брата,
В одной стране был я,
Мои друзья были в другой.

Меня оставили стонать,
В глубокой и печальной печали,
Как верблюда в полном одиночестве,
Отправляющегося в Багдад;
Душа моя, я умоляю тебя, скажи мне,
Встречались ли когда-то расставшиеся друзья вместе?

Бедавины имеют такое же низкое представление о девочках, как и бедавины в городах, и очень рады, когда рождается мальчик. Иногда, когда девочки Абей играют вместе, вы услышите, как маленькая девочка восклицает: "Он действительно очень маленький. Почему это так мало, так мало, как было ликование в тот день, когда я родился! Но послушайте, что поют бедавинские женщины, когда рождается мальчик:

Машаллах, мальчик, *мальчик*!
Да защитит его око Аллаха!
Пусть та, кто видит и не произносит *Имени*,
Будет поражена слепотой и умрет со стыдом!

Как бы тебе понравилось жить среди бедавинов и иметь смуглую арабку, одетую в грубую одежду, покрытую паразитами и пахнущую чесноком и маслом, которая будет петь тебе перед сном на циновке на земле?

Поторопи моего погонщика, куда ты идешь?
Вечереет, и верблюды мычат:
Мой дом в узле, который я несу на спине,
Когда наступает ночь, я распаковываю свой узел.

Следующая песня арабов-пасторов:

Поторопи моего проводника и уведи нас,
Ибо мы сражались и потеряли день;
К колодцу мы пришли измученные жаждой,
Колодец был сух! и мы одиноко заснули.

Бедавины пришли в боевом порядке,
Напали на нас всех голодными на рассвете
И забрали всех наших верблюдов и палатки!

Смерть входит в шатры бедавинов, а также во дворцы королей и комфортабельные дома людей в христианских землях. Но какое опустошение это оставляет после себя в этих темных, скорбящих сердцах, которые ничего не знают о любви Иисуса и утешениях Евангелия. Это похоронная песня, которую бедные бедавинские женщины поют над смертью ребенка:

О, поторопи моего верблюда, уходи, уходи,
О, поспеши туда, где остаются твои близкие:
Там плачут и причитают. Там мой "дух" ушел,
Ушел в ночь без дня:
О Звезда Утра, ты Звезда дня,
И Звезда Вечера, оба поспешите прочь,
И принесите мне бальзам для моего израненного сердца,
Ибо я должна расстаться с моим ребенком, моим "духом".

Пусть вскоре "рассветет день и взойдет дневная звезда" в их темных сердцах, и Иисус, "Яркая утренняя Звезда", навсегда станет их уделом!

Следующая песня о паломничестве в Иерусалим. Тысячи греков, армян и католиков каждый год приезжают в Иерусалим, чтобы посетить "Святые места" и получить свидетельство о прощении всех своих грехов. Греческий патриарх совершает лживый обман, называемый Священным Огнем, каждый год на греческую Пасху, зажигая свечу спичкой в темной комнате и заявляя, что она чудесным образом зажигается огнем, исходящим из гробницы Христа! И вот бедная гречанка поет своему ребенку:

О, возьми меня в паломничество,
чтобы увидеть Иерусалим:
Гробницу Христа и Благодатный огонь,
И холм Голгофа:
А потом я пойду в монастырь,
 Попрошу прощения за свой грех:
И скажу: "Госпожа моя, теперь прости",
И утешь меня снова.

Следующая песня действительно прекрасна, и ее достаточно для того, чтобы любая мать спела ее своему ребенку. Это утренняя песня:

Хвала Тому, кто несет свет,
И хранит птиц в самую темную ночь.
Бог милостив ко всем,
Восстаньте, люди, и взывайте к Нему!
Хвала Аллаху во всех делах,
Он хранит вас, а вы этого не знаете.

И этот рассказ о маленьких червячках тоже достаточно любопытен:

Хвала Тому, кто кормит червей,
В тихой долине!
Обеспечивает их порцией каждый день,
Защищает их от опасностей.
Без сомнения, они тоже восхваляют Его и молятся,
В тихой долине!

Когда наш хороший друг Юсеф, которого мы видели в Сафите, попросил женщин Нусайрийе повторить ему их детские стишки, они отрицали, что у них их есть. Они боялись пересказывать их, чтобы он не записал их и не использовал как магическое заклинание или чары против них. Когда у них рождается ребенок, никому не разрешается брать уголь или искру из дома в течение недели, чтобы ребенок не поранился. Они всегда вешают ребенку на шею маленькую монетку, чтобы уберечь его организм от высыпаний и болезней.

Ты, должно быть, устал к этому времени после свадьбы Хандуме, рассказов историй и песен бедавинов. Давайте отправимся отдыхать на ночь, благодарные за драгоценную Библию и знание Иисуса Христа. Вы действительно в безопасности в руках Божьих, и вам не нужно бояться ни Упыря, ни Баху. Спокойной ночи.

Такова жизнь. Вчера была свадьба, а сегодня похороны. Вы слышите этот ужасающий вой, эти вопли и горькие стоны страдания? Умер молодой шейх Милхам. Друзы и христианки собрались в доме и плачут вместе самым жалобным образом. Страшно подумать, какие страдания приходится терпеть бедным женщинам. Они делают все возможное, чтобы возбудить друг друга. Они не только кричат: "Милхэм, моя гордость, мой жених, звезда моей жизни, ты зашел, мой цветок, ты увял", но и напоминают друг другу обо всех смертях, которые произошли в их разных семьях за многие годы, и таким образом вскрывают старые раны скорби, которые залечило время. Тем не менее, у них есть обычные похоронные песни, и мы послушаем, как они поют в скорбном тоне:

Милхэм, прошу тебя, мой воин,
Твое копье из полированного золота;
Твои дорогие одежды и убранство
Будут продаваться на улице.
"Где Бег, которая родила меня?"
Я слышу, как плачут доспехи —
Где господь, который носил меня?
Я слышу, как вздыхают одежды.

Теперь Им Хассейн из Айнаба раздражается громкой песней, обращаясь к мертвому телу, вокруг которого все они сидят на земле:

Восстань, мой господин, опояшись своим мечом,
Из тяжелой баальбекской стали;
Зачем оставлять его висеть на гвозде?
Пусть недруги ее нрав почувствуют!
Лучше бы умер сын паши,
а не сын и гордость нашего Бармаке!

Затем Лемис отвечает другой песней, к которой присоединяются все они:

Собираются десять тысяч человек,
у Бега сегодня праздник;
Мы думали, что он отправился в гости,
Но, увы, он остался.

Тогда они все кричат, рвут на себе волосы и бьют себя в грудь. Увы, у них нет света за гробом. Кто мог ожидать от них иного? Апостол Павел призывает христиан "не печалиться, как другие, не имеющие надежды!" Это печаль без надежды. Для них вся могила темна. Как мы должны благодарить нашего Спасителя за то, что он пролил свет на тьму могилы и дал нам великое

утешение в наших печалях! Вот идет процессия женщин из Кефр-Метты. Услышьте, как они поют:

Я видел скорбящих, толпящихся вокруг,
я видел кровати, брошенные на землю;
Мраморные колонны накренились,
Деревянные балки накренились,
Мой господин и шейх, заливаясь слезами,
я спросил, что это значит?
Он печально отозвал меня в сторону
И сказал: "Сегодня *мой сын* умер!"

Тогда пожилая женщина, вдова, которой напомнили о смерти ее мужа, окликает его:

О, шейх, ты отправился на землю?
Тогда передай мой салам моему мальчику,
он отправился в долгое-долгое путешествие,
И не взял ни одежды, ни игрушек.
Ах, что он будет надевать в праздничные дни,
Когда люди наслаждаются своим праздником?

Теперь одна из женщин обращается к труп:

Владыка обширных владений,
Все восхваления тебя истинны.
Женщины вашего гарема
одеты в траурно-синее.

Затем кто-то поет материнский плач:

Мои слезы разъедают мое сердце,
Как я могу вынести разлуку с ним.
О ворон смерти, скажи мне, почему,
Ты предал меня и оставил его умирать?
О ворон смерти, уходи!
Ты ложно предал моего сына!
О Милхэм, я умоляю тебя, скажи,
Почему ты отправился жить в долину?
Я пришел издалека,
Кто же теперь придет, чтобы забрать меня домой?

Затем поднимается такой вопль, какого вы никогда раньше не слышали. Сотня женщин кричат все вместе, а затем приходят мужчины, чтобы забрать это. Женщины обнимают и целуют труп и пытаются оттащить его назад, в то время как мужчины отгоняют их и уносят к носилкам.

Некоторые женщины теряют сознание, и раздается пронзительный крик. Затем вы снова слышите плач матери.

Затем поется зов умершего о помощи:

О, выкупите меня, купите меня, друзья мои, сегодня,
Это дорогой выкуп, который вам придется заплатить,
О, выкупите меня, отец, что бы они ни потребовали,
Хотя они заберут все ваши деньги, дома и землю.

А другой поет свое обращение к могильщикам:

О, перестаньте, могильщики, вы шокируете мои чувства,
я запретил вам копать, вы докопались до камня;
Я велел вам копать помаленьку, вы копнули так глубоко!
Когда его отца здесь не будет, ты уложишь его спать?

Затем бедная женщина, недавно похоронившая маленькую дочь, начинает петь:

О невеста! на небесных крышах,
Подойди сейчас и посмотри через стену:
О, пусть твоя печальная мать только увидит тебя,
О, пусть она не зовет напрасно!
Поспеши, ее сердце разрывается,
Позволь ей увидеть твою улыбку;
Мать печально плачет,
Девушка неподвижна и холодна.

Друзы верят, что в Китае живут миллионы друзей и что Китай - это своего рода рай. Итак, другая женщина поет:

Юлла, теперь, моя госпожа, счастливо ваше государство!
Счастлив народ Китая, когда вы достигли ворот!
Госпожа, ты проходишь,
Во дворец яркий,
Превосходящий Все звезды,
На челе ночи!

И вот тело уносят на похороны, а женщины возвращаются в дом, где плач продолжается днями и неделями. У них есть много других похоронных песен, из которых я приведу две в заключение:

Вы, друзья, опоясайтесь мечами,
Сегодня погиб великий;
Арабы напали на нас,

Они думали, что мы в боевом порядке,
Но они плакали, когда увидели, что мы скорбим,
Ибо наш вождь ушел!

Далее следует плач матери по своему умершему сыну:

Солнце село, палатки свернуты,
Счастлива мать, чьи ягнята в загоне;
Но та, кто познала мрачную печаль смерти,
Пусть она отправится к Нилу цвета индиго,
И окрасит свои одежды в траурный оттенок!

И теперь, мой дорогой мальчик, наше путешествие по Сирии завершено. Ты видел и слышал много странных вещей. Всему, что есть хорошего у арабов, старайся подражать; всего, что является злом, избегай. Возможно, вы когда-нибудь напишете мне и расскажете, что вы думаете о Сирии и сирийцах. Многие маленькие мальчики и девочки прочтут это длинное письмо, но это ваше письмо, и я написал его для вашего наставления и развлечения.

Пусть добрый Пастырь, отдавший Свою жизнь за овец, поведет вас к тихим водам жизни, и, наконец, когда Он появится, пусть Он даст вам венец славы, который не померкнет никогда!

КОНЕЦ

Примечания переписчика:

Заменял "Бейрут" на "Beirût" для единообразия во всей книге.

Заменял "Нусайрийе" на "Нусайрийе" для единообразия во всей книге.

Страница 147: Добавлена открывающая скобка перед "и т.д., и т.п."

Страница 206: Изменено "Айта" на "Айтат".

Страница 273: Изменено "Иншаллах" на "Иншуллах".

Страница 311: Изменено "Мушуллах" на "Машаллах".

Страница 370: Изменен Абдулла Янни на Абдулла Янни.